

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

2024

4

ТЕМА НОМЕРА

УНИВЕРСУМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ РОССИИ

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал (основан в 2003 году)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) как сетевое издание
Реестровая запись Эл № ФС77-78954 от 07 августа 2020 г.

2024

Сетевое издание

Вып. 4

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редколлегия:

Д. Г. Смирнов, д-р филос. наук
(главный редактор)
(Россия, Иваново)

М. В. Жульков, канд. филос. наук
(ответственный секретарь)
(Россия, Иваново)

М. А. Меликян, канд. филос. наук
(технический секретарь)
(Россия, Иваново)

Г. П. Аксенов, канд. геогр. наук
(Россия, Москва)

П. А. Белоусов, канд. филос. наук
(Россия, Владимир)

А. Г. Гачева, д-р филос. наук
(Россия, Москва)

Н. Н. Летина, д-р культурологии
(Россия, Ярославль)

Т. Н. Соснина, д-р филос. наук
(Россия, Самара)

Редсовет:

О. А. Базалук, д-р филос. наук
(Украина, Киев)

А. В. Брагин, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)

О. А. Габриелян, д-р филос. наук
(Россия, Симферополь)

В. А. Грачев, д-р техн. наук
(Россия, Москва)

Т. С. Злотникова, д-р искусствоведения
(Россия, Ярославль)

Н. Н. Кожевников, д-р филос. наук
(Россия, Якутск)

Сильвия Минева, д-р филос. наук
(Болгария, София)

В. В. Мантатов, д-р филос. наук
(Россия, Улан-Удэ)

Зоран Милошевич, д-р полит. наук
(Сербия, Белград)

С. В. Орлов, д-р филос. наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Г. С. Смирнов, д-р филос. наук
(Россия, Иваново)

В. С. Фунтусов, канд. филос. наук
(Россия, Владивосток)

Адрес редакции:

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5
Тел. (4932) 30-02-16
E-mail: nocnoos@ivanovo.ac.ru

Электронная копия выпуска доступна
на сайтах: <http://glonoos.com>
www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru
<https://cyberleninka.ru>

СОДЕРЖАНИЕ**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА**

«Философское междуличие»: магистральность vs
региональность 3

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ

Гумницкий Г. Н. Нравственный поступок и его оценка [часть II] 5

ФИЛОСОФСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

Лазаревич Д., Милошевич З. Философская мысль Ивана
Ильина в сербской науке 22

Данилова В. С., Кожевников Н. Н. Парадигмы и комму-
никации региональной философии России 30

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Розенберг А. Г., Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С. Экофилософия
и ноосферология: интеграция и дифференциация в рамках
системологии 37

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Кондорский Б. М. Социально-исторические основы развития
языкового сознания 50

НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Мишук С. С. Эволюция ноосферы во второй половине XX —
начале XXI века 62

НООСФЕРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Савинкина А. И. Б. Н. Чичерин о ценностных основаниях
личности 72

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Булычёв И. И. Философия как противоречие между
магистральностью и региональностью 79

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Сидоров М. В. Естественные и искусственные языки:
проблема перевода 89

Информация для авторов 99

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редколлегии и редсовета.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Ноосферные исследования» не допускается

NOOSPHERIC STUDIES

Russian scientific journal (founded in 2003)

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications (Roskommadzor) as an online edition
Registry entry Эл № ФС77-78954 of August 07, 2020

2024

Online edition

Vol. 4

Founder Ivanovo State University**Editorial Board:**

D. G. Smirnov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Chief Editor)

(Russia, Ivanovo)

M. V. Zhulkov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(executive secretary)

(Russia, Ivanovo)

M. A. Melikyan, Cand. of Sc. (Philosophy)
(technical secretary)

(Russia, Ivanovo)

G. P. Aksenov, Cand. of Sc. (Geography)
(Russia, Moscow)

P. A. Belousov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Vladimir)

A. G. Gacheva, Dr. of Sc. (Philology)
(Russia, Moscow)

N. N. Letina, Dr. of Sc. (Culturology)
(Russia, Yaroslavl)

T. N. Sosnina, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Samara)

Editorial Council:

O. A. Bazaluk, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Ukraine, Kiev)

A. V. Bragin, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ivanovo)

O. A. Gabrielyan, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Simferopol)

V. A. Grachev, Dr. of Sc. (Technology)
(Russia, Moscow)

T. S. Zlotnikova, Dr. of Sc. (Art history)
(Russia, Yaroslavl)

M. N. Kozhevnikov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Yakutsk)

Sylvia Mineva, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Bulgaria, Sofia)

V. V. Mantatov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ulan-Ude)

Zoran Milosevic, Dr. of Sc. (Politics)
(Serbia, Belgrade)

S. V. Orlov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Saint-Petersburg)

G. S. Smirnov, Dr. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Ivanovo)

V. S. Funtusov, Cand. of Sc. (Philosophy)
(Russia, Vladivostok)

Editorial address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazev str., 5

Phone. (4932) 30-02-16

E-mail: nonoos@ivanovo.ac.ru

Electronic copy of articles posted on sites:

<http://glonoos.com>www.ivanovo.ac.ru, www.elibrary.ru<https://cyberleninka.ru>**CONTENT****EDITORIAL COLUMN**

"Philosophical interfluvium": magistracy vs regionality 3

REGIONAL ARCHIVE

Gumnitsky G. N. Moral act and its evaluation [part II] 5

PHILOSOPHICAL REGIONALISM

Lazarević D., Milošević Z. Philosophical thought of Ivan Ilyin in
Serbian science 22

Daniilova V. S., Kozhevnikov N. N. Paradigms and communications
of regional philosophy of Russia 30

QUESTIONS OF THEORY AND METHODOLOGY

Rozenberg A. G., Kudinova G. E., Rozenberg G. S. Ecophilosophy
and noospherology: integration and differentiation within
systemology 37

PHILOSOPHY OF CONSCIOUSNESS

Kondorsky B. M. Socio-historical foundations of the development
of linguistic consciousness 50

NOOSPHERIC HISTORY

Mishuk S. S. Evolution of the noosphere in the second half of the
XXth — early XXIst centuries 62

NOOSPHERIC ANTHROPOLOGY

Savinkina A. I. B. N. Chicherin on the value foundations of
personality 72

POINT OF VIEW

Bulychev I. I. Philosophy as a contradiction between the mainline
and regionality 79

APPLIED PHILOSOPHY OF LANGUAGE

Sidorov M. V. Natural and artificial languages: translation problem 89

Information for the authors 99

The author's point of view may not coincide with the opinion of the editorial board and editorial council.
Any reprints without editorial office permission are not allowed

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

«ФИЛОСОФСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ»: МАГИСТРАЛЬНОСТЬ VS РЕГИОНАЛЬНОСТЬ

«Центр не имеет никакого смысла без периферии, и периферия не имеет смысла без центра». Наверное, такой гегелевской сентенцией следовало бы описать системообразующее отношение между «центральной философией» и «периферийной философией». Вместе с тем современная «топология философии» (как и ее топонимика) оказывается более детальной. Можно говорить о «передовой философии» (авангардной, фронтальной), а можно вести речь о периферийной философии и даже «туземной философии» [Розов, 2020] (по аналогии с «туземной наукой» [Соколов, Титаев, 2013]). Можно помыслить «провинциальную философию», «региональную философию», «бутиковую философию» (как бытующую в бутиковых университетах).

Преодоление «провинциальности» и «туземства» [Розов, 2020: 25] связано с феноменом «региональности». Можно даже в генетико-генеалогическом плане выстроить (в парадигме качественного понимания вещей) определенную последовательность трансформации идентичности (интеллектуальных сообществ): туземная философия — периферийная философия — провинциальная философия — региональная философия. С каждым шагом на этом пути формирования самосознания философия избавляется от интеллектуального нарциссизма, конформизма, изоляционизма, эгоизма.

Пафос рядоположенности и дополнительности «большой» философии и «малой» философии, который имеет и мифологический (астрономический) «кровнородственный» характер, может быть осмыслен и в формально-логическом дискурсе. Эти ипостаси философии могут быть уподоблены большей и меньшей посылкам, которые в контексте простого категорического силлогизма дают достоверный вывод. Меньшая посылка зачастую имеет «субъектную общность», что предполагает ее большую близость к реальности, к конкретике. Так, магистральность «большой» философии конкретизируется «малой» философией, адаптируя первую к особенностям внешнего и внутреннего миропостроения, принятым в том или ином интеллектуальном пространстве.

В основе каждого такого регионального миропостроения лежит свой язык — язык описания релевантного локусного сознания, которое, вопреки своей пространственной природе, вполне может оказаться глобальным. Статьи текущего номера журнала продолжают знакомить читателей с наиболее интересными докладами конференции «Языки описания сознания: логос, этос, эстетизм», прошедшей на базе Ивановского государственного университета 23—25 мая 2024 года в рамках Международного симпозиума «Современная филологическая наука: достижения и инновации» и приуроченной к 100-летию юбилею со дня рождения профессора Григория Николаевича Гумницкого [Смирнов, 2014].

В разделе «Региональный архив» редколлегия публикует вторую часть брошюры профессора Григория Николаевича Гумницкого, где непосредственно рассматриваются содержание поступка и общая природа его моральной оценки. Материал являет собой пример сильного синтеза всех четырех срезов философского знания — онтологии, гносеологии, аксиологии и праксиологии. В контексте формирования новой системы российских ценностей логически фундированные суждения автора о целях и ценностях имеют всечеловеческое значение.

Вместе с тем выпуск начинает публикацию статей по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием «Универсумы региональной философии России: традиции, школы, персоналии», проведенной Ивановским государственным университетом 12—14 декабря 2024 года и приуроченной к 115-летию со дня рождения профессора Николая Павловича Антонова — философа, который первый открыл ноосферную проблематику для широкой советской научной общественности, мыслителя, который обладал действительно глобальным сознанием [Смирнов, 2009].

Философский регионализм предполагает «не только видение социального бытия и реальности, но и их интерпретацию в рамках социального взаимодействия» [Докучаев, 2024: 164]. И, заметим, иногда эта интерпретация оказывается гораздо ближе к пониманию телеологии космо-планетарной системы, нежели рафинированные, позитивистские, сциентистские парадигмы. Адекватная философская рефлексия предполагает в том числе «объяснение мира ... и в отношениях этой части с целым и другими частями» [там же: 166]. Схватывание этого системообразующего отношения частей, равно как части и целого одновременно, позволит и российской философии в целом увидеть свое системообразующее свойство, которое оказалось подменено спекулятивными концепциями, рожденными в эпоху сна разума (которая, как известно, рождает кошмары).

Библиографический список / References

- Докучаев Д. С. Регионализм как мировоззренческая система // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4. С. 162—167.
- (Dokuchaev D. S. Regionalism as an ideological system, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 4, pp. 162—167. — In Russ.)
- Розов Н. С. Сибирская философия перед интеллектуальным вызовом: преодолеть «провинциализм» и «туземство» // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 1-1. С. 11—31.
- (Rozov N. S. Siberian philosophy facing an intellectual challenge: overcoming “provincialism” and “nativeness”, *Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, no. 1-1, pp. 11—31. — In Russ.)
- Соколов М. М., Титаев К. Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239—275.
- (Sokolov M. M., Titaev K. D. Provincial and indigenous science, *Anthropological forum*, 2013, no. 19, pp. 239—275. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Первый иваново-вознесенский философ (к столетию профессора Николая Павловича Антонова) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 2 (9). С. 70—72.
- (Smirnov G. S. The first Ivanovo-Voznesensk philosopher (on the centenary of professor Nikolai Pavlovich Antonov), *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2009, no. 2, pp. 70—72. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Мудрость философа: тихая глобальность провинции (К 90-летию юбилею профессора Г. Н. Гумницкого) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (14). С. 103—105.
- (Smirnov G. S. The wisdom of a philosopher: the quiet globality of the province (on the 90th anniversary of Professor G. N. Gumnitsky), *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2014, no. 2, pp. 103—105. — In Russ.)

Д. Г. Смирнов

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК 177

DOI: 10.46724/NOOS.2024.4.5-21

Г. Н. Гумницкий

НРАВСТВЕННЫЙ ПОСТУПОК И ЕГО ОЦЕНКА [ЧАСТЬ II]¹

Аннотация. В фокусе внимания автора — поведение, поступок, моральная оценка — феномены, которые находятся в центре внимания этики как философской науки. Автор анализирует природу и содержание поступка, структуру моральной оценки, ее социальные функции и значение для решения задач нравственного воспитания, обосновывает специфику моральной ценности поступка и его результата. Автор опровергает точку зрения, согласно которой оценка поступка есть результат «сложения» оценки действия и оценки мотива. Действие уже включает влияние мотива и имеет два аспекта: внешнюю значимость и внутреннюю, психологическую обусловленность, которая зависит не только от морального побуждения, но и от других субъективных факторов. Моральное содержание действия — следствие этического потенциала личности, моральная оценка — выражение последнего.

Ключевые слова: поведение, поступок, деятельность, действие, мораль, нравственность, моральное отношение.

Ссылка для цитирования: Гумницкий Г. Н. Нравственный поступок и его оценка [часть II] // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 5—21.

G. N. Gumnitsky

MORAL ACT AND ITS EVALUATION [PART II]

Abstract. The author focuses on behavior, action, moral assessment — phenomena that are in the center of attention of ethics as a philosophical science. The author analyzes the nature and content of the action, the structure of moral assessment, its social functions and significance for solving the problems of moral education, substantiates the specificity of the moral value of the action and its result. The author refutes the point of view according to which the assessment of the action is the result of the "addition" of the assessment of the action and the assessment of the motive. The action already includes the influence of the motive and has two aspects: external significance and internal, psychological conditioning, which depends not only on the moral impulse, but also on other subjective factors. The moral content of the action is a consequence of the ethical potential of the individual, the moral assessment is an expression of the latter.

Keywords: behavior, deed, activity, action, morality, ethics, moral attitude (relation).

Citation Link: Gumnitsky G. N. (2024) Moral act and its evaluation [part II], *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 5—21.

© Гумницкий Г. Н., 1978

¹ Текст приводится по изданию: Гумницкий Г. Н. Нравственный поступок и его оценка. М.: Знание, 1978. 64 с.

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 5—21 •

Содержание поступка и его оценка

Если бы мотив был единственным субъективным фактором, определяющим содержание поступка, то результат последнего по своей моральной значимости никогда не мог бы расходиться с мотивом. Поскольку же случаи такого расхождения являются фактом, остается допустить, что помимо этического мотива на поступок и его результат влияют и какие-то другие силы, которые необходимо принять во внимание для их объяснения. Понятия борьбы мотивов, морального выбора, свободы воли, являющиеся традиционным в этике, со всей очевидностью указывают на то, что в психологической детерминации поведения участвует отнюдь не один-единственный этический мотив, иначе — с чем бы ему пришлось вести борьбу и какой смысл было бы говорить о выборе и свободе: моральный поступок совершался бы автоматически, без выбора и преодоления препятствий, а значит, без участия воли, осуществляющей свободу морального выбора и действия.

Волевое отношение личности к моральной цели определяется многими условиями, факторами, лишь одним из которых является этическое побуждение. Положительно этическое, то есть моральное, побуждение — это, как говорилось раньше, потребность приносить благо обществу и отдельным личностям. Моральная потребность выступает в таких формах, как нравственный идеал, знание требований морали, основанное на убеждении в необходимости их выполнения, чувства долга, гуманности, справедливости, чести и собственного достоинства, совесть, моральные привычки, черты характера, моральная воля. Например, чувство долга и уважение к дисциплине труда побуждают личность добросовестно выполнять свои производственные, служебные обязанности, любовь и уважение к людям побуждают к тому, чтобы действовать ради их блага, обеспечивать удовлетворение их нужд. Этическое побуждение может быть и отрицательным, аморальным. Такой характер имеют, например, неуважение к общественным обязанностям, недоброжелательность, высокомерие, морально отрицательные привычки и черты характера (лживость, нечестность, леность и т. п.).

Все другие факторы относятся к области, которую можно назвать внеэтической («внеморальной»). Их отличительной чертой является то, что сами по себе они не определяют этической направленности поведения, не делают его моральным или неморальным. Например, способность испытывать чувство страха перед опасностью сама по себе ни моральна, ни аморальна, но есть до известной степени морально нейтральна. В зависимости от ситуации она может играть как положительную, так и отрицательную роль; страх перед наказанием может помешать осуществлению преступного намерения, но страх может мешать и выполнению долга. Так же обстоит дело и со знаниями, которые могут использоваться и в интересах добра, и в интересах зла.

По моральной значимости прежде всего следует выделить личные потребности и интересы, соображения личной выгоды или невыгоды поступка, соответствующие влечения, чувства, симпатии и антипатии и т. п., которые могут выступать в качестве мотивов, определяющих отношение личности к моральной цели.

Потребность и интерес не тождественны. Потребность — направленность на предмет потребления, интерес — на объект деятельности (созидания, укрепления, сохранения). Потребности делятся на первичные, естественные по своему

происхождению (например, в пище, тепле), хотя и они в процессе воспитания получают социально обусловленную форму, и вторичные, порожденные обществом. Интересы, отражающие условия общественной жизни, переходят в соответствующие потребности, например: заинтересованность в труде — в потребность трудиться, заинтересованность в том, чтобы познавать мир, — в познавательную потребность и т. п. Потребности и интересы обуславливают психологическую активность, проявляясь в форме не всегда осознаваемых или ясно осознаваемых влечений, желаний, стремлений, а также — в форме представлений, взглядов, убеждений. Все эти формы способны приобретать привычный характер, благодаря чему эффективность их влияния на поведение значительно возрастает.

Этическая и внеэтическая сферы побуждений не разделены непроходимой границей, они влияют одна на другую, в частности в процессе формирования побуждений. Влечения и желания развиваются под контролем разума, от которого существенно зависят характер каждого из них и его место во всей системе побуждений.

Глубокое влияние на формирование потребностей, желаний, стремлений оказывает нравственный идеал. Он побуждает к тому, чтобы соразмерять удовлетворение желаний и сами желания с общественными возможностями, с общим уровнем жизни, с собственным трудом, с требованиями морали. Удовлетворение тех или иных желаний не должно вступать в конфликт с общим стремлением к личному счастью и к счастью других людей, всего общества. Следовательно, желания должны быть нравственно воспитанными, каждое из них должно включать моральный элемент.

Наиболее прямо на поведение воздействуют импульсивные желания, аффекты, которые могут толкнуть на такие поступки, на которые человек в обычном состоянии никогда бы не решился. В общем же и целом, действие потребностей на поведение опосредуется интересом, соображениями выгоды или невыгоды поступка для создания условий, обеспечивающих удовлетворение собственных потребностей и потребностей других людей.

Личный интерес, прежде всего личная материальная заинтересованность, — это, несомненно, неморальное побуждение, ибо непосредственной целью этого побуждения служит благо отдельной личности, тогда как целью морального побуждения является согласование личного блага с общественным. Кардинальное направление реализации личного интереса в условиях социализма — участие личности в общественном производстве. Побуждая к труду на благо общества, личный интерес выступает в качестве мотива, действующего в одном направлении с моральным мотивом, следовательно, поддерживающего и усиливающего действие последнего. Поскольку личный интерес сочетается с моральным побуждением, он приобретает морально положительное значение. В какой-то мере он может возмещать отсутствующий моральный мотив, обеспечивая полезный для общества результат. Но не следует забывать, что личный интерес не тождествен моральному мотиву или стимулу. Поэтому надо уметь разграничивать роль того и другого.

Хорошо известно, какую важную роль личная материальная заинтересованность в труде играла и играет в социалистическом и коммунистическом строительстве. В условиях социализма она соединяет человека, участвующего в общем труде, с коллективом, способствует формированию его коммунистического

сознания. На заре существования нашего общества В. И. Ленин выдвинул требование строить социализм, подводить массы к коммунизму «на личном интересе, на личной заинтересованности»².

Все более полное обеспечение благосостояния людей в условиях становления социализма способствовало их переходу на позиции общественных интересов, формированию нового, коммунистического отношения к труду; которое характерно тем, что общественный, моральный стимул занимает в нем ведущее положение, а личная материальная заинтересованность — подчиненное. Если на начальном этапе личный интерес был для основной массы главным, если не единственным, стимулом трудовой деятельности, то затем он постепенно стал дополняться моральным стимулом, по отношению к которому он для многих отступает на второй план, хотя и продолжает сохранять существенное стимулирующее значение.

В то же время личный интерес может играть и противоположную роль — роль отрицательного фактора морального поведения, в частности, и в сфере трудовой деятельности. При определенных условиях личный интерес может обеспечиваться за счет нарушений моральных (а подчас и правовых) норм. Мораль и право, защищая интересы общества и его членов, ставят границы притязаниям тех или иных личных интересов. Если человек слишком узко смотрит на жизнь, если он не отличается высокой сознательностью, он может предпочесть личный интерес, противоречащий общественному. Из всякого объективного явления можно извлечь ту или иную выгоду. В этом смысле любое условие способно породить соответствующий интерес, и постольку интерес имеет объективное основание. Но частная выгода подчас сказывается в противоречии с общей, тогда объективно обусловлен отказ от ее использования. Следовательно, имеются две противоположные возможности, выбор между которыми выступает в форме борьбы мотивов. Исход ее зависит от ряда внутренних и внешних обстоятельств.

Если интерес противостоит морали, он носит эгоистический характер. Борьба между эгоистической и моральной («альтруистической») тенденциями — основное содержание борьбы мотивов в процессе морального выбора. Интересы, противостоящие основам нашей общественной жизни, а значит, и принципам нашей морали, довольно разнообразны. Это, например, интересы собственности, накопительства, стяжательства, спекуляции и т. п. Плохое качество работы тоже может быть выгодным и оказаться объектом личного интереса.

В повести Б. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей» рассказывается об артели шабашников, которая старалась как можно скорее переходить с одного объекта на другой, чтобы побольше заработать, и, конечно, качество ее работы было крайне низким. У ее участников жажда наживы явно была сильнее моральных соображений. Для главного же героя этой повести — Егора Полушкина — высшим ориентиром служила совесть, которая побудила его отказаться от выгодной работы. В данном случае личная выгода служила морально отрицательным мотивом, мешавшим осуществлению морального, требования и в течение некоторого времени отрицательно влиявшим на поведение Полушкина. Действие профессиональной чести и совести выражалось в том, что он все же делал свою работу лучше, чем другие. Но он не мог все делать так, как ему

² Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. С. 151.

хотелось бы, а кроме того, он своим участием фактически поддерживал артель, значит, нес определенную ответственность за плохие результаты ее работы.

В. Липатов в очерке «Брезентовая сумка» описывает конфликт, возникший между шофером Богомяковым и его товарищами по работе. Случайно выяснилось, что он незаконно «добывал» и хранил дефицитные детали, из-за отсутствия которых простаивали машины. Богомяков отказался помочь товарищу, застрявшему со своей машиной в сугробах. От этого пострадала и общая работа. Сам же он выполнил полторы нормы. Автор показывает, какое грозное возмущение коллектива вызвал, этот человек, «который ради рубля и фотографии на Доске почета предал священное — рабочую солидарность...»³. Конечно, Богомяков был заинтересован в том, чтобы перевыполнить личный план и иметь «на всякий случай» запасные детали. Но в обоих случаях его личные интересы пришли в конфликт с более высокими — общественными — и с охраняющими их нормами морали. Он предпочел то, что выгодно лично ему. Это придало его поведению морально отрицательный характер. Вполне понятна отрицательная оценка, данная его поведению коллективом.

При социализме еще имеется определенная почва для собственнических интересов, а значит, и для противоречий между ними и интересами общества. С переходом к коммунизму эта почва и порождаемые ею противоречия исчезнут, хотя, на наш взгляд, какие-то индивидуалистические тенденции всегда будут существовать, а поэтому проблема взаимоотношения морали и противодействующих ей побуждений останется и в будущем, изменятся лишь ее формы и значительно уменьшится социальная значимость.

В качестве особого фактора поведения выступают знания и убеждения. В конечном счете их содержание определяется интересами, которые в сознании отдельных индивидов отражаются более или менее адекватно и глубоко, поэтому знания каждого человека играют роль своеобразного, относительно самостоятельного фактора, влияющего на его отношение к моральной цели.

В течение ряда лет в нашей печати оживленно обсуждалась проблема взаимоотношения морали и знаний. В ходе полемики некоторые ее участники встали на позицию противопоставления чувств и разума, отвергая «рационализм в этике», «этику с арифметикой» и признавая только эмоциональный подход к решению проблем морального выбора. В качестве идеала ими был провозглашен Дон-Кихот. Рационализм же они отождествили с эгоистическим расчетом. Мы не будем заниматься рассмотрением и оценкой правоты или неправоты различных суждений и позиций. Несомненно, что обсуждавшаяся проблема сложна и многогранна. Остановимся лишь на одном ее аспекте, непосредственно относящемся к нашей теме.

Вопрос о связи морального и рационального — это прежде всего вопрос о том, рационально ли само моральное. Иногда высказывается такое мнение, что мораль недоступна для научного исследования, что лучше и не пытаться постигнуть ее в рациональной форме, надо просто следовать ее голосу, идущему откуда-то из таинственных и непознаваемых глубин нашей души. Некоторым, видимо, кажется, что такое понимание спасает мораль от сухарей-теоретиков, пытающихся свести ее к «метафизическим» формулам и тем самым якобы ее уничтожить, тогда как на самом деле именно оно ведет к ее уничтожению.

³ См.: Правда. 1977. 7 апреля.

Такое понимание отнюдь не ново, его давно уже выдвинуло одно из направлений буржуазной этики, которое получило название интуитивизма. Один из наиболее известных представителей этого направления английский этик Д. Мур в начале века выступил с утверждением, что добро неопределимо, что мы можем его только чувствовать, то есть можем быть убеждены, что нечто является добром, но нет никакой возможности научно обосновать наше убеждение. Но в этом случае ничто не может помешать свести мораль к индивидуальному произволу, что, по существу, равнозначно отказу от морали. Стирается всякая грань между моралью и аморализмом. Исчезает возможность — отличить правильную моральную позицию от неправильной, а вместе с тем — основа для убежденности в своей моральной правоте. Действительно, замечает один из критиков интуитивизма, — как быть, если некто, ссылаясь на свою интуицию, заявит, что убийство морально? Чем хуже его интуиция интуиции того, кто высказывает противоположное убеждение? Очевидно, что с позиций интуитивизма этот спор неразрешим. Остается предоставить право каждой социальной группе и даже каждому индивиду утверждать, что именно ее или его мораль является подлинной, не имея возможности проверить, чье же утверждение истинно и чье ложно. Это и означает отказ от моральной точки зрения, уничтожение морали.

Противопоставление морального рациональному нередко основывают на том, что мораль может вступать в противоречие с тем, что «выгодно», «целесообразно». Это действительно так. Но вовсе не потому, что сама мораль нецелесообразна. Как было показано раньше, мораль полезна в определенном отношении, а именно, в аспекте согласования, сочетания личного и общественного. Но то, что полезно в одном отношении, в силу противоречивости общественной жизни, может прийти в столкновение с полезным в каком-либо другом отношении. Отсюда не следует, что само оно не обладает полезностью.

В речи на III съезде РКСМ В. И. Ленин выдвинул положение о том, что коммунистом можно стать, лишь овладев всей суммой знаний, выработанных человечеством. И здесь же он сформулировал мысль, что все дело коммунистического воспитания, образования и учения молодежи должно быть воспитанием в ней коммунистической нравственности. Между этими двумя высказываниями существует глубокая внутренняя связь. Мировоззрение, общественные знания оказывают серьезное влияние на моральное сознание и поведение.

Научное, марксистское мировоззрение дает возможность человеку понять природу окружающего мира, определить свое место в нем, свое отношение к миру, к обществу и его институтам, к другим людям. Оно вооружает правильным пониманием смысла жизни и счастья. Обратим внимание на две важные особенности понимания взаимосвязи между человеком и миром, характерные для — марксистского, диалектико-материалистического мировоззрения. С одной стороны, оно рассматривает человека как часть мира (природы и обществе). Он включен в закономерную связь явлений и может успешно действовать лишь как элемент единой системы. С другой же стороны, оно устанавливает, что человек, опираясь на познание законов природы и общества, способен подчинить себе внешние условия и использовать их в своих собственных интересах. Усвоение марксистского мировоззрения приводит к формированию научного убеждения

в необходимости считаться с законами общественной жизни, действовать в соответствии с ними, а не вопреки им. Марксизм-ленинизм учит, что индивид может достигнуть своего подлинного счастья лишь в том случае, если он сольет

свою волю и свои действия с волей и действиями трудящихся масс, борющихся за социализм и коммунизм, если он подчинил себя общественной дисциплине и сделает общую цель своей высшей личной целью. Иначе говоря, марксистское мировоззрение раскрывает человеку объективную социально-историческую, классовую сущность коммунистической нравственности, формирует его моральные убеждения, нравственный идеал.

Идейно-политическое просвещение и нравственное воспитание находятся в органическом единстве. Первое разъясняет главное содержание нравственности, определяет ее важнейшие цели. В этой связи очевидно, почему знания составляют необходимый элемент морали: мораль — ничто без цели, а значит, и без знания этой цели. Но знания в «чистом виде» еще не составляют морали, они должны принять моральную форму. Эту форму социально-политические идеи приобретают в процессе нравственного воспитания личности, вне которого невозможно эффективное политическое воспитание. В результате единого процесса морально-политического воспитания происходит «утверждение в сознании трудящихся, прежде всего молодого поколения, идей советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордости за Страну Советов, за нашу Родину, готовности встать на защиту завоеваний социализма...»⁴.

Единство научного мировоззрения и подлинной нравственности обуславливает цельность, монолитность волевого отношения людей к моральной цели, а это, в свою очередь, является существенным условием принципиальности, последовательности, выдержанности морального поведения.

Важное воздействие на моральное поведение оказывают этические знания, опирающиеся на всю систему общественных знаний. Научная, марксистская этика дает строгое обоснование коммунистических нравственных чувств и убеждений, раскрывает превосходство коммунистической морали над буржуазной, формирует и укрепляет самые высокие нравственные идеи, дает твердую уверенность в их правоте. Тем самым этика, а через ее посредство вся совокупность общественных знаний, включается в систему нравственности, становится элементом морального фактора поведения. В то же время в качестве научной теории она играет особую роль неморального фактора, способствующего воздействию морального сознания на поведение людей.

Ведя борьбу с буржуазными этическими концепциями, марксистско-ленинская этика освобождает сознание людей от их влияния. Примером может служить критика утверждений о вечности и неизменности человеческой природы, якобы наделенной такими неустранимыми качествами, как агрессивность, эгоизм, стремление к частной собственности, к власти и т. п. Такие идеи толкают на путь морального нигилизма, распушенности, деморализации. Их разоблачение и преодоление ведут к укреплению моральных позиций личности, к выбору ею правильной — линии этического поведения.

Признание важной роли рационального момента в моральном поведении ничуть не умаляет того влияния, которое на него оказывают чувства. Моральное сознание есть единство рационального и эмоционального. Неверно поступают те, кто всю «ставку» делает на чувства и отвергает разум, который якобы способен лишь на то, чтобы в противовес чувствам, стремящимся к добру, отстаивать личную «выгоду» и эгоистическую «целесообразность». Как будто нет эгоисти-

⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 75.

ческих чувств и нет разума, стремящегося к общественной выгоде и целесообразности! Конечно, подсознательный (интуитивный) и эмоциональный момент играет огромную роль в моральном поведении. Но не следует упускать из виду, что он формируется на основе отражения в сознании личности ее закономерных отношений с обществом и его отдельными членами.

И интуиция, и чувства всегда наполнены определенным социальным, конкретно-историческим и в классовом обществе — классовым содержанием. Но их слабость в том, что они обладают определенной инерцией, которую они сами, без помощи интеллекта, не могут преодолеть. Когда эта инерция начинает отрицательно сказываться на поведении (по причине того, что в жизни происходят глубокие преобразования, за которыми моральное сознание не поспевает), преодолеть эту инерцию нельзя без творческой работы разума. Познавая новые проблемы, выдвигаемые жизнью, и открывая их нравственное решение, разум обогащает чувства и интуицию новым содержанием, вносит в них необходимые изменения.

В условиях современной жизни с ее сложными и быстро изменяющимися ситуациями чувства оказываются не способными давать достаточно точные и эффективные решения. К ним на помощь должен прийти разум и притом разум этически просвещенный, хорошо владеющий научным методом, необходимым для анализа сложных проблем, которые выдвигаются научно-технической революцией, борьбой двух мировых социально-экономических систем, процессом становления коммунистической формации.

Для принятия морального решения важно не только наличие морального побуждения, стремления к добру, но и правильное понимание того, что в настоящих условиях является действительно добром, каковы объективные обстоятельства и какими средствами при данных обстоятельствах можно наилучшим образом достигнуть желаемого. При этом надо уметь предвидеть будущее, чтобы возможно более точно рассчитать (опять этот расчет!) возможные косвенные последствия поступка. Без понимания обстановки, без умения заглядывать в будущее самое лучшее побуждение может или не осуществиться или даже привести к отрицательному результату. Известно изречение: «Услужливый дурак опаснее врага». У медведя из известной басни было вполне доброе намерение — отогнать муху от спящего путника, но результатом его действия было не добро, а зло. Следовательно, содержание поступка и его результат зависят не только от побуждения и намерения, но и от знания того, что, как и при помощи каких средств надо делать, чтобы достигнуть поставленной цели, а также от умения совершить планируемое действие. Мы видим, что при наличии положительного мотива из-за незнания или неумения результат поступка может оказаться отрицательным.

Существенным фактором нравственного поведения является также художественно-эстетическая культура личности. Поэтому ее формирование — одна из важных задач воспитательной деятельности.

Прогрессивное искусство кристаллизирует эмоционально-идейный и эстетический опыт человечества, утверждая идеал социальности и гуманизма, идеал гармонии мира (общества) и человека. Оно воспитывает высокие чувства и убеждения, среди которых моральные чувства и убеждения занимают важнейшее место. Социалистическое искусство — один из идеологических факторов, формирующих морально-политические качества членов общества: любовь

к народу и к Родине, самоотверженность и бескорыстие в борьбе за коммунизм, уважение к человеку труда, чувства долга, справедливости и чести, чуткую совесть и другие, проникнутые коммунистическим содержанием, чувства и свойства. Оно воспитывает в человеке восприимчивость к красоте и отвращение к безобразному. Оно объединяет мысли, чувства и волю людей, направляет их на служение коммунистическим целям и идеалам. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии отмечалось, что «с продвижением нашего общества по пути коммунистического строительства возрастает роль литературы и искусства в формировании мировоззрения советского человека, его нравственных убеждений, духовной культуры»⁵. В докладе Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС говорилось о самом механизме воздействия искусства на внутренний мир человека, на его нравственное сознание. Искусство, как подчеркивалось в докладе, заставляет нас переживать и волноваться за успех героев, преклоняться перед силой духа, оно делает людей сопричастными к подвигу, вдохновляет и передает память сердца и души о прошлом, оно поддерживает «лучшие качества человека — его принципиальность, честность, глубину чувства, исходя при этом из незыблемых принципов нашей коммунистической нравственности»⁶.

Искусство, выполняя морально-воспитательную функцию, в то же время играет роль одного из факторов, определяющих этическое поведение. Поскольку оно включает в себя моральное содержание, оно может рассматриваться в качестве своеобразного элемента морального сознания. В этом аспекте по характеру своего воздействия на поведение оно отличается от моральных чувств, убеждений, идеалов лишь тем, что выражает их в художественной форме. Искусство придает им «дополнительную» регулятивную силу, обусловленную эмоционально-образной, ярко выраженной эстетической формой, присущей ему как специфическому явлению духовной жизни. Особой морально-побуждающей силой обладает образ положительного героя, способный воплотить в себе основные характеристики нравственного идеала личности. Запечатлеваясь в памяти, этот образ может стать органической частью внутреннего мира личности, не только помогая ей выбрать правильную линию поведения, особенно в трудных ситуациях, но и способствуя появлению энтузиазма — того эмоционального напряжения, подъема, без которого не могли бы совершаться поступки высокого, морального значения. Вот как выразил эту силу нравственного воздействия художественного образа известный революционер П. А. Заломов в своей речи на суде по делу о демонстрации 1 Мая 1902 года в Сормове: «В моем мозгу звучала "Песнь о Соколе" — самая любимая песня из всех, какие я знал. Я хотел упасть с высокого неба и разбиться как смелый Сокол. Я понимал, я чувствовал счастье битвы и наслаждался этим»⁷. Искусство не творит из самого себя нравственные силы человека, оно лишь воплощает в своих творениях высшие проявления его моральных возможностей и, действуя на эмоционально-образную сферу сознания, оказывает существенное влияние на волю человека, на его поведение.

Одним из внеэтических факторов поведения является эстетическое чувство, чувство красоты. Важную роль в его формировании играет искусство, но

⁵ Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1973. С. 87.

⁶ Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 79—80.

⁷ См.: Литературная газета. 1975. 30 апреля.

оно воспитывается и в процессе общения человека с природой, со всем окружающим его предметным миром.

Уже в глубокой древности возникло понимание связи, существующей между этическим и эстетическим — добром и красотой, злом и безобразием. Моральная и эстетическая ценности не тождественны, но всегда существуют в единстве. Красота поступка (если понимать красоту в эстетическом смысле) есть внешнечувственное выражение его нравственной сущности. Как пишет Г. Н. Пospelов, нравственные и интеллектуальные достоинства отдельных людей получают эстетическое значение только тогда, когда внешне проявляются в действиях и движениях этих людей, во всем их облике⁸. Эта связь между внешним и внутренним выражена в единстве эстетического и нравственного чувства. В силу этого единства эстетическое чувство реагирует на моральные явления. Чем более чутким оно является, тем сильнее содействует нравственным намерениям и противодействует безнравственным. Следовательно, оно выступает в качестве фактора этического поведения.

Еще одним важным фактором является сознание правовой ответственности, которое можно назвать правовым побуждением или мотивом. В реальном сознании невозможно отделить правовой мотив от морального, ибо уважение к законам, имеющее моральное значение, является одним из условий их выполнения. Однако специфически правовой мотив, если теоретически представить его в «чистом» виде, — это страх перед наказанием или сознание необходимости подчиняться государственному принуждению, так или иначе связанное со страхом перед наказанием. Этот мотив имеет то практическое преимущество перед моральным побуждением, что он может влиять и на поведение того, у кого нет такого побуждения или оно не играет существенной роли. Но нельзя, конечно, думать, что право само по себе способно полностью решить проблему обеспечения общественного порядка.

В социалистическом обществе цели права и морали совпадают, право выражает интересы всего народа и побуждает членов общества действовать в этих интересах. Право необходимо постольку, поскольку общественные условия, с одной стороны, и моральное сознание общества — с другой, еще не достигли такого уровня, когда все члены общества добровольно, без всякого принуждения стали бы соблюдать нормы общественной жизни. В этих условиях правовой мотив еще остается исторически необходимым фактором социально ценного поведения. Социалистическое правосознание в качестве мотива поведения действует в одном направлении с нравственным сознанием и способствует его воплощению в жизненную практику.

Реализация морального (или аморального) намерения в значительной степени зависит от волевых качеств личности, которые, будучи сами по себе этически нейтральными, при прочих равных условиях часто решают ход и исход действия. Например, нерешительность препятствует тому, чтобы своевременно осуществить намерение, лишает его действительности, приводит подчас к отказу от его выполнения. Уже по одной этой причине при хорошем мотиве результат может оказаться плохим. Хотел человек прийти на помощь товарищу, но из-за нерешительности промедлил и тем самым фактически, быть может, помог

⁸ См: Пospelов Г. Н. Эстетическое и художественное. М.: Изд-во Московского ун-та, 1965. С. 82.

совершению дурного дела, оказался предателем. Или, наоборот: безнравственное намерение может остаться лишь замыслом, не воплотиться в действие вследствие той же особенности воли. Аналогичную роль играют такие качества воли, как настойчивость или ее отсутствие, твердость или мягкость, сила или слабость.

Кроме качеств воли, надо учитывать и другие черты характера, которые не являются собственно этическими, но оказывают существенное влияние на поступки и их результаты. Это такие черты, как дальновидность (которая, конечно, зависит от уровня знаний), предусмотрительность (включающая, кроме того, — способность тщательно продумывать все обстоятельства и возможные последствия намечаемого действия), осторожность и т. п. Так, неосторожность может привести к отрицательному результату при отсутствии злого умысла или вопреки положительному намерению.

Таким образом, этическая позиция личности определяется множеством взаимодействующих субъективных факторов. Отсюда ясно, что воспитывать человека, способного вести себя в соответствии с требованиями коммунистической нравственности, значит, по существу, формировать его всесторонне, как целостное существо, наделенное сложной системой разнообразных свойств.

XXV съезд КПСС подчеркнул необходимость комплексного подхода к постановке всего дела воспитания. В то же время очевидно, что формирование нравственной позиции личности — задача нравственного воспитания. Это, однако, не означает, что в ее формировании не играют роли другие виды воспитания. Дело в том, что идейно-политическое, трудовое, эстетическое и другие виды воспитания, являясь относительно самостоятельными, выступают в то же время и в качестве моментов воспитания нравственного. Поэтому формирование нравственной позиции в целом охватывается понятием нравственного воспитания, и это не противоречит положению о комплексном характере воспитания.

Итог взаимодействия всех субъективных факторов поведения можно назвать этическим потенциалом личности. Результат поступка — это объективированный эффект реализации этического потенциала. Результат полностью соответствует этическому потенциалу. Отсюда ясно, что, не имеет никакого смысла «складывать» оценку результата с оценкой его субъективного основания: ведь это одна и та же оценка.

Этический потенциал — это способность совершить моральный или аморальный поступок, осуществлять моральную или аморальную линию поведения. В качественном отношении он может быть положительным (моральным) и отрицательным (аморальным). В количественном отношении он характеризуется степенью моральности или аморальности. Практически этический потенциал не может быть нулевым. Например, неспособность к совершению морального поступка, выраженная в бездействии, очевидно, имеет отрицательное значение. Если же взять случай, когда человек отказывается от аморальной линии поведения, то это уже само по себе имеет положительное значение.

Определение этического потенциала личности позволяет прогнозировать ее поведение. Это особенно важно тогда, когда решается вопрос, кому поручить ответственное и сопряженное с большими трудностями задание. Важно это и для разработки мер воспитательного воздействия на личность. То же самое верно и по отношению к целой общественной группе. Надо знать все ее

психологические особенности в их взаимосвязи, чтобы правильно оценить ее моральное состояние и уметь формировать в нужном направлении.

Этический потенциал личности воплощен в состоянии ее воли, которое резюмирует все психические процессы, определяющие поступок, и является последним звеном всей цепи этих процессов, непосредственно вызывающим его. Поэтому субъективное этическое отношение, объективацией которого является поступок, и выступает в качестве волевого отношения, а оценка этического потенциала, а также его проявления в поступке и его результате, должна иметь своим непосредственным предметом состояние воли, конечно, рассматриваемое в этическом аспекте.

Воля — это то же сознание, но взятое с точки зрения его активности, с точки зрения управления деятельностью человека, как внутренней, так и внешней. С этой стороны сознание характеризуется способностью производить усилие, осуществлять решения и действия, то есть той способностью, благодаря которой оно и выступает в качестве воли. Такова формальная сторона воли. Но воля имеет и свое содержание, включающее в себя представления человека о главных жизненных целях и идеалах, знания о том, что составляет важнейшие для него блага. Содержание воли есть некоторый высший синтез, результат обобщения потребностей и интересов личности. Благодаря воле обеспечивается проведение основной линии жизни, достижение главных целей, а для этого она должна быть способной управлять всей совокупностью частных желаний, мотивов, господствовать над ними. Следовательно, воля является той формой психики, которая обладает более высокой свободой по сравнению с другими ее формами. Поэтому, в ее власти подавить противодействующие ей побуждения, и поэтому именно она непосредственно лежит в основе ответственности человека за совершаемый им поступок.

Из сказанного понятно, почему прямым адресатом моральной оценки является воля. В силу разумности своей воли личность способна понять оценку, в силу свободы воли и вытекающей отсюда ответственности — принять и усвоить эту оценку, а благодаря своим регулятивным возможностям — обеспечить такую линию поведения, которая соответствует требованию, составляющему основание оценки.

С другой стороны, специфическое назначение моральной оценки в том и заключается, чтобы воздействовать на волю и посредством этого осуществлять регулирующее влияние морали на этическое поведение. Через воспринятую человеком оценку мораль как общественный институт интериоризируется им (внешние требования морали становятся внутренними повелениями, предъявляемыми личностью самой себе), превращается в личностную силу, включается в содержание воли и тем самым способствует выполнению волей морально-регулирующей функции.

Моральная воля не обладает абсолютной свободой определять совершение личностью нравственных поступков. В противном случае регуляция поведения извне, со стороны морального общественного мнения, использующего в качестве одной из основных форм оценку, была бы излишней. Воля внутренне расчленена. Общей целью моральной воли является достижение возможно более полного блага, но благо делится на общественное и личное. Моральным побуждениям в сфере воли, выражающим прежде всего общие интересы, могут в определенных случаях противостоять те или иные побуждения, направленные

на личное благополучие, например, стремление к сохранению здоровья и жизни в ситуации, требующей самопожертвования. Для моральной воли характерно преобладание моральных побуждений. Однако оно не является чем-то раз навсегда данным и должно поддерживаться и стимулироваться как извне, так и посредством саморегулирующей деятельности воли и сознания. Кроме того, воля может обладать «формальными» недостатками (например, недостаточной твердостью, решительностью и т. п.), которые препятствуют осуществлению ее моральной свободы и требуют ее совершенствования. Наконец, частные желания, воздействующие на волю «извне», то есть из вневольной сферы психики, могут существенно влиять на степень ее моральной свободы. Разумеется, все, что совершается в сфере воли и в психике в целом, в конечном счете детерминировано, определено внешней для нее средой, биологией человека и социальными условиями его существования. Одним из факторов, определяющих этическое поведение, служит моральная оценка.

Индетерминизм как философская концепция⁹ истолковывает свободу воли как ее полную автономность, абсолютную независимость от внешних влияний, изначальную самообусловленность и считает, что ответственность человека за свои поступки может быть основана только на таком понимании свободы. На позициях индетерминизма находится, например, такое направление буржуазной философии, как экзистенциализм, согласно которому человеческая воля до такой степени свободна, что человек не зависит ни от каких обстоятельств в своем выборе и полностью определяет свою сущность, «сам выбирает себя». Поэтому он якобы абсолютно ответствен. Но перед кем же должен человек нести ответственность? «Ответственность» только перед самим собой — это на самом деле полная безответственность. Подлинная моральная ответственность перед собой — это форма, в которой выражается ответственность перед обществом. Ответственность же личности перед обществом зиждется на ее реальной зависимости от него. Однако «свободная воля» в духе индетерминизма ни от чего не зависит и ничем, кроме самой себя, не определяется. Она, по выражению И. М. Сеченова, ставится «вне законов земли». Ясно, что ни о какой ответственности так понимаемой воли, ни о какой возможности воздействовать на волю посредством моральной оценки не может быть и речи.

Только с позиций детерминизма получают обоснование положения о свободе воли человека и о его моральной ответственности. Как отмечал В. И. Ленин, идея детерминизма «...нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»¹⁰. Моральная свобода воли в правильном понимании — это ее способность определять поведение в соответствии с требованиями нравственности, преодолевая противодействующие факторы. Эта способность сама обусловлена обществом, воспитанием, моральным регулированием, то есть детерминирована. Следовательно, свобода воли и ее детерминированность не противоречат друг другу. Разумеется, с точки зрения

⁹ Детерминизм — учение о всеобщей, закономерной связи, причинной обусловленности всех явлений. Индетерминизм — отрицание всеобщего характера причинности или причинности вообще.

¹⁰ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 159.

детерминизма (которая вполне соответствует фактам реальной жизни) свобода воли в моральном отношении (как и во всяком другом) относительна; относительна и возможность морали влиять на волю. Но зато эта возможность имеет под собой достаточно реальное основание и является действительной возможностью.

Итак, моральное отношение, реализующееся в поступке, — это отношение волевое, воля опосредует все моменты морального отношения, прежде чем оно воплотится в действие, она обладает свободой выбора поступка и несет за него непосредственную ответственность, она поэтому является истинным предметом моральной оценки поступка и его результата. Это означает, что то, что находится вне власти воли, что происходит помимо воли и не может подлежать ее влиянию, не должно входить в предмет моральной оценки.

Пока мы еще не касались вопроса о влиянии внешних условий на результат поступка. Разве результат не зависит от этих условий? И если это так, то не должны ли мы отказаться от тезиса о соответствии, адекватности результата поступка этическому потенциалу личности, то есть, по существу, от всего нашего построения? Как, например, быть, если человек не сумел преодолеть объективных трудностей, каких-то внешних препятствий и поэтому не реализовал своего благого намерения? Может показаться, что в этом случае результат не адекватен (не соответствует, не равен, не эквивалентен) субъективному основанию. Однако вопрос решается не так просто. Дело в том, что этический потенциал личности нельзя оценивать абстрактно, вне учета условий. Нельзя измерять способность совершать действие, не принимая во внимание силу сопротивления этому действию.

Возможны два случая: 1) в человеческих силах совершить данное действие и 2) совершить его невозможно. В первом случае следует учесть степень благоприятности или неблагоприятности условий для совершения положительного поступка. Чем менее благоприятны условия, тем выше должен быть этический потенциал для его совершения. Если человек не смог осуществить намеренное действие, не справившись с трудностями, которые в принципе можно было преодолеть, если он, например, не проявил достаточно силы воли, настойчивости, смелости и т. п., то это означает, что при данных условиях его этический потенциал оказался отрицательным (при менее трудных условиях он может быть и положительным), следствием чего и явился отрицательный результат. Во втором случае, когда препятствия непреодолимы, когда нет объективной возможности предотвратить наступление какого-то отрицательно значимого события, тогда последнее вообще неправомерно рассматривать в качестве результата поступка и оценивать с моральной точки зрения.

Представим себе, что хирург сделал все возможное, чтобы спасти больного, но по объективным причинам этого не удалось сделать. В данном случае об отрицательной моральной оценке не может быть и речи. Операция могла ускорить наступление смерти больного, но его смерть не явилась следствием моральной позиции врача. (Больной и его родственники знали о том, что операция может привести к смертельному исходу, но дали на нее согласие, врачи же понимали, что больной обречен, и только хирургическое вмешательство дает шанс на его спасение.) Из этого примера следует, что не все, что входит в содержание результата действия, можно отнести к содержанию поступка и его результата. Отрицательный результат действия в данном случае является результатом

внешней причины, а не волевого отношения врача к поставленной им моральной цели — сделать все, что в его власти, чтобы спасти жизнь человека. Эта цель — сделать все возможное — была осуществлена. Остальное явилось следствием не зависящей от воли хирурга причины. За это он не может нести ответственности. В подобных случаях человек испытывает чувство, похожее на чувство вины. Но именно только похожее. В действительности вины здесь нет, после тщательного обдумывания происшедшего он сможет убедиться в том, что совесть его чиста.

Моральная оценка тем и отличается от утилитарной, что она имеет своим назначением воздействовать на этическую позицию личности, прежде всего — на ее волю. Значит, она должна быть оценкой воли, а не внешних, не зависящих от воли факторов. Включить в нее оценку этих факторов — значит только запутать дело, ибо то, за что личность не может нести ответственности, будет смешено с тем, за что она ответственность нести должна. А это приведет к тому, что понятие ответственности вообще потеряет реальный смысл и практическую ценность. Подлежащий моральной оценке результат поступка есть следствие волевого отношения, и этот результат ни в коем случае нельзя отождествлять с результатом взаимодействия усилий человека с внешними факторами, со свершившимся фактом. В факте надо еще выявить тот элемент, который действительно зависит от воли человека, и сделать его предметом моральной оценки. Оценивается не сам «голый» факт, а роль воли в его возникновении. Конечно, все существенные внешние условия должны быть учтены, но морально оцениваются не прямые следствия влияния этих условий на результат действия, а усилия воли, необходимые для преодоления их сопротивления. В любом случае оценивается именно состояние воли, а через него — в целом субъективное состояние личности.

Как можно оценить поступок, если отрицательный результат возникает из-за неосторожности? В этом случае он нередко в большей степени зависит от обстоятельств, чем от воли лица, вызвавшего своим действием наличный результат, но не имевшего намерения придать ему отрицательный характер. Результат одного и того же действия может быть и совершенно безобидным, и трагическим. Субъективное основание действия не меняется, но оценка результата в разных случаях, очевидно, должна быть различной.

Рассмотрим пример, взятый из судебной практики. С., молодой парень, решил покататься на моторной лодке. Вместе с ним поехала знакомая женщина с ребенком. С. находился в состоянии опьянения и, не справившись с управлением лодкой, опрокинул ее. Ему и женщине удалось спастись, а ребенок утонул. Суд приговорил С. к двум годам лишения свободы. Если бы не трагический финал, С. не был бы привлечен к уголовной ответственности, с юридической точки зрения вина его не была бы такой серьезной. Не значит ли это, что вина зависит не только от самого факта неосторожности, но, по существу, от случайности, которая как будто не имеет никакого основания в воле субъекта поступка? Не следует ли отсюда, что предметом моральной оценки может быть результат сам по себе, а не только его субъективное основание?

Нет, в любом подобном случае в вину вменяется именно неосторожность. Дело в том, что виновный в неосторожности потенциально несет ответственность за все возможные варианты отрицательных последствий, которые он мог и должен был предвидеть и которые поэтому в его власти было предотвратить. Цель моральной оценки в том, чтобы стимулировать чувство и сознание

ответственности. Указывая на неосторожность действия, оценка побуждает человека внимательнее следить за собой и тем самым ведет к снижению опасности совершения в будущем подобных действий. Даже если неосторожность не принесла зла, виновному в ней следует указать на самые опасные возможные последствия его поступка. Так обычно и делают в подобных случаях. Разумеется, если отрицательный результат возник на самом деле, осуждение становится значительно более серьезным. Но это различие оценок связано отнюдь не с тем, что в последнем случае в оценку поступка непосредственно включается оценка результата. Его можно объяснить тем, что в первой ситуации вина переживается и оценивается лишь как потенциальная, во втором же — как реальная.

Результат в моральной оценке, конечно, учитывается, но не таким образом, что оценка результата включается в нее рядом с оценкой внутреннего основания поступка. По результату мы судим о степени вины или заслуги воли, оценка же относится к воле и только к воле. Как при этом получается, что в случае более серьезного проступка вина представляется более глубокой? С возрастанием отрицательной значимости ожидаемого результата поступка должна возрастать сила, с которой воля противодействует факторам, определяющим этот результат. Следовательно, соответственно должна увеличиваться сила оценки, цель которой состоит в том, чтобы мобилизовать волю на такое противодействие, а это достигается тем, что осуждение приобретает более суровый характер и создает представление о большей вине; усиливает чувство ответственности, сообщает ему более высокую интенсивность, напряженность. Предмет моральной оценки — субъективное основание поступка и его результата — определяет ее содержание, а оно, в свою очередь, определяет ее форму.

Поступок выражается в результате. Если результат правильно понят, то оценка поступка не может расходиться с содержанием результата, больше того, она должна быть адекватна ему, соразмерна, то есть соотноситься с ним точно так же, как с его субъективным основанием. Иначе и быть не может: ведь последним определяется и сам результат. Постольку оценка проста и однозначна, нет никакой необходимости пытаться совместить в ней несовместимое — скажем, отрицательную оценку результата с положительной оценкой мотива. Положительному результату будет соответствовать положительная оценка, отрицательному — отрицательная.

С другой стороны, обусловленность поступка носит довольно сложный характер. Различные поступки, относящиеся к одному общему типу (например, положительному), могут быть вызваны различными комбинациями субъективных факторов, произойти при различных обстоятельствах. Одинаковое перевыполнение плана разными рабочими может быть связано с преобладанием у одного морального стимула, а у другого — материального, с более благоприятными производственными условиями труда одного и менее благоприятными — другого. Моральная значимость их трудовых успехов будет различной, различными должны быть и характеристики результатов их работы, выраженные в моральных оценках. Точно так же отрицательная оценка должна отражать своеобразие вызвавших поступок причин. Одно дело, если он возник по злему умыслу, другое, если по неосторожности или по неразумению. Конечно, в своей простейшей форме моральная оценка ограничивается характеристикой качества поступка, например: «Ты неправ», «Так вести себя нехорошо» и т. п. Но чтобы быть более полной и содержательной, она должна указать на

основные субъективные и объективные факторы, обусловившие результат. В этом случае она принимает более или менее развернутую форму, например: «В такой трудной обстановке так вести себя мог человек не только глубоко любящий Родину, но и обладающий железной выдержкой и способностью не щадить самого себя», «Вы человек добрый и бескорыстный, но слишком педантичный, поэтому ваше поведение было неправильно понято» и т. п. Выступая в такой форме, оценка способна более эффективно выполнять свою воспитательную функцию.

Как уже отмечалось, моральная оценка принципиально отличается от утилитарной, ибо она не ограничивается констатацией социальной полезности или вредности поступка, но является вместе с тем характеристикой его внутреннего, духовного содержания, отражает его психологическую структуру, его субъективные основания, взятые в определенных объективных условиях. При этом содержание и структура оценки соответствуют содержанию и структуре поступка. Ясно, что моральная оценка гораздо сложнее утилитарной, она является выводом из почти настоящего «психологического исследования» (хотя и производимого на эмпирическом уровне), а не результатом простого определения полезности или вредности сделанного (впрочем, и такое определение не всегда бывает простым).

Уже сама языковая форма моральной оценки, значение слов, посредством которых она производится, выражают ее психологическое содержание. На первый взгляд может показаться, что моральные термины, по крайней мере в некоторых случаях, лишь обозначают внешние формы действий и их результатов. Но это не так. Слова и выражения: «убить», «украсть», «нанести оскорбление», «выдать чужую тайну», «хорошо поработать», «сделать доброе дело», «прийти на помощь» и др. — это не только характеристики явлений, наблюдаемых фактов, они всегда содержат информацию о внутреннем мире людей, об их моральных (или аморальных) побуждениях и качествах. Это относится к любому оценочному этическому термину.

Выяснив общую природу моральной оценки, рассмотрим теперь вопрос о значении последней.

Информация об авторе / Information about the author

Гумницкий Григорий Николаевич (1924—2017) — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ивановский государственный университет (1961—1992), г. Иваново, Россия.

Gumnitsky Grigory Nikolaevich (1924—2017) — Doctor of Sciences (Philosophy), professor, professor of the department of social and humanitarian disciplines, Ivanovo State University (1961—1992), Ivanovo, Russian Federation.

ФИЛОСОФСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 141(470+571+497.11)
DOI: 10.46724/NOOS.2024.4.22-29

Д. Лазаревич, З. Милошевич

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ ИВАНА ИЛЬИНА В СЕРБСКОЙ НАУКЕ

Аннотация. В статье анализируется влияние творческого наследия русского философа Ивана Ильина на сербскую науку и культуру. Показано, что хотя русская философия представлена в сербском образовательном пространстве не так широко, Ильину удалось завоевать значительную популярность среди сербских читателей и интеллектуалов. Причины этого авторы видят в исторической связи Сербии и России, политическом контексте национальной идентичности и наличии переводных произведений Ильина. Они подробно анализируют труды русского философа, представленные на сербском языке. Установлены факторы, благодаря которым его идеи укоренились в сербской культуре. Сделан вывод о концептуальном влиянии философии Ивана Ильина на современную науку и культуру Сербии в контексте представлений о свободе, государственном суверенитете и традиционных ценностях.

Ключевые слова: Иван Ильин, русская философия, Сербия, православие, национальная идентичность, политическая философия.

Ссылка для цитирования: Лазаревич Д., Милошевич З. Философская мысль Ивана Ильина в сербской науке // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 22—29.

Original article

D. Lazarević, Z. Milošević

PHILOSOPHICAL THOUGHT OF IVAN ILYIN IN SERBIAN SCIENCE

Abstract. The article analyzes the influence of the creative heritage of the Russian philosopher Ivan Ilyin on Serbian science and culture. It is shown that although Russian philosophy is not widely represented in the Serbian educational space, Ilyin managed to gain significant popularity among Serbian readers and intellectuals. The authors see the reasons for this in the historical connection between Serbia and Russia, the political context of national identity and the availability of Ilyin's works in translation. They analyze in detail the works of the Russian philosopher presented in Serbian. The factors due to which his ideas took root in Serbian culture are identified. A conclusion is made about the conceptual influence of Ivan Ilyin's philosophy on modern science and culture of Serbia in the context of ideas of freedom, state sovereignty and traditional values.

Keywords: Ivan Ilyin, Russian philosophy, Serbia, Orthodoxy, national identity, political philosophy.

Citation Link: Lazarević D., Milošević Z. (2024) Philosophical thought of Ivan Ilyin in Serbian science, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 22—29.

Моя молитва, как мой меч,
мой меч, как молитва.
Иван Ильин (1883—1954)

Введение. Мало кто из русских философов жил в сербской науке в такой степени, как Иван Александрович Ильин, русский по отцу, немец по матери, профессор и доктор государственных наук, как гласило его тогдашнее звание. Следует отметить, что философия как предмет существует в средних школах и гимназиях Сербии, но в учебниках нет русской философии [Савић, 2001], но именно поэтому существуют созвездия западных философов, без какого-либо критического рассмотрения их.

На факультетах ситуация несколько лучше, в первую очередь благодаря духовным школам и факультетам, затем Центрам русистики, которые в большинстве случаев открываются пророссийски настроенными профессорами, привлекавшими впоследствии к той же идее своих студентов. Например, центры русских исследований (т. е. русского языка: культуры, филологии, истории, философии, политологии) в Сербии существуют на базе следующих факультетов: Факультет политических наук Белградского университета [<https://www.fpn.bg.ac.rs/naucno-istrazivacki-centri/centar-zaruskostudije>], Факультет философии Белградского университета [<https://www.f.bg.ac.rs/sr-lat/instituti/CRS#>], Филологический факультет Белградского университета [<http://ruskicentar.rs>], а также не следует забывать о русских уголках во многих сербских библиотеках.

Конечно, нельзя обойти вниманием инициированный Президентом России Владимиром Путиным интерес к произведениям Ильина, ведь в один период его политической деятельности казалось, что он реализует идеи Ильина по переустройству России. Это вызвало немалый интерес в Сербии и привело к полемике не только о том, что Путин реализует свои идеи по философской мысли Ильина, но и о том, кто такой Иван Ильин.

Поэтому, несмотря на непонимание верхушки государства, Минобразования и Миннауки о необходимости присутствия русской философии в школах и несмотря на то, что школьные учебники зачастую неадекватны и не адаптированы к детям и действительным потребностям народа (и даже исходящие от немецких или хорватских издателей!), русская философия тем не менее нашла путь к сербским читателям и ученым. Заслуга в этом принадлежит, прежде всего, публичной дипломатии — осознанию и самосознанию сербского народа того, что его место — рядом с Россией, и что наши исторические и национальные судьбы неразрывно переплетены.

Вот почему мы, авторы, решили в этой статье затронуть вопрос присутствия русской философии в Сербии, уделив особое внимание Ивану Ильину и его неизменной популярности на протяжении последних трех десятилетий.

Прежде всего, произведения Ивана Ильина можно читать на сербском языке благодаря переводчикам, в наибольшем количестве переводов — Владимиру Ягличичу, Радославу Божичу, Ане Яковлевич, Добрилу Аранитовичу, а также ряду других. Книги Ильина чаще всего переживали второе, третье или повторное издание, что было связано с большим интересом читающей публики и покупкой книг.

Книги Ильина в Сербии. Наибольшую популяризацию творчества Ильина осуществило издательство «Логос». Первым изданием, которое они представили сербской читающей публике, было «Путь духовного обновления» 1998 года в переводе Д. Аранитовича [Ильин, 1998а]. Издание было повторено через десять лет, так как спрос читательской аудитории был по-прежнему велик [Ильин, 2008]. После этого в «Логосе» были опубликованы и другие произведения Ильина: «Белая идея — о России завтрашнего дня» в 2011 году в переводе М. и Б. Марковичах [Ильин, 2011], а уже в следующем году вышла в свет самая известная среди сербского народа работа Ильина «О противодействии злу силой» в переводе А. Яковлевич [Ильин, 2012б]. Это издание было снова опубликовано в 2020 году [Ильин, 2020б]. Интересно, что эту же книгу А. Яковлевич опубликовала в издательствах «Цептер» и «Войска» (Военное издательство) в 2001 году, на целое десятилетие раньше «Логоса», что приводит нас к выводу, что книга «О противодействии злу силой» переиздается уже три десятилетия, подтверждая читательский интерес к книге [Ильин, 2001в].

Другое издание было переиздано таким же образом. Благодаря аншлагу первого издания: «Путь к очевидности» [Ильин, 2012а] в переводе Р. Божича, второе издание вышло в 2020 году [Ильин, 2020а].

В издательстве «Логос» в переводе А. Ацович в 2013 году вышла книга Ильина «Религиозный смысл философии» [Ильин, 2013].

Издательская мастерская Святого монастыря Хиландар в сотрудничестве с переводчиком В. Ягличичом также является большим популяризатором творчества Ивана Ильина. В 2018 году вышел перевод «Творческой биографии Ивана Ильина» автора А. Шарипова [Шарипов, 2018]. В том же году в этом издательстве вышел ряд произведений Ильина: «Я вглядываюсь в жизнь», «Взгляд вдаль», «Наши задачи», «Поющее сердце» [Ильин, 2018а; Ильин, 2018б; Ильин, 2018в; Ильин, 2018г].

Чуть ранее переводчик Ягличич в сотрудничестве с издательством «Бернар» в 2010 году опубликовал переводы трех книг Ильина: «Поющее сердце», «Взгляд вдаль» и «Я вглядываюсь в жизнь» [Ильин, 2010а; Ильин, 2010б; Ильин, 2010в]. Ягличич также поддерживал контакты с издательством «Светигора» в Цетинье, Черногория (тогда: Государственный Союз Сербии и Черногории). В рамках «Светигора» вышли следующие книги Ильина: «Перед пылающими загадками Божьими» [Ильин, 2001а], «В поисках правды» [Ильин, 2001г] и «Поющее сердце» [Ильин, 1998б].

Еще три книги Ильина вышли в свет в белградских издательствах: «Путь к очевидности» [Ильин, 2001б] в переводе Р. Божича; «Основы христианской культуры» [Ильин, 2014] в переводе Н. Узелац и Р. Божича; и в настоящее время самым последним изданием является книга «О русском национализме» в переводе В. Ягличича, опубликованная издательством «Катэна Мунди» [Ильин, 2023].

Почему сербы любят мысль Ильина? Во время Гражданской войны в России Ильин находился в сговоре с «белыми» генералами Михаилом Алексеевым и бароном Петром Врангелем (они разными путями дошли до югославского Белграда, где и были похоронены — Алексеев на Новом кладбище в Белграде, Врангель — в церкви Святой Троицы) [Ђорђевић, 2008: 153].

Хотя Ильин был известен сербам еще до Второй мировой войны, он ненадолго остался в Белграде, чтобы прочитать лекцию в сегодняшнем Русском доме. Его христианская философская мысль основывалась на святых Отцах Церкви и была поистине светочем для всех мыслящих славянских интеллектуалов. К сожалению, только после краха коммунизма и распада Югославии сербская читательская аудитория получила представление о его философской мысли, так что в первые десятилетия XXI века он вошел в число самых читаемых русских философов. Иными словами, современное возрождение России невозможно понять без творчества Ивана Ильина.

Сегодня Иван Ильин является часто цитируемым мыслителем — на него ссылался Владимир Путин, а также многие другие государственные и общественные деятели России (например, режиссер Никита Михалков). Современная Россия признала значимость произведений Ильина, и по инициативе руководства государства и многих известных людей в 2005 году останки Ильина были перевезены из Швейцарии в Россию и захоронены на кладбище Донского монастыря. Кроме того, в 2006 году государство купило его архив за границей, и он доступен всем, кто интересуется личностью и творчеством выдающегося российского мыслителя. До сегодняшнего дня вышло около тридцати томов собрания его сочинений.

Одной из причин популярности произведений Ильина среди сербских читателей, безусловно, являются схожие исторические судьбы Сербии и России, борьба за сохранение национальной и религиозной (православной) идентичности. Национальное возрождение России — идея, корень которой связан с философской мыслью Ильина [Гаврић, 2023], а значит — внедрение здоровой христианской культуры внутри народа и государства, которая как таковая несет мир, стабильность и прогресс [Ильин, 2005: 120—129].

Современная российская политика, реализуемая Президентом России Владимиром Путиным, часто ассоциируется с оригинальными идеями Ильина. Прежде всего, это критика (западного) модернизма и либерализма, необходимость морального (а не политического) авторитета, прославление национализма и борьба за сохранение так называемого «русского духа» [Димитријевић, 2014: 126, 158; Алексий, 2023: 269].

Не следует забывать, что Ильин был, прежде всего, религиозным творцом, и все его произведения и философская мысль проникнуты религиозными постулатами. Более того, Ильин считал, что осознание существования Бога есть смысл философии [Лоски, 1995: 511], что противоречит философским мыслям Б. Спинозы, Д. Дидро, Ф. Ницше и Б. Рассела, которые разными способами заявляли, что Бога нет, и критиковали религии. Сербский политолог Добрица Гаич утверждает, что книга Ильина «О противодействии злу силой» была написана с целью критиковать учение Льва Толстого и вызвала многочисленные полемики. Великий русский писатель называл применение силы в борьбе со злом «насилием и кощунственной узурпацией воли Божией». Гаич, подчеркивая значимость произведения Ильина, отмечает, что в нем говорится о противодействии человека злу как «внешнему», так и «внутреннему».

Идеи православия, сохраняющие национальный дух и традиционные ценности, вызывают противоречивые мнения и споры, но могут быть особенно привлекательными для традиционных православных обществ, таких как российское и сербское, которые сегодня борются за выживание, против зла.

По мнению Ильина, на зло можно и нужно отвечать силой, с ним нужно бороться яростно, потому что «меч поднимается тогда, когда есть что-то достойное защиты» [Карапанцин, 2011: 272; Петровић, 2009: 240; Димитријевић, 2017: 126—127].

Ильин занимал многочисленные сербские умы, но по этому поводу мы обратимся к самому обширному исследованию, точнее, к монографии протоиерея Николы М. Гаврича, основой которой стала докторская диссертация, защищенная в Баня-Луке в 2010 году и опубликованная в 2013 году под названием «Идея русского возрождения: социальная мысль Ивана А. Ильина» [Гаврић, 2023]. В этой книге дается наиболее полный обзор философских и православных идей Ильина, который, конечно, смотрит на все вопросы с точки зрения (русского) православия и видит в нем важнейшую часть идентичности русского народа. Государство и правосознание являются частью этой правильной мысли, хотя в период глобализации и неолиберально-марксистских мантр о смерти государства казались неприемлемыми.

Заключение. Ильин настаивает на государственном суверенитете, свободе, традиционных ценностях, с чем, по сути, изо всех сил борется современный Запад. Конечно, Ильин раскусил и либеральную демократию.

Это доказывает, следовательно, что мысль Ивана Ильина пережила его критику и что она служила и служит и ныне воскресению России. Кроме того, мы можем смело сказать, что благодаря большому количеству переведенных монографий Ильина в Сербии, его идеи были перенесены и в политическую философию сербов. Похоже, что сегодняшнее представление о «сербском мире» нашло свой источник именно в творчестве Ильина.

Поэтому идеи Ивана Ильина о духовном возрождении нации, значении традиций и необходимости сильного государства нашли отклик в сербской философской мысли, особенно в контексте тех испытаний, которые пережил сербский народ в XX веке. Также кажется, что многие из его идей только сейчас приобретают значение, что делает его философскую мысль вневременной.

Библиографическиј список / References

Алексић Ј. Изван западне епистемологије: Иван Ильин и Жарко Видовић у духовном дослуху // Жарко Видовић као мислилац књижевности и културе: зборник радова. 2023. С. 263—313.

(Aleksić J. Beyond Western epistemology: Ivan Iljin and Žarko Vidović in spiritual collusion, in *Žarko Vidović as a thinker of literature and culture*, 2023, pp. 263—313. — In Serb.)

Гаврић Н. М. Идеја руског препорода: друштвена мисао Ивана А. Ильина. Нови Сад: Институт за политичко умрежавање, 2023. 255 с.

(Gavrić N. M. *The idea of Russian revival: the social thought of Ivan A. Ilyin*, Novi Sad, 2023, 255 p. — In Serb.)

Димитријевић В. (ред.). Између Чеке и Гестапоа: Иван Ильин и Васкрс Русије / прир. Владимир Димитријевић. Београд: Catena mundi, 2014. 218 с.

(Dimitrijević V. (ed.) *Between the Cheka and the Gestapo: Ivan Ilyin and the resurrection of Russia*, Belgrade, 2014, 218 p. — In Serb.)

Димитријевић В. Сме ли се злу супротстављати силом: хришћански одговор Ивана Ильина // Православље и рат: зборник радова. 2017. С. 125—146.

(Dimitrijević V. Should we oppose evil with force: the Christian response of Ivan Ilyin, in *Orthodoxy and war*, 2017, pp. 125—146. — In Serb.)

Ђорђевић Р. О делу И. А. Иљина, in *Студије о руској философији, Кн. I*, Београд: ИЦНТ, 2008.

(Đorđević R. About cause of I. A. Ilyin, in *Studies on Russian philosophy, Book I*. Belgrade, 2008. — In Serb.)

Иљин И. А. Пут духовне обнове / прев. с руског Добрило Аранитовић. Београд: Логос; Ант, 1998а. 196 с.

(Ilyin I. A. *The path of spiritual renewal* / transl. from Russian by Dobrilo Aranitović, Belgrade, 1998, 196 p. — In Serb.)

Иљин И. А. Појуће срце: књига тихих сазрцања / прев. Владимир Јагличић. Цетиње: Светигора, 1998б. 138 с.

(Ilyin I. A. *The singing heart: book of silent contemplations* / transl. from Russian by Vladimir Jagličić, Cetinje, 1998, 138 p. — In Serb.)

Иљин И. А. У потрази за праведношћу: хришћанско-политички есеји о историји, друштву и култури / прев. са руског Владимир Јагличић. Цетиње: Светигора, 2001г. 224 с.

(Ilyin I. A. *In search of justice: Christian-political essays on history, society and culture* / trans. from Russian by Vladimir Jagličić, Cetinje, 2001, 224 p. — In Serb.)

Иљин И. А. Пред буктавим загонеткама Господњим: књига размишљања о стварима обичним и свакодневним / прев. са руског Владимир Јагличић. Цетиње: Светигора, 2001а. 221 с.

(Ilyin I. A. *Before the raging riddles of God: a book of reflections on ordinary and everyday things* / trans. from Russian by Vladimir Jagličić, Cetinje, 2001, 221 p. — In Serb.)

Иљин И. А. Пут ка очигледности / прев. Радослав Божић. Београд: Бримо, 2001б. 168 с.

(Ilyin I. A. *The road to obviousness* / trans. from Russian by Radoslav Božić, Belgrade, 2001, 168 p. — In Serb.)

Иљин И. А. О супротстављању злу силом / прев. с руског Ана Јаковљевић. Београд: Zepher book world: Војска, 2001в. 182 с.

(Ilyin I. A. *About opposing evil with force* / trans. from by Russian Ana Jakovljević, Belgrade, 2001, 182 p. — In Serb.)

Иљин И. А. Дух хришћанске културе / прев. са руског Слободан Костић // Православно дело: саборник за православно словесност. 2005. Год. 2, бр. 7. С. 120—129.

(Ilyin I. A. *The spirit of Christian culture* / trans. from the Russian by Slobodan Kostić, in *Orthodox work*, 2005, vol. 2, no. 7, pp. 120—129. — In Serb.)

Иљин И. А. Пут духовне обнове / прев. с руског Добрило Аранитовић. Београд: Логос, 2008. 196 с.

(Ilyin I. A. *The path of spiritual renewal* / transl. from Russian by Dobrilo Aranitović, Belgrade, 2008, 196 p. — In Serb.)

Иљин И. А. Појуће срце: књига тихих сазрцања / прев. Владимир Јагличић. Стари Бановци: Бернар, 2010а. 197 с.

(Ilyin I. A. *The singing heart: a book of silent contemplations* / transl. from Russian by Vladimir Jagličić, Stari Banovci, 2010, 197 p. — In Serb.)

Иљин И. А. Поглед у даљину: књига промишљања и надања / прев. Радослав Божић, Владимир Јагличић. Стари Бановци: Бернар, 2010б. 332 с.

- (Plyin I. A. *Looking into the distance: a book of reflection and hope* / trans. from Russian by Radoslav Božić, Vladimir Jagličić, Stari Banovci, 2010, 332 p. — In Serb.)
- Иљин И. А. Загледан у живот: књига промишљања свакодневнице / прев. Владимир Јагличић. Стари Бановци: Бернар, 2010в. 197 с.
- (Plyin I. A. *Staring at life: a book of reflections on everyday life* / trans. from Russian by Vladimir Jagličić, Stari Banovci, 2010, 197 p. — In Serb.)
- Иљин И. А. Бела идеја: о Русији сутрашњег дана (изабрани чланци) / прев. с руског Марија и Бранислав Марковић. Београд: Логос, 2011. 154 с.
- (Plyin I. A. *White idea: about the Russia of tomorrow* (selected articles) / trans. from Russian by Marija and Branislav Marković, Belgrade, 2011. 154 s. — In Serb.)
- Иљин И. А. Пут ка очигледности / прев. с руског Радослав Божић. Београд: Логос, 2012а. 201 с.
- (Plyin I. A. *The road to obviousness* / trans. from Russian by Radoslav Božić, Belgrade, 2012, 201 p. — In Serb.)
- Иљин И. А. О супротстављању злу силом / прев. с руског Ана Јаковљевић. Београд: Логос, 2012б. 193 с.
- (Plyin I. A. *About opposing evil with force* / trans. from Russian by Ana Jakovljević, Belgrade, 2012, 193 p. — In Serb.)
- Иљин И. А. Религиозни смисао философије; Опште учење о праву и држави / прев. с руског Ана Ацовић. Београд: Логос, 2013. 176 с.
- (Plyin I. A. *Religious sense of philosophy; General learning about law and the state* / trans. from Russian by Ana Acović, Belgrade, 2013, 176 p. — In Serb.)
- Иљин И. А. Основе хришћанске културе / прев. Нада Узелац, Радослав Божић; прир. Благоје Пантелић. Београд: Богословско друштво Отачник, 2014. 94 с.
- (Plyin I. A. *Basics of Christian culture* / trans. from Russian by Nada Uzelać, Radoslav Božić; acc. Blagoje Pantelić, Belgrade, 2014, 94 p. — In Serb.)
- Иљин И. А. Загледан у живот: књига промишљања свакодневнице / прев. с руског Владимира Јагличић. Београд: Задужбина Светог манастира Хиландара, 2018а. 215 с.
- (Plyin I. A. *Staring at life: a book of reflections on everyday life* / trans. from Russian Vladimir Jagličić, Belgrade, 2018, 215 p. — In Serb.)
- Иљин И. А. Поглед у даљину: књига промишљања и надања / прев. Радослав Божић, Владимир Јагличић. Београд: Задужбина Светог манастира Хиландара, 2018б. 345 с.
- (Plyin I. A. *Looking into the distance: a book of reflection and hope* / trans. from Russian by Radoslav Božić, Vladimir Jagličić, Belgrade, 2018, 345 p. — In Serb.)
- Иљин И. А. Наши задаци: хришћанско-политички огледи о историји, друштву и култури / прев. Владимир Јагличић. Београд: Задужбина Светог манастира Хиландара, 2018в. 368 с.
- (Plyin I. A. *Our tasks: Christian-political essays on history, society and culture* / transl. from Russian by Vladimir Jagličić, Belgrade, 2018, 368 p. — In Serb.)
- Иљин И. А. Појуће срце: књига тихих сазрцања / прев. Владимир Јагличић. Београд: Задужбина Светог манастира Хиландара, 2018г. 209 с.
- (Plyin I. A. *The singing heart: a book of silent contemplations* / transl. from Russian by Vladimir Jagličić, Belgrade, 2018, 209 p. — In Serb.)
- Иљин И. А. Пут ка очигледности / прев. с руског Радослав Божић. Београд: Логос, 2020а. 200 с.

- (Ilyin I. A. *The road to obviousness* / trans. from Russian by Radoslav Božić, Belgrade, 2020, 200 p. — In Serb.)
- Иљин И. А. О супротстављању злу силом / прев. с руског Ана Јаковљевић. Београд: Логос, 2020б. 193 с.
- (Ilyin I. A. *About opposing evil with force* / trans. from Russian by Ana Jakovljević, Belgrade, 2020, 193 p. — In Serb.)
- Иљин И. А. О руском национализму / прир. Владимир Димитријевић; прев. Владимир Јагличић. Београд: Catena Mundi, 2023. 262 с.
- (Ilyin I. A. *About Russian nationalism* / Vladimir Dimitrijević (ed.), Belgrade, 2023, 262 p. — In Serb.)
- Карапанџин С. Верска служба у Војсци Србије // Војно дело. 2011. Кн. 63, бр. 4, С. 271—291.
- (Karapandzin S. Religious service in the Serbian Army, *Vojno delo*, 2011, vol. 63, no. 4, pp. 271—291. — In Serb.)
- Лоски Н. О. Историја руске филозофије. Београд: Цетиње, 1995. 511 с.
- (Losky N. O. *History of Russian philosophy*, Belgrade, 1995, 511 p. — In Serb.)
- Петровић А., Ивковић В. Естетика и култура хришћанства // Зборник радова Филозофског факултета. 2009. С. 235—247.
- (Petrović A., Ivković V. Aesthetics and culture of Christianity, *Proceedings of the Faculty of Philosophy*, 2009, pp. 235—247. — In Serb.)
- Савић М., Цветковић В. Н., Цекић Н. Филозофија за средњу школу. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2001.
- (Savić M., Cvetković V. N., Cekić N. *Philosophy for high school*, Belgrade, 2001. — In Serb.)
- Шарипов А. М. Руски мислилац Иван Александрович Иљин: стваралачка биографија / прев. с руског Владимир Јагличић. Београд: Задужбина Светог манастира Хиландара, 2018. 366 с.
- (Sharipov A. M. *Russian thinker Ivan Alexandrovich Ilyin: creative biography* / trans. from Russian by Vladimir Jagličić, Belgrade, 2018, 366 p. — In Serb.)

Статья поступила в редакцию 23.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 23.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информација об ауторих / Information about the authors

Лазаревић Даяна М. — докторант филолошких наука, Институт политических истрадованих, Србија, Белград, dajanalazarevic93@gmail.com

Lazarevic Dayana M. — PhD in Philology, Institute of Political Studies, Serbia, Belgrade, dajanalazarevic93@gmail.com

Милошевић Зоран — доктор социологије, Институт политических истрадованих, Србија, Белград, zoran.milosevic@yandex.com

Milosevic Zoran — Doctor of Sociology, Institute of Political Studies, Serbia, Belgrade, zoran.milosevic@yandex.com

Научная статья
УДК 101.1(470+571)
DOI: 10.46724/NOOS.2024.4.30-36

В. С. Данилова, Н. Н. Кожевников

ПАРАДИГМЫ И КОММУНИКАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ РОССИИ

Аннотация. В статье рассмотрены основные характеристики региональной философии в контексте общероссийских коммуникаций. Зафиксирована позитивная специфика региональной философии России. Определены общие задачи региональных центров философии России. Особое внимание уделено исследованиям кафедры философии Северо-Восточного федерального университета по тематике концептуальных оснований постнеклассической философии. Раскрыты четыре основных направления данных исследований: разработка системы координат мира на основе предельных динамических равновесий детерминистического хаоса, исследование эволюции представлений об универсализме, изучение философии якутского героического эпоса олонхо, методология научных исследований.

Ключевые слова: постнеклассическая философия, система координат мира, ноосферогенез, философия якутского эпоса, методология научных исследований.

Ссылка для цитирования: Данилова В. С., Кожевников Н. Н. Парадигмы и коммуникации региональной философии России // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 30—36.

Original article

V. S. Danilova, N. N. Kozhevnikov

PARADIGMS AND COMMUNICATIONS OF REGIONAL PHILOSOPHY OF RUSSIA

Abstract. The article examines the main characteristics of regional philosophy in the context of all-Russian communications. The positive specificity of regional philosophy in Russia is recorded. The general tasks of Russian regional centers of philosophy are defined. Particular attention is paid to the research of the Department of Philosophy of the North-Eastern Federal University on the topic of conceptual foundations of post-non-classical philosophy. Four main areas of these studies are revealed: the development of a system of coordinates of the world based on the limiting dynamic equilibria of deterministic chaos, the study of the evolution dynamics of universalism, the study of the philosophy of the Yakut heroic epic olonkho and the methodology of scientific research.

Keywords: post-non-classical philosophy, world coordinate system, noospherogenesis, philosophy of the Yakut epic, methodology of scientific research.

Citation Link: Danilova V. S., Kozhevnikov N. N. (2024) Paradigms and communications of regional philosophy of Russia, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 30—36.

Отечественная философия «во времени и пространстве». Осмысление особенностей региональной философии России является в настоящее время одним из важнейших направлений ее развития, подразумевающих постановку целого комплекса задач. Их можно условно подразделить на внешние и внутренние. Первые связаны с формированием новой картины мира: естественнонаучной, социальной, гуманитарной, включая представления о формировании нового мирового порядка. Решение естественнонаучных проблем предполагает развитие философских аспектов методологии, представлений о постнеклассическом рационализме, самоорганизации в контексте синергетики, глобального эволюционизма и других дисциплин. Исследование современных социогуманитарных проблем включает в себя широкий круг вопросов, связанных с противостоящими друг другу тенденциями глобализма и изоляционизма, которые обострились в настоящее время.

Внутренние проблемы региональной философии России не менее разнообразны. В советское время преподавание философии и научная работа в этой области были предельно унифицированы, однако «перестройка» второй половины 1980-х годов дала начало радикальным переменам. Появилось огромное количество оригинальной философской литературы, начали проводиться Всероссийские конгрессы и другие философские конференции, был опубликован учебник по философии под редакцией И. Т. Фролова, где впервые за весь советский период появился раздел «Бытие». Возникли философские ячейки, школы, семинары, которые и составили ядро «региональной философии» с ее яркими характерными чертами.

Региональная философия по многим параметрам уступает главным научным центрам страны, например Институту философии РАН в Москве — головному научно-исследовательскому институту страны в этом направлении. Однако она обладает несомненно большей свободой в формировании новых научных и учебно-методических направлений и подходов. Кроме того, в регионах сложились интеллектуальные и культурные традиции, которые смогли раскрыться в настоящее время при активном участии философии и междисциплинарных наук по всем вышеупомянутым направлениям.

«Нормальная философия»: основные задачи. Можно назвать несколько общих задач всех региональных центров философии России.

1. *Систематизация и популяризация российской философии в контексте выявления ее связей с отечественной интеллектуальной традицией.* Труды многих выдающихся российских философов десятилетиями были в забвении, и лишь тридцать с небольшим лет тому назад они начали публиковаться. Здесь каждый регион может внести свою лепту, исследуя творчество земляков, людей, отбывавших ссылку в этих местах, или развивая культурное наследие своего этноса.

2. *Комплексный анализ реалий и перспектив развития региональных школ и традиций в контексте общего тренда развития российской философии.* Здесь необходимо фиксировать системообразующие философские концепции и регулярно устанавливать конструктивные отношения «центрального» и регионального философских дискурсов.

3. *Цивилизационное осмысление идентичности России,* которая определяется прежде всего выдающимися достижениями ее культуры: литературы, философии, искусства и т. п. При этом необходимо учитывать взаимодействия

с течениями и дискурсами мировой философии, их влиянием на перспективы и пути развития российской философии в целом.

4. *Развитие образовательного пространства современной России* усилениями региональной российской философии, корректировка совместных усилий этого развития. По сути, это формирование сильного ответа российской глубинной философии на вызовы современного мира.

Можно отметить яркие региональные традиции развития философии в Ростове-на-Дону, Казани, Самаре, Екатеринбурге, Новгороде, Иванове, Рязани, Владимире, Нижнем Новгороде, Липецке, в Республике Саха (Якутия) и многих других местах. Сохранились контакты с региональными философскими ячейками в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Азербайджане и других бывших республиках СССР. Со всеми этими философскими ячейками философы Республики Саха (Якутии) имеют деловые связи.

«Якутская философия»: между прошлым и будущим. В Якутске философия развивалась первоначально в Якутском государственном университете, затем с 2010 года в Северо-Восточном федеральном университете (СВФУ). Значительный вклад в региональную философскую традицию внесли профессора А. Е. Мординов (1910—1993), В. Д. Михайлов (1946—2021) и А. Г. Новиков (1942—2024)¹.

Авксентий Егорович Мординов², наряду с фундаментальными вопросами развития якутской культуры, рассматривал проблемы развития экономики, социума, взаимодействия элементов социалистического и национального. Он активно отстаивал право на публикацию произведений классиков якутской литературы, будучи соредактором книги Г. П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя». Анатолий Георгиевич Новиков создал диссертационный совет, который работал с 1992 по 2012 год и подготовил десять докторов и пятьдесят одного кандидата наук по специальностям: «Онтология и теория познания» и «Социальная философия». Деятельность Совета способствовала установлению контактов со многими специалистами из Москвы, Ташкента, Новосибирска, Томска, Иркутска, Улан-Удэ, Рыбинска, Иванова, Кемерово и других городов России. Ведущей организацией защищаемых диссертаций неоднократно становился Институт философии РАН и другие ведущие научные центры. Виктор Данилович Михайлов развивал свою авторскую концепцию «философия согласия».

В настоящее время кафедра философии Северо-Восточного федерального университета продолжает работу по концептуальным основаниям постнеклассической философии, философии олонхо и ряду других тем. Работы по теме «Концептуальные основания постнеклассической философии» ведутся с 2000 года под руководством профессоров Н. Н. Кожевникова и В. С. Даниловой по нескольким направлениям.

Первым из них является *разработка системы координат мира на основе предельных динамических равновесий детерминистического хаоса*. Цель и основная идея — увязать неравновесные состояния и взаимодействия вещей

¹ Феномен «якутской философии» уже попал в фокус внимания исследователей [Винокуров, 2014; Мыреева, 2010]. Авторы же видят свою задачу в систематизации философской традиции в контексте определенного интеллектуального пространства. Здесь тоже сделаны первые шаги [Филиппов, 2016; Старостин, 2019].

² См. его работу по зарождению якутской философской мысли [Мординов, 2010].

в мире с устойчивыми предельными динамическими равновесиями, которые формируют систему координат мира, являясь его универсальными характеристиками. Результаты развиваемой методологии апробированы для процессов самоорганизации на четырех уровнях структурной организации мира: материально-физическом, органически-живом, душевном, исторически-духовном. Концепции, характеризующие систему координат мира, разрабатываются авторами темы с начала 80-х гг. XX столетия³.

Содержательно достижения якутской философской традиции нашли отражение в трудах Николая Николаевича Кожевникова. В первой монографии⁴, которая содержит главным образом постановочные вопросы, представлены основные идеи и концепции, описывающие формирование представлений о системе координат мира. При этом основное внимание уделено естественным наукам, социально-гуманитарные науки рассмотрены частично. Во второй монографии⁵ выделены основные направления этой фундаментальной проблемы, а также основные подходы к их исследованию. В третьей монографии⁶ предпринята попытка увязать предельные равновесия вещей мира с устойчивыми взаимодействия хаоса и порядка, которые являются универсальными характеристиками этой системы координат, обеспечивая ее формирование. В четвертой и пятой монографиях⁷ рассмотрено становление структур, обеспечивающих формирование вещей с их динамическими равновесиями. Отдельные идеи, связанные с этими концепциями, были использованы в учебных пособиях Н. Н. Кожевникова и В. С. Даниловой: «Концепции современного естествознания» (5 изданий), «История и философия науки» (4 издания), «Методология научных исследований» (2 издания), «Философия и методология науки», «Философия. Классический, неклассический, постнеклассический этапы» (3 издания).

Вторым направлением является *исследование эволюции представлений об универсализме, ноосферогенезе и процессах глобализации в современном мире*. Поиск путей для становления концепций современного универсализма естественнее всего проводить исходя из постепенно проясняющегося онтологического

³ Соответствующие доклады были представлены на Всемирных философских конгрессах: XIX (Москва), 1993; XXI (Стамбул), 2003; XXII (Сеул), 2008; XXIII (Афины), 2013; XXIV (Пекин), 2018, XXV (Рим), 2024; различные аспекты этой проблемы были представлены в трудах II—VIII Российских философских конгрессов. Несколько статей по этой тематике опубликованы в США (Analecta Husserliana), отдельные вопросы рассмотрены в статьях и материалах конференций, вышедших в Турции, Греции, Японии, Италии, США, Испании, Корее, Индии, Франции, Румынии.

⁴ Кожевников Н. Н. Система координат мира на основе предельных динамических равновесий. Якутск: Северо-Восточный федеральный ун-т, 2014. 176 с.

⁵ Кожевников Н. Н. Метафизический, онтологический, феноменологический и герменевтический аспекты системы координат мира на основе предельных динамических и сетевых равновесий. Якутск: Северо-Восточный федеральный ун-т, 2017. 171 с.

⁶ Кожевников Н. Н. Основные понятия философии в контексте системы координат мира на основе предельных динамических равновесий детерминистического хаоса. Якутск: Изд. дом Северо-Восточного федерального ун-та, 2020. 160 с.

⁷ Кожевников Н. Н. Самоорганизация мира с точки зрения системы координат на основе предельных динамических равновесий его вещей. Якутск: Изд. дом Северо-Восточного федерального ун-та, 2022. 160 с.; Кожевников Н. Н. Процессы самоорганизации на основных уровнях структурной организации мира в контексте его системы координат. Якутск: Изд. дом Северо-Восточного федерального ун-та, 2024. 136 с.

основания планетарно-цивилизационных оболочек, а также всестороннего анализа культурных универсалий, соответствующих современной эпохе. Все это способствует введению и обоснованию синтетического понятия, вмещающего в себя результаты обоих этих направлений, получившего название «нообиогеосфера», а также развитию представлений о мировоззренческих универсалиях на его основе⁸. Затем исследования были продолжены в области теории систем, экологии, синергетики, философии науки, ноосферогенеза, а также в работах, посвященных глобализации и формированию информационного общества.

Исследования, проводимые по этому направлению, сосредоточены на вопросах, связанных с уточнением мировоззренческих универсалий, последовательным исследованием системы взаимодействующих планетарно-цивилизационных оболочек, а также различных видов новой целостной планетарной реальности. Были выявлены элементы мезо- и микроуровня концептуальной схемы, описывающей систему планетарно-цивилизационных оболочек на основе плюралистической методологии, ориентированной на синтез различных видов знания, включающей достижения естественных и гуманитарных наук.

Третье направление связано с *философией якутского героического эпоса олонхо*, имеющего системообразующее значение в культуре Якутии. В советское время этот эпос практически не исследовался. «Термином “олонхо” принято обозначать и общее жанровое понятие якутского героического эпоса, и отдельные сказания, составляющие этот жанр. Сказания-олонхо называются по имени главного героя (“Эр Соготох”, “Дьырай Бэргэн”, “Нюргун Боотур”, “Кыыс Нюргустай” и т. п.) и представляют собой эпопеи стихотворной формы, достигающие шести-десяти, а в отдельных случаях тридцати-сорока тысяч строк» [Емельянов, 1980: 3].

Героический эпос олонхо ориентирован на общечеловеческие ценности и тесно связан с эпосами других народов. Знакомство с олонхо началось в середине XIX века, его научные исследования — в первой половине XX столетия. Однако в современных исследованиях олонхо практически отсутствовали философские, а также связанные с ними эстетические, культурологические и литературоведческие обобщения проводимых исследований. Авторами статьи этот исследовательский пробел заполнен [Кожевников, Данилова, 2018].

Четвертым направлением является *методология научных исследований*, которой в университете уделяется значительное внимание — прежде всего, повышению квалификации преподавателей, читающих лекции по этому курсу. Предмет является многомерной и разветвленной дисциплиной, поскольку имеет философский, общенаучный, междисциплинарный уровни, а также многочисленные репрезентации в области специальных дисциплин. В последние десятилетия XX века методология стала рассматриваться и как самостоятельная

⁸ Истоки представлений об универсализме можно увидеть в религиозно-философских системах Древнего мира и Античности (Парменид, Платон, Аристотель). Дальнейшее ее развитие шло через неоплатонизм, средневековых мистиков, Н. Кузанского, философские системы И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля. В XX столетии идеи универсализма развивали П. Тейяр де Шарден, А. Бергсон, А. Швейцер, Ж. Маритен, К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Гадамер, П. Тиллих, Р. Тагор, Кан Ювэй, С. Радхакришнан, философия всеединства, космизм (все его направления — от естественнонаучного до религиозно-философского).

дисциплина, имеет варианты использования применительно к деятельности, коммуникациям, современным технологиям, компьютерингу и т. п. В связи с этим важно понимать значимость каждого из вышеназванных уровней методологии, рассмотреть варианты их использования для различных направлений. Ключевое значение в этом исследовании имеет типология методологии научных исследований. Именно акценты на таком «типологическом» подходе позволяют повысить квалификацию преподавателей, читающих лекции по этому курсу, поскольку формирует целостное универсальное представление о предмете исследования и преподавания. Обращают на себя внимание такие дискурсы, как «генезис и эволюция методологии научного знания», «общенаучные методологические подходы», «естественнонаучные аспекты методологии науки», «методология социальных и гуманитарных наук», «междисциплинарные подходы», «методология в контекстах эпистемологии и онтологии науки»⁹.

Вместо заключения. Таким образом, философские исследования в Северо-Восточном федеральном университете достаточно многогранны и последовательно выполняются в течение длительного времени. Вуз прежде всего готовит специалистов для северных территорий России и Арктики, где вышеизложенное приобретает особое значение.

Россия с ее огромной территорией, населенная многочисленными этносами, как никакая другая страна в мире должна развивать свои социальные, культурные институты, включая философию от теоретической до прикладной в регионах, и только тогда образовательная и научная системы в стране будут устойчивыми и саморазвивающимися.

Библиографический список / References

- Винокуров В. В. Об особенностях якутской философии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2014. № 1 (8). С. 66—72.
(Vinokurov V. V. On the Peculiarities of Yakut Philosophy, *North-Eastern Humanitarian Bulletin*, 2014, no. 1 (8), pp. 66—72. — In Russ.)
- Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. Москва: Наука, 1980. 376 с.
(Emelyanov N. V. *Plots of the Yakut olonkho*, Moscow, 1980. 376 p. — In Russ.)
- Мординов А. Е. Зарождение якутской философской мысли // Мординов А. Е. Избранные произведения: в 2 т. Якутск: Бичик, 2010. Т. 2. С. 125—180.
(Mordinov A. E. The origin of Yakut philosophical thought, in Mordinov A. E. *Selected works in 2 vols*, Yakutsk, 2010, vol. 2, pp. 125—180. — In Russ.)
- Мыреева А. Н. Фольклорные традиции и развитие философской прозы в якутской литературе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2010. Т. 7, № 4. С. 115—120.
(Myreeva A. N. Folklore traditions and the development of philosophical prose in Yakut literature, *Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov*, 2010, vol. 7, no. 4, pp. 115—120. — In Russ.)

⁹ Данилова В. С., Кожевников Н. Н. История и философия науки: учебное пособие. Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2023. 460 с.; Кожевников Н. Н., Данилова В. С. Методология научных исследований: учебное пособие. Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2024. 266 с.

Кожевников Н. Н., Данилова В. С. Философские исследования текстов олонхо. Якутск, Изд. Дом СВФУ, 2018. 176 с.
(Kozhevnikov N. N., Danilova V. S. *Philosophical studies of Olonkho texts*, Yakutsk, 2018, 176 p. — In Russ.)

Старостин В. П. Философия и философы в Якутии // Якутский философский журнал. 2019. № 4 (4). С. 23—27.
(Starostin V. P. Philosophy and philosophers in Yakutia, *Yakut philosophical journal*, 2019, no. 4 (4), pp. 23—27. — In Russ.)

Филиппов Л. С. Философы Якутии (историко-философский обзор). Якутск: ООО «Дани-Алмас», 2016. 182 с.
(Filippov L. S. *Philosophers of Yakutia (historical and philosophical review)*, Yakutsk, 2016, 182 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 27.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Данилова Вера Софроновна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия, nnkozhev@mail.ru

Danilova Vera Sofronovna — Doctor of Sciences (Philosophy), professor of the Philosophy Department, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, nikkozv@gmail.com

Кожевников Николай Николаевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия, nnkozhev@mail.ru

Kozhevnikov Nikolai Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philosophy), professor, professor of the Philosophy Department, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, nikkozv@gmail.com

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Научная статья

УДК 141.2:502.3

DOI: 10.46724/NOOS.2024.4.37-49

А. Г. Розенберг, Г. Э. Кудинова, Г. С. Розенберг

ЭКОФИЛОСОФИЯ И НООСФЕРОЛОГИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В РАМКАХ СИСТЕМОЛОГИИ

Аннотация. В статье обсуждаются новые научные дисциплины — экофилософия и ноосферология. Рассмотрены основные понятия: системология — теория сложных систем; экофилософия (или экософия) — философия экологической гармонии или равновесия; ноосферология — наука о ноосфере, ноосферном миропостроении. Рассмотрены процессы интеграции и дифференциации в рамках этих наук. Предложен сравнительный анализ трех парадигм познания мира. Авторы наделяют ноосферу статусом уникальной сложной системы, пребывающей в состоянии глобальной неопределенности, и констатируют отсутствие теоретических построений, которые стали бы основой конструктивной теории ноосферы. Сделан вывод, что содержательный подход к синтезу теоретической ноосферологии возможен с помощью теоретической и методической составляющих системологии.

Ключевые слова: экологическая философия, ноосферология, методология, системология, интеграция и дифференциация.

Ссылка для цитирования: Розенберг А. Г., Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С. Экофилософия и ноосферология: интеграция и дифференциация в рамках системологии // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 37—49.

Original article

A. G. Rozenberg, G. E. Kudinova, G. S. Rozenberg

ECOPHILOSOPHY AND NOOSPHEROLGY: INTEGRATION AND DIFFERENTIATION WITHIN SYSTEMOLOGY

Abstract. The article discusses new scientific disciplines — ecophilosophy and noospherology. The main concepts are considered: systemology — the theory of complex systems; ecophilosophy (or ecosophy) — the philosophy of ecological harmony or balance; noospherology — the science of the noosphere, noospheric worldbuilding. The processes of integration and differentiation within these sciences are considered. A comparative analysis of three paradigms of world cognition is proposed. The authors endow the noosphere with the status of a unique complex system in a state of global uncertainty and state the absence of theoretical constructs that would form the basis for a constructive theory of the noosphere. It is concluded that a substantive approach to the synthesis of theoretical noospherology is possible with the help of the theoretical and methodological components of systemology.

© Розенберг А. Г., Кудинова Г. Э., Розенберг Г. С., 2024

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 37—49 •

Keywords: environmental philosophy, noospherology, methodology, systemology, integration and differentiation.

Citation Link: Rozenberg A. G., Kudinova G. E., Rozenberg G. S. (2024) Ecophilosophy and noospherology: integration and differentiation within systemology, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 37—49.

«Надо портить себе удовольствие, —
говорил старый ребе. —
Нельзя жить так хорошо».
Илья Ильф

Определения. Первоначально определим основные понятия, которые присутствуют в заголовке статьи, что, по нашему мнению, сделает ее более логичной и доступной.

Системология — теория сложных систем (первые представления о системологии можно найти в монографиях [Новик, 1965; Кулик, 1971; Флейшман, 1971]). «Стержневым понятием системологии является понятие *сложной системы*» [Флейшман, 1982: 12]. Интересно о такой ситуации высказался австро-британский экономист Ф. Хайек (Friedrich August von Hayek; 1899—1992) в своей нобелевской лекции «Притворство знания» 11 декабря 1974 года: «социальные науки, как и большая часть биологии, в отличие от большинства областей физических наук, вынуждены иметь дело со структурами существенной сложности. <...> нам приходится иметь дело с тем, что доктор Уоррен Уивер (бывший сотрудник Фонда Рокфеллера) называл "феноменами организованной сложности" (*далее мы назовем это хаос-самоорганизацией*. — Авторы)» [von Hayek, 1974]. Сам термин «системология», скорее всего, был предложен в 1965 г. философом И. Б. Новиком.

Экофилософия (или экософия) — это философия экологической гармонии или равновесия. Этот термин был придуман французским философом и психоаналитиком Ф. Гваттари (Pierre-Félix Guattari; 1930—1992) и норвежским «отцом» глубинной экологии А. Нэссом (Arne Dekke Eide Næss; 1912—2009), хотя корни этого раздела философии можно найти в «русском космизме». «Экологическая философия — это философия равновесия современного общества, человека в нем и природы, то есть мира в целом. Само название “экофилософия” предполагает синтез, взаимодействие нескольких направлений человеческого познания» [Горохов, 2020: 21]. Центральная концепция экофилософии «Мир как убежище» — альтернатива ньютоновскому представлению «Мир как машина». Главный принцип, на котором стоят экофилософы, — мораль и этика превыше всего [Розенберг, 2014: 1824], «эта моральная сила может вернуться, если сторонники [защиты] окружающей среды не будут предписывать выполнения различных задач обществу, а помогут обществу достичь целей, которые у него уже имеются — This moral power may return if environmentalists employ science not to prescribe goals to society but to help society to achieve goals it already has» [Sagoff, 2012: 13; Сагофф, 2014: 14]).

Сегодня можно говорить о том, что мы присутствуем при синтезе «особой ветви ноосферного знания, науки о ноосфере — ноосферологии. <...> Ноосферология коротко может быть определена как наука о ноосферном миропостроении»

[Дмитревская, Портнов, Смирнов, 2002: 27, 45]. Фактически это наука об общих закономерностях структуры и динамики ноосферы (последняя как раз и представляет из себя сложную систему).

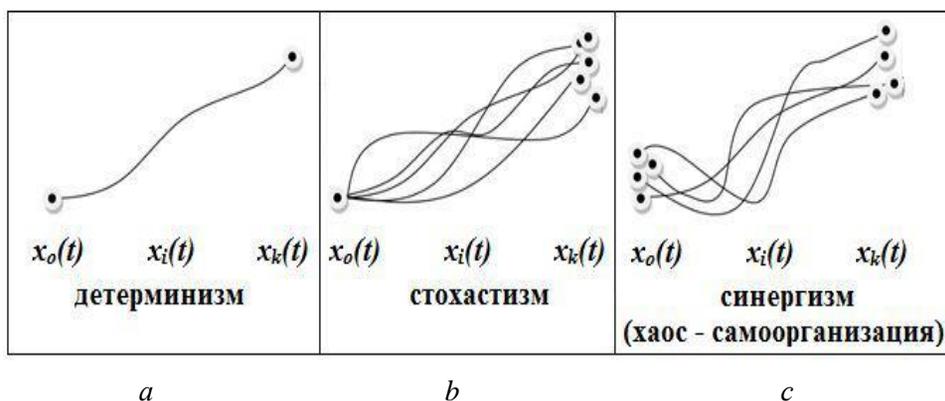
Что касается понятий «интеграция» и «дифференциация», то они в контексте данной работы понимаются традиционно как процессы объединения частей в целое или разделения процессов или явлений на составляющие части.

Парадигмы познания мира. «Сложные системы, в отличие от простых, имеют большое число взаимосвязанных качеств. Поэтому аналитические модели отдельных их качеств не адекватны им, а имитационные модели достаточно большой совокупности их качеств весьма сложны и недостаточно общи» [Розенберг, 2013]. На рисунке «схематично представлены три парадигмы познания мира:

1. *Лапласовский детерминизм* (полная определенность поведения объектов живой природы) — уверенность в том, что все происходящее имеет причину в человеческом понятии и есть не познанная разумом необходимость; на принципе детерминизма построена, например, классическая физика (механика); математически это означало необходимость развития дифференциального исчисления (процесс задается вектором состояния от $x_0(t) \rightarrow x_k(t)$);

2. *Стохастизм, случайность* (вероятностная определенность поведения объектов живой природы); математически это означало необходимость развития теории вероятностей (процесс задается функцией распределения в точке $x_k(t)$);

3. *Синергизм (хаос-самоорганизация)* — неопределенность в динамике поведения объектов живой природы как в точке $x_0(t)$, так и в точке $x_k(t)$.

Соотношение векторов состояния сложных систем для трех парадигм познания мира

Две базовые философские концепции детерминизма и стохастизма обсуждались и изучены весьма подробно [Купцов, 1976]. А вот третья парадигма познания мира (рис., c) — это детище второй половины XX и начала XXI века; она сравнительно молода и настоятельно требует научного сопоставления и анализа [Еськов, 2011].

«Первыми, кто обозначил парадигму хаос-самоорганизация (еще в 1947 году), были психофизиолог, чл.-корр. АМН СССР Н. А. Бернштейн (1896—1966); он предложил гипотезу о «повторении без повторения») и амери-

канский математик и организатор науки У. Уивер (Warren Weaver; 1894—1978), о котором упомянул Ф. Хайек, и который для систем третьей парадигмы предложил понятие «организованной сложности — complexity» [Weaver, 1948; Розенберг, 2019, 2022; Розенберг, Филатова, 2022]. Также был близок к этим представлениям нобелевский лауреат, физикохимик И. Р. Пригожин (Иуа R. Prigogine; 1917—2003), который в работах 1990-х гг., и особенно в своем обращении к потомкам «The Die is not Cast — Жребий не брошен» [Prigogine, 2000: 17], подчеркивал: «Современные науки, изучающие сложность мира, опровергают детерминизм: они настаивают на том, что природа созидательна на всех уровнях ее организации. *Будущее не дано нам заранее*» (выделено нами. — Авторы). Пригожин называет такой хаос детерминированным. Самый заметный вклад в осмысление и математизацию (расчет матриц межаттракторных расстояний и параметров квазиаттракторов) этой парадигмы внесен биофизиком В. М. Еськовым и его последователями [Еськов, 2011; Еськов, Филатова, 2014; Еськов и др., 2016 и др.]. Таким образом, детерминистско-стохастический подход постулирует повторяемость (воспроизводимость) начального состояния системы $x_0(t)$ (неограниченное число раз) и повторяемость (возможно, с вариациями для стохастизма) промежуточных состояний системы $x_i(t)$. Теория хаоса-самоорганизации (ТХС) [Еськов, 2011] исходит из того, что в полном соответствии с классическим высказыванием Гераклита Эфесского (ок. 544 г. до н. э. — ок. 483 г. до н. э.) «в одну и ту же реку дважды войти нельзя», вообще невозможно произвольное повторение любых значений вектора состояния системы» (рис., с).

Хорошей экологической интерпретацией рисунка может служить развитие представлений о климаксовом (устойчивом) сообществе. Первоначально считалось, что экосистема стремится к единственному климатическому климаксовому состоянию для всех сукцессий (*моноклимакс* Ф. Клементса [Frederic Edward Clements, 1874—1945], рис., а); далее пришли к пониманию *поликлимакса* (в одной географической зоне сукцессия ведет к целому ряду четко выраженных устойчивых сообществ в зависимости от локальных условий среды. Представления развивались А. Тенсли [Arthur Tansley, 1871—1955], рис., б); наконец, Р. Уиттекер (Robert Harding Whittaker, 1920—1980) предложил модель *климакс-мозаики* (рис., с), когда в одной географической зоне климаксовые сообщества чередуются с более молодыми (например, в лесном массиве экосистемы, достигшие стадии климакса, чередуются с молодыми, которые более устойчивы, в частности, к пожарам, опасными для них только в наиболее засушливые годы [Миркин и др., 2001: 114—116]).

Еще одна иллюстрация парадигмы ТХС выглядит так. Пусть нам необходимо определить корреляцию между некоторой характеристикой почвы (например, солёностью) и растительностью, встреченной на ней. Проводя n совокупных наблюдений, мы неизбежно попадаем в ситуацию, представленную на рис. с. Еще один нобелевский лауреат, физик Р. Пенроуз [Пенроуз, 2003: 145, 149] задает вопрос: «Что означает “вычислимость”, когда в качестве входных и выходных данных допускаются непрерывно изменяющиеся параметры?» — и тут же отвечает: «А это подразумевает, что будущее *не будет вычислимым* на основе настоящего, даже если оно им и *определяется* (выделено Р. Пенроузом. — Авторы)». Для моделирования мы должны использовать либо сложный и недостаточно разработанный вероятностный аппарат сравнения случайных величин

($x_0(t)$ и $x_k(t)$), каждая из которых подчиняется своему закону распределения (который мы также не знаем), либо создать новый математический аппарат для эффективного использования его в варианте хаос-самоорганизация [Еськов, 2011]. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что существуют сложные системы, у которых нет начального (исходного) состояния¹. Социо-эколого-экономические системы (СЭЭС; ноосфера, естественно, имеет отношение к таким объектам) находятся в непрерывном движении, их $x_i(t)$ неповторим во времени и пространстве. Это глобальная неопределенность всех уникальных, сложных систем.

Интеграция и дифференциация. Все вышесказанное относится к методологии науки в традиционном понимании (философия науки [Беспалов и др., 2018]); а раз это касается методологических основ экологии, то мы имеем право говорить об экофилософии [Розенберг, 2010, 2014; Баркова, 2017]. И здесь представления о ТХС открывают новые (дополнительные) возможности интеграции и дифференциации нашего знания об экофилософии и «биосфере — ноосфере», как о самой большой и самой сложной СЭЭС (при этом не будем забывать, что «принципиальное отличие биосферы от входящих в нее экологических систем состоит в замкнутости происходящих в ней процессов обмена веществ при потоке энергии, первоисточником которой является Солнце» [Гительзон, Лисовский, 1994: 893]).

В основе интеграции лежит логическая операция — логический синтез, в основе дифференциации — логический анализ. А. И. Уёмов [Уёмов, 1971] выделял три типа синтеза:

- реистический (ноосферология как междисциплинарная наука);
- атрибутивный (идеи одной или более наук становятся системообразующим свойством другой; ноосферология [как и концепция устойчивого развития] — это интеграция экологии, социологии и экономики);
- реляционный (проникновение методов одних наук в другие, внедрение информационных технологий и пр.; именно здесь возможно конструктивное применение методов ТХС).

Одновременно с интеграцией протекает процесс дифференциации научного знания, механизмом которого является анализ. Метод логического анализа используется на различных этапах философско-методологического исследования: для более четкой формулировки целей исследования (говоря о стратегии развития биосферы во имя Человека на основе стратегии Природы, Н. Н. Моисеев [Моисеев, 1990: 224] замечает: «сегодня мы еще очень далеки от понимания наших глобальных [да и локальных тоже] целей. Надо добавить, что и наших возможностей — тоже!»), для детализации и упрощения конкурирующих гипотез, для их более строгого и систематического изложения и т. п. Здесь широкий простор для применения принципов системологии (иерархической организации, несовместимости Лотфи Заде, множественности моделей В. В. Налимова, контринтуитивного поведения Джея Форрестера, осуществимости моделирования Б. С. Флейшмана, рекуррентного объяснения, минимаксного

¹ Чтобы было совсем понятно, пример из нашей повседневной жизни (физиологии человека): измеряя подряд 10 раз давление (это точка $x_0(t)$), мы никогда не получим одинаковых значений.

построения моделей и др. [Флейшман, 1982; Розенберг, 2013, 2022]). Все эти принципы широко обсуждались; проиллюстрируем последний из них.

«Принцип минимаксного построения моделей — теория должна состоять из простых моделей (min) систем нарастающей сложности (max). Другими словами, формальная сложность модели² (например, число описывающих ее уравнений) не должна соответствовать неформальной сложности системы. Отсюда следует, что грубая модель динамики СЭЭС биосферы может оказаться проще более точной модели более простой системы (например, модели СЭЭС страны). Этот принцип рассматривается как аналог принципа “бритвы Оккама”»³.

Пожалуй, главная, интегративная мысль, которую мы хотим провести в этой работе, состоит в том, что для сложных и сверхсложных систем невозможно осуществлять измерения так, как мы привыкли это делать при изучении простых систем физического мира. Если в физических науках исследователь может измерить то, что на основании теории он считает важным, то в системологии (в том числе и для ноосферологии) зачастую, важным считается то, что просто оказывается доступным для измерения. Например, одна из первых имитационных моделей ноосферы была предложена американским системологом Дж. Форрестером (Jay Wright Forrester; 1918—2016) в начале 1970-х годов [Форрестер, 1978]. Модель очень упрощена и содержит всего 5 уровней-блоков с некоторыми связывающими их внешними функциями (коэффициентами). Так вот, «поскольку модель “Мировая динамика” идентифицировать невозможно (этот факт очевиден), то внешние функции $\omega_{j,k,l}K_{j,k,l}$ были “придуманы” Дж. Форрестером. Качественный характер этих “придуманных” зависимостей не вызывает сомнений. <...> Однако конкретные значения функций $\omega_{j,k,l}K_{j,k,l}$, фигурирующие в модели “Мировая динамика”, не могут быть почерпнуты из каких-либо измерений. Поэтому эти конкретные значения носят характер подбираемых из каких-либо соображений величин» [Лабораторный..., 2009: 22]. Можно принять, например, что одним из таких соображений является «хорошая» интерпретируемость получаемых при моделировании результатов. Уже цитированный нами Ф. Хайек заметил, что «то, что можно назвать математической ценой (*pretium mathematicum*), зависит от весьма большого числа отдельных обстоятельств, поэтому ее никогда не может узнать человек, и она известна лишь Богу. Мне иногда хочется, чтобы наши специалисты по математической экономике (*экономистов можно заменить на экологов, социологов и пр.* — Авторы) запечатали это в своем сердце. Должен признаться, что я все еще сомневаюсь: является ли их поиск измеряемых величин весомым вкладом в теоретическое

² Пионеры кибернетики, мексиканский физиолог и врач А. Розенблют (Arturo Rosenblueth; 1900—1970) и американский математик Н. Винер (Norbert Wiener; 1894—1964) ввели в обиход такой образ: «the best material model for a cat is another, or preferably the same cat — лучшая материальная модель для кошки — это другая, а лучше та же кошка» [Rosenblueth, Wiener, 1945: 320]; этот мем любил повторять украинский математик и кибернетик, академик НАНУ А. Г. Ивахненко (1913—2007), от которого мы его и узнали [Ивахненко, 1990 и др.].

³ Принцип «бритвы Оккама», известный в науке так же, как принцип бережливости, принцип простоты или принцип лаконичности мышления был сформулирован в XIV в. английским философом У. Оккамом (William of Ockham; ок. 1285—1347) в следующем виде: *frustra fit plura, quod fieri potest pauciora* — не следует делать посредством большего то, что можно достичь посредством меньшего.

понимание экономических феноменов на фоне значимости таких величин для описания отдельных ситуаций? При этом я не готов принять извинения, что данное направление исследований якобы существует в течение весьма непродолжительного времени: ведь был же основатель эконометрики сэр Уильям Петти (*William Petty; 1623—1687*) прежде всего старшим коллегой сэра Исаака Ньютона (*Isaac Newton; 1642—1727*) по Королевскому обществу!» [von Hayek, 1974].

Ноосферология: на пути к теории. В трудах В. И. Вернадского [1977, 2004 и др.], возможно сознательно, «нет законченного и непротиворечивого толкования сущности материальной ноосферы как преобразованной биосферы» [Баландин, 1988: 94]. Оно обычно трактуется как новое состояние биосферы (направленно измененное в интересах человека), при котором разумная деятельность становится глобальным, определяющим фактором развития. Нередко возникновение ноосферы представляется как результат коэволюции природы и общества [Моисеев, 1990]. «Как нам представляется, ошибочность такой интерпретации очевидна. Коэволюция — это не параллельное развитие, а прежде всего взаимная адаптация. Человечество наконец пришло к выводу, что оно должно соизмерять свою деятельность с законами природы, чтобы сохраниться как вид. Это еще как-то можно назвать адаптацией. Но никаких признаков адаптации Природы к человеческой деятельности просто нет. Единственный ее ответ — деградация (в экологии известен *постулаты видового обеднения* [Розенберг, 2010]). Даже при большом желании разрушение невозможно превратить в эволюцию. Следует учитывать и еще один немаловажный факт. Антропогенные системы имеют примитивную структуру, устойчивость их по сравнению с естественными — мала. Без постоянной заботы человека они в лучшем случае замещаются естественными экосистемами (например, «поглощение» брошенной железной дороги через бразильскую сельву). Речь идет, конечно, не об эволюционном переходе биосферы в новое качественное состояние, а о замещении биосферы техносферой. «Наша идеальная ноосфера более походит на символ веры, чем на объект научных исследований» [Баландин, 1988: 95]. Таким образом, идея ноосферы (как, впрочем, и концепции устойчивого развития) созвучна несколько утопичной картине будущего мироустройства человечества, которое должно еще пройти путь, в частности, от современного однополярного мира (рис., *a*) через многополярный мир (рис., *b*) к новой, «целостно-мозаичной» гармонии в системе «Природа — Человек» (рис., *c*).

Сегодня можно констатировать, что практически нет теоретических конструкций (гипотезы, законы, правила и пр.), которые стали бы основой конструктивной теории ноосферы. Если не считать робких попыток привлечения (чаще всего просто «переноса») представлений о едином информационном поле (следует согласиться с Г. С. Смирновым [Смирнов, 2015: 322]: «в биосфере основную роль играет энергия, в то время как в ноосфере главенствующей становится информация»), росте населения Земли [Капица, 1999], коэволюции человечества и биосферы (дискуссия, о которой говорилось выше [Моисеев, 1990, 1997, 1998; Данилов-Данильян, 1998; Розенберг и др., 1998]), применения некоторых постулатов глобалистики [Чумаков, 2018; Розенберг, 2018], то перед математическим моделированием в ноосферологии видятся большие эвристические возможности, так как «математика, точнее математическое моделирование нелинейных систем, начинает нащупывать извне тот класс объектов, для которых существуют мостики между мертвой и живой природой, между

самодостраиванием нелинейно эволюционирующих структур и высшими проявлениями творческой интуиции человека» [Князева, Курдюмов, 1992: 19]. В «ноосферном моделировании», скорее всего, дальше всех продвинулись модели в области глобальных последствий ядерной войны («ядерная зима» [Кибернетика, ноосфера., 1986]), но и они не создали возможностей для формулировки количественных законов в этой части (прямо скажем, не очень ноосферной) противостояния в системе «Природа — Человек».

Содержательный (физический) подход к синтезу (интеграции) теоретической ноосферологии должен содержать следующие элементы [Кузнецов, 1967; Розенберг, 2013]: *основание теории* (первоначальный эмпирический базис, идеализированный объект, системы фундаментальных понятий, процедуры измерения и правила действия над физическими величинами), *ядро теории* (система законов, принципы симметрии, наличие мировых констант) и *вершина теории* (объяснение совокупности известных эмпирических фактов, предсказания новых явлений); кроме того, «вишенкой на торте» является *общая интерпретация основного содержания теории*, дающая философское истолкование основных понятий и законов теории, ее исходных идей и достигнутых результатов, и пытающаяся осмыслить и наметить границы применимости такой теории. Нетрудно убедиться, что большинство из этих элементов для теоретической ноосферологии находятся в «зачаточном» состоянии либо совсем отсутствуют.

Заключение. Завершая наши «мысли вслух» о двух, сравнительно новых, научных направлениях (экофилософии и ноосферологии), подчеркнем следующее. Один из удивительных парадоксов нашей эпохи — утрата «способности человека и человечества открыть адекватный своему масштабу способ существования на Земле, общую форму жизни в мире живого чуда Природы и Культуры как источников и оснований бытия», и далее — экофилософия «следует за интерпретацией концепции ноосферы В. И. Вернадского, который, как известно, говорил о ноосфере не только как об объективном процессе гармонизации природы и общества, а также как о процессе расширения масштаба влияния человеческой деятельности на планетарные процессы, которая приобретает характер геологической силы Земли» [Баркова, 2017: 149, 153]. В учении В. И. Вернадского о ноосфере наиболее важной является сама его попытка интегрировать (объединить) знание, накопленное в естественных и общественных науках для изучения проблем глобальной деятельности человека, активно перестраивающего окружающую среду.

Еще две цитаты о возможной «изучаемости» ноосферы и синтеза теоретической ноосферологии. «Искусственная замкнутая экосистема — скорее, модель ноосферы, чем биосферы. В ней мы можем начать изучение и разработку алгоритма управляющей функции человека, предназначенной ему на наступающем этапе эволюции биосферы. Участие человека в управлении искусственными замкнутыми экосистемами — это школа его будущего поведения в биосфере Земли» [Гительзон, Лисовский, 1994: 897] и «Ноосфера, сегодня так явственно огибающая планету своими радиоволнами, компьютерными сетями, человеческими коммуникациями и технологиями, вполне измерима с точки зрения циркулирующей в этих носителях информации. Только в количественном плане (*это утверждение представляется слишком сильным. — Авторы*). Но она не поддается измерению с точки зрения качества информации. Здесь и кроется сущность ноосферы, как мира созидания и творчества нового, сферы реализации проектов.

Неподатливое для определения качество и есть причина единства и цельности мира» [Аксенов, 2015: 16—17]. Разгадать этот парадокс ноосферологии, с нашей точки зрения, может помочь теоретическая и методическая составляющие системологии.

Нам представляется, что все, кто занимается проблемами экофилософии ноосферных воззрений, могут смело присоединиться к словам одного из организаторов Римского клуба А. Печчеи (Aurelio Peccei; 1908—1984): «Нашей целью была высадка десанта, призванного пробить брешь в той цитадели самодовольства, где имело глупость окопаться общество» [Печчеи, 1980: 119].

Библиографический список / References

- Аксенов Г. П. О стереотипах и парадоксах ноосферы // Ноосферные исследования. 2015. Вып. 1—2 (9—10). С. 9—38.
(Aksenov G. P. On stereotypes and paradoxes of the noosphere, *Noospheric studies*, 2015, no. 1—2 (9—10), pp. 9—38. — In Russ.)
- Баландин Р. К. Путь исканий (полемические заметки) // Природа. 1988. № 2. С. 94—98.
(Balandin R. K. The path of searching (polemical notes), *Priroda=Nature*, 1988, no. 2, pp. 94—98. — In Russ.)
- Баркова Э. В. Жизнетворческая миссия экофилософии в горизонте тенденций современности // Право и практика. 2017. № 1. С. 148—157.
(Barkova E. V. The life-creating mission of ecophilosophy in the horizon of modern trends, *Law and Practice*, 2017, no. 1, pp. 148—157. — In Russ.)
- Беспалов А. М., Никитина И. В., Прудникова М. М. Философия науки и методология. Бийск: АГППУ им. В. М. Шукшина, 2018. 136 с.
(Bespalov A. M., Nikitina I. V., Prudnikova M. M. *Philosophy of science and methodology [electronic resource]*, Biysk, 2018, 136 p. — In Russ.)
- Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Кн. 2. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1977. 191 с.
(Vernadsky V. I. Reflections of a Naturalist. Book 2: *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*, Moscow, 1977, 191 p. — In Russ.)
- Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Антология экологии. Тольятти: ИЭВБ РАН, 2004. С. 379—392.
(Vernadsky V. I. A Few Words about the Noosphere, in *Anthology of ecology*, Tolyatti, 2004, pp. 379—392. — In Russ.)
- Гительзон И. И., Лисовский Г. М. Экспериментальное моделирование биосферы и ноосферы // Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 10. С. 893—898.
(Gitelzon I. I., Lisovsky G. M. Experimental modeling of the biosphere and noosphere, *Russian Academy of Sciences Bulletin*, 1994, vol. 64, no. 10, pp. 893—898. — In Russ.)
- Горохов С. А. Экофилософия как мировоззренческий каркас и основа развития человеческого общества // Проблемы современного образования. 2020. № 4. С. 20—27.
(Gorokhov S. A. Ecophilosophy as an ideological framework and basis for the development of human society, *Problems of modern education*, 2020, no. 4, pp. 20—27. — In Russ.)
- Данилов-Данильян В. И. Возможна ли «коэволюция природы и общества»? // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 15—25.
(Danilov-Danilyan V. I. Is “coevolution of nature and society” possible?, *Questions of Philosophy*, 1998, no. 8, pp. 15—25. — In Russ.)

- Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы. Часть первая // Ноосферные исследования. 2002. Вып. 1. 154 с.
(Dmitrevskaya I. V., Portnov A. N., Smirnov G. S. Noospheric dynamics of Russia: philosophical and cultural problems (Part one), *Noospheric studies*, 2002, no. 1, 154 p. — In Russ.)
- Еськов В. М. Третья парадигма. Самара: Офорт, 2011. 250 с.
(Eskov V. M. *The third paradigm*, Samara, 2011, 250 p. — In Russ.)
- Еськов В. М., Еськов В. В., Филатов М. А. Философия complexity: гомеостаз и эволюция. Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. 369 с.
(Es'kov V. M., Es'kov V. V., Filatov M. A. *Philosophy of complexity: homeostasis and evolution*, Tula, 2016, 369 p. — In Russ.)
- Еськов В. М., Филатова О. Е. Другой мир, другая наука, другие модели в описании Complexity // Вестник новых медицинских технологий. 2014. Т. 21, № 1. С. 138—141.
(Es'kov V. M., Filatova O. E. *Another world, another science, other models in the description of complexity*, *Bulletin of new medical technologies*, 2014, vol. 21, no. 1, pp. 138—141. — In Russ.)
- Ивахненко А. Г. Непрерывность и дискретность: переборные методы моделирования и кластеризации. Киев: Наукова думка, 1990. 223 с.
(Ivakhnenko A. G. *Continuity and discreteness: enumeration methods of modeling and clustering*, Kyiv, 1990, 223 p. — In Russ.)
- Капица С. П. Общая теория роста человечества. М.: Наука, 1999. 189 с.
(Kapitsa S. P. *General theory of human growth*, Moscow, 1999, 189 p. — In Russ.)
- Кибернетика, ноосфера и проблемы мира. М.: Наука, 1986. 142 с.
(Pekelis V. D. (ed.) *Cybernetics, noosphere and problems of the world*, Moscow, 1986, 142 p. — In Russ.)
- Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3—20.
(Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Synergetics as a new worldview: dialogue with I. Prigogine, *Questions of Philosophy*, 1992, no. 12, pp. 3—20. — In Russ.)
- Кузнецов И. В. Структура физической теории // Вопросы философии. 1967. № 11. С. 86—98.
(Kuznetsov I. V. The structure of physical theory, *Questions of Philosophy*, 1967, no. 11, pp. 86—98. — In Russ.)
- Кулик В. Т. Современная теория организации систем — системология. Киев: [б. и.], 1971. 22 с.
(Kulik V. T. *Modern theory of systems organization — systemology*, Kyiv, 1971, 22 p. — In Russ.)
- Купцов В. И. Детерминизм и вероятность. М.: Политиздат, 1976. 256 с.
(Kuptsov V. I. *Determinism and probability*, Moscow, 1976, 256 p. — In Russ.)
- Лабораторный практикум по математическому моделированию / сост.: Н. В. Белотелов, Ю. И. Бродский, С. Ф. Винокуров и др. М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2009. 80 с.
(Belotelov N. V., Brodsky Yu. I., Vinokurov S. F. et al. (eds.) *Laboratory practical training on mathematical modeling*, Moscow, 2009, 80 p. — In Russ.)

Миркин Б. М., Наумова Л. Г., Соломещ А. И. Современная наука о растительности. М.: Логос, 2001. 264 с.
(Mirkin B. M., Naumova L. G., Solomeshch A. I. *Modern science of vegetation*, Moscow, 2001, 264 p. — In Russ.)

Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молод. гвардия, 1990. 352 с.
(Moiseev N. N. *Man and noosphere*, Moscow, 1990, 352 p. — In Russ.)

Моисеев Н. Н. Козволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза // Экология и жизнь. 1997. № 2-3. С. 3—5.
(Moiseev N. N. Coevolution of nature and society. Paths of noospherogenesis, *Ecology and Life*, 1997, no. 2-3, pp. 3—5. — In Russ.)

Моисеев Н. Н. Еще раз о проблеме коэволюции // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 26—32.
(Moiseev N. N. Once again about the problem of coevolution, *Questions of Philosophy*, 1998, no. 8, pp. 26—32. — In Russ.)

Новик И. Б. О моделировании сложных систем: (Философский очерк). М.: Мысль, 1965. 335 с.
(Novik I. B. *On modeling complex systems: philosophical essay*, Moscow, 1965, 335 p. — In Russ.)

Пенроуз Р. Новый ум короля. М.: Едиториал УРСС, 2003. 339 с.
(Penrose R. *The king's new mind*, Moscow, 2003, 339 p. — In Russ.)

Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 302 с.
(Peccei A. *Human quality*, Moscow, 1980, 302 p. — In Russ.)

Пригожин И. Кость еще не брошена. Послание будущим поколениям // Наука и жизнь. 2002. № 11. С. 4—7.
(Prigogine I. The die is not cast, *Futures. Bulletin of the World Futures Studies Federation*, 2000, vol. 25, no. 4, pp. 17—19.)

Розенберг Г. С. К философии теоретической экологии (общая интерпретация основного содержания теории) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12, № 1/9. С. 2317—2323.
(Rosenberg G. S. Towards the philosophy of theoretical ecology (general interpretation of the main content of the theory), *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2010, vol. 12, no. 1/9, pp. 2317—2323. — In Russ.)

Розенберг Г. С. Введение в теоретическую экологию: в 2 т.; 2-е изд., испр. и доп. Тольятти: Кассандра, 2013. Т. 1. 565 с.; Т. 2. 445 с.
(Rosenberg G. S. *Introduction to theoretical ecology*: in 2 vols, Tolyatti, 2013, vol. 1, 565 p.; vol. 2, 445 p. — In Russ.)

Розенберг Г. С. Экофилософия и экоэкономика: кто кого? // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16, № 1 (7). С. 1820—1827.
(Rosenberg G. S. *Ecophilosophy and ecoeconomics: who will win?*, *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2014, vol. 16, no. 1 (7), pp. 1820—1827. — In Russ.)

Розенберг Г. С. Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М.: Проспект, 2018. 512 с. [Рецензия на книгу] // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 215—219.
(Rosenberg G. S. Chumakov A. N. *Global world: clash of interests*. Moscow: Prospect, 2018. 512 p. [Book Review], *Questions of Philosophy*, 2018, no. 9, pp. 215—219. — In Russ.)

- Розенберг Г. С. Комментарий переводчика статьи Уоррена Уивера // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2019. Т. 28, № 1. С. 178—184.
(Rosenberg G. S. Commentary by the translator of Warren Weaver's article, *Samara Luka: problems of regional and global ecology*, 2019, vol. 28, no. 1, pp. 178—184. — In Russ.)
- Розенберг Г. С. Системный подход в глобалистике на примере современных социо-эколого-экономических систем // Век глобализации. 2022. № 4 (44). С. 28—48.
(Rosenberg G. S. Systems approach in globalistics on the example of modern socio-ecological-economic systems, *Century of Globalization*, 2022, no. 4 (44), pp. 28—48. — In Russ.)
- Розенберг Г. С., Краснощечков Г. П., Крылов Ю. М., Павловский В. А., Писарев А. С., Черникова С. А. Устойчивое развитие: мифы и реальность. Тольятти: ИЭВБ РАН, 1998. 191 с.
(Rosenberg G. S., Krasnoshchekov G. P., Krylov Yu. M., Pavlovsky V. A., Pisarev A. S., Chernikova S. A. *Sustainable development: myths and reality*, Tolyatti, 1998, 191 p. — In Russ.)
- Розенберг Г. С., Филатова О. Е. Три парадигмы изучения мира (взгляд экологов) // Принципы экологии. 2022. Т. 12, № 2 (44). С. 4—14.
(Rosenberg G. S., Filatova O. E. Three paradigms of studying the world (the view of ecologists), *Principles of Ecology*, 2022, vol. 12, no. 2 (44), pp. 4—14. — In Russ.)
- Сагофф М. Взлет и падение экологической экономики (сокращенный перевод) // Инженерная защита. 2014. № 03 [03]. С. 4—14.
(Sagoff M. The Rise and Fall of Ecological Economics (abridged translation), *Engineering Defense*, 2014, no. 03 (03), pp. 4—14. — In Russ.)
- Смирнов Г. С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. 504 с.
(Smirnov G. S. *Formation of the noosphere: philosophical and methodological problems of the evolution of consciousness*, Ivanovo, 2015, 504 p. — In Russ.)
- Уёмов А. И. Методы, приемы и способы исследования. Гл. IX // Основы марксистско-ленинской философии: учебник. М.: Политиздат, 1971. С. 205—216.
(Uyomov A. I. Methods, techniques and methods of research. Ch. IX, in *Fundamentals of Marxist-Leninist philosophy*, Moscow, 1971, pp. 205—216. — In Russ.)
- Флейшман Б. С. Элементы теории потенциальной эффективности сложных систем. М.: Сов. радио, 1971. 225 с.
(Fleishman B. S. *Elements of the theory of potential efficiency of complex systems*, Moscow, 1971, 225 p. — In Russ.)
- Флейшман Б. С. Основы системологии. М.: Радио и связь, 1982. 199 с.
(Fleishman B. S. *Fundamentals of systemology*, Moscow, 1982, 199 p. — In Russ.)
- Форрестер Дж. Мировая динамика. М.: Наука, 1978. 168 с.
(Forrester J. *World dynamics*, Moscow, 1978, 168 p. — In Russ.)
- Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М.: Проспект, 2018. 512 с.
(Chumakov A. N. *Global world: clash of interests*, Moscow, 2018, 512 p. — In Russ.)
- Rosenblueth A., Wiener N. The role of models in science, *Philosophy of Science*, 1945, vol. 12, no. 4, pp. 316—321.
- Sagoff M. The rise and fall of ecological economics, *The Breakthrough Journal*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 1—20.

von Hayek F. The pretence of knowledge. Prize Lecture. Lecture to the memory of Alfred Nobel, December 11, 1974. (Вопросы философии. 2003. № 1. С. 164—167).

Weaver W. Science and complexity, in *American Scientist*, 1948, vol. 36, pp. 536—544.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Розенберг Анастасия Геннадьевна — кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории исследования экосистем Института экологии Волжского бассейна РАН, филиал Самарского федерального исследовательского центра РАН, г. Тольятти, Россия, chicadivina@yandex.ru

Rosenberg Anastasia Gennadyevna — Candidate of Sciences (Biology), Researcher at the Laboratory of Ecosystem Research at the Institute of Ecology of the Volga Basin of the RAS, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Samara Branch), Tolyatti, Russian Federation, chicadivina@yandex.ru

Кудинова Галина Эдуардовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории исследования экосистем Института экологии Волжского бассейна РАН, филиал Самарского федерального исследовательского центра РАН, г. Тольятти, Россия, gkudinova@yandex.ru

Kudinova Galina Eduardovna — Candidate of Sciences (Economy), Senior Researcher at the Laboratory of Ecosystem Research at the Institute of Ecology of the Volga Basin of the RAS, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Samara Branch), Tolyatti, Russian Federation, gkudinova@yandex.ru

Розенберг Геннадий Самуилович — доктор биологических наук, чл.-корр. РАН, главный научный сотрудник лаборатории исследования экосистем Института экологии Волжского бассейна РАН, филиал Самарского федерального исследовательского центра РАН, г. Тольятти, Россия, genarozenberg@yandex.ru

Rosenberg Gennady Samuilovich — Doctor of Sciences (Biology), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Laboratory of Ecosystem Research at the Institute of Ecology of the Volga Basin of the RAS, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Samara Branch), Russian Federation, genarozenberg@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

Научная статья

УДК 81'27

DOI: 10.46724/NOOS.2024.4.50-61

Б. М. Кондорский

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. В основе статьи — авторская концепция социумов, возникших в результате архаических революций первой половины I тыс. до н. э. — социума ранней древности и социума поздней древности. Зафиксировано, что каждому этапу исторического развития соответствует определенный тип сознания и социального пространства. Рассматривая связь с социальным пространством, автор исходит из наличия у языка двух составляющих — языка-системы и языка-речи. Язык-речь в форме языковой деятельности является органической частью социального пространства, и его структура определяется характером типа исторического сознания. Специфика подобного рода зависимости рассмотрена в период древности на примере Египта, Греции и Рима, а также на примере Западной Европы в феодальный период.

Ключевые слова: язык-система, язык-речь, речевая деятельность, языковое сознание, социальное пространство.

Ссылка для цитирования: Кондорский Б. М. Социально-исторические основы развития языкового сознания // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 50—61.

Original article

B. M. Kondorsky

SOCIO-HISTORICAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Abstract. The article is based on the author's concept of societies that emerged as a result of archaic revolutions of the first half of the 1st millennium BC — the society of early antiquity and the society of late antiquity. It is established that each stage of historical development corresponds to a certain type of consciousness and social space. Considering the connection with social space, the author proceeds from the presence of two components in language — the language-system and the language-speech. Language-speech in the form of linguistic activity is an organic part of social space and its structure is determined by the nature of the type of historical consciousness. The specifics of this kind of dependence are considered in the period of antiquity using the example of Egypt, Greece and Rome, as well as using the example of Western Europe in the feudal period.

Keywords: nation, ethnicity, people, world-system, noosphere, empire, process of historical development.

Citation Link: Kondorsky B. M. (2024) Socio-historical foundations of the development of linguistic consciousness, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 50—61.

Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. Революции, в первую очередь, происходили в «голове». Один тип исторического сознания сменялся другим. На смену старому архетипу социальной организации приходил принципиально новый. Именно революции формировали потенциал последующего развития. В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее, эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени [Кондорский, 2020: 566].

Архаические революции, которые имели место в первой половине I тыс. до н. э., разделили историю на два периода, два этапа — раннюю и позднюю древность и соответствующие им социумы — социум ранней древности (СРД) и социум поздней древности (СПД). К СРД, имеющему неолитический архетип, в первую очередь следует отнести египетскую, месопотамскую, индскую цивилизации. Отсутствие в СРД личности как источника воли способствовало формированию системы, в рамках которой источником воли являлись божества. В Египте конкретным источником считался фараон, выступавший здесь не столько в качестве божества, сколько в качестве медиатора, транслятора божественной воли [Кондорский, 2013: 18].

Основу социума составляет социальное пространство, формируемое посредством общения. На каждом этапе исторического развития социальное пространство имело свою специфику. В СРД оно находилось в синкретическом единстве с хозяйственной сферой. Государство воспринималось как большая семья. Правитель заботился о народе как детях, народ любил правителя как отца. Каждое хозяйство, каждый ном так же, как и весь Египет, воспринимались как Дом. У египтян не было понятия государства, было понятие Дом [Перепелкин, 2000: 94—95].

Все царские подданные, начиная с вельмож и заканчивая земледельцами, воспринимались как тело (*hmnw*) фараона (причем в буквальном смысле этого слова). Любой вид принадлежности — недвижимого имущества, скота, слуг, зависимых родственников обозначался как *dt* (от плоти) [Перепелкин, 1988: 32—33], т. е. считался частью тела (опять же в буквальном смысле этого слова).

Царь выступал как податель благ на земле [Берлев, 1978: 39]. Все, что ни делалось в государстве во всех сферах деятельности, сводилось к особе фараона [Перепелкин, 2000: 147]. Вместо производства на основе определенных экономических законов имел место процесс творения вещественных благ фараоном с помощью божественной Силы. При этом совершение ритуала (как благо) и «творение» вещей (как благо) воспринимались как явления одного порядка. Совершение ритуала жрецами принципиально не отличалось от реальной производственной деятельности. В свою очередь, производство носило ритуальный, сакральный характер.

Социальное пространство носит функциональный характер и должно быть заполнено определенными видами деятельности [Чернявская, 2008: 330], включая речевую. В Египте так же, как и других СРД, основу социального пространства составляли «города» как ритуальные центры. В этот период не было города как такового. Любые поселения любого размера и назначения называлось одним и тем же словом. Регулярные ритуальные службы в храмах поддерживали сакральную составляющую социального пространства, формировали своеобразное сакральное «поле». В СРД поддержание социального пространства носило

циклический характер в виде регулярно проводившихся празднеств и ритуалов, основным из которых был праздник Нового года. Здесь мы имеем дело с идеей периодического восстановления мирового порядка [Элиаде, 1998: 93].

Как мы видим, мировосприятие египтян кардинально отличалось от такового у современного человека. Различия должны были касаться и языка. «Сама структура архаического языка отражает архаичность мышления, а в языке архаического человека могут отражаться категории, представляющиеся нам неважными, а зато не отражаются многие категории, без которых в наше время мы не можем составить высказывания, например, нет категории времени и т. п.» [Дьяконов, 1990: 22].

Рассматривая связь языка с социальным пространством, мы исходим из наличия у языка двух составляющих, каждая из которых имеет свои закономерности, — языка-системы (*langue*) и языка-речи (*parole*). Характер языка-речи зависит (определяется) типом исторического сознания. В свою очередь, речевая деятельность (*langage*) является органическим элементом социального пространства, по существу его основой.

Здесь язык-речь нужно понимать в самом широком смысле. В первобытный период такие явления, как ритуал, празднество, игра, судебный процесс, война, торговля принадлежали к явлениям одного порядка и изначально находились в синкретическом единстве. Все они базировались на тех же принципах, что и язык-речь в узком смысле этого слова, т. е. можно было говорить о языке ритуала, празднества, игры и даже войны. Война в древности носила ритуальный характер [Элиаде, 1987: 51]. В свою очередь, все вышеперечисленные явления и институты имели архетип игры [Хейзинга, 1997]. Таким образом, мы имеем категорию «деятельности» и ее архетип, общий для всех видов деятельности, включая речевую.

Для того чтобы понять специфику древнеегипетского языка, интересным представляется сравнение одного и того же высказывания. Египетская версия: «Человек убил кролика» выглядела бы так: «Давание человеческое (= совершаемое человеком) зайца на бок». Для древних египтян «убить» означало «положить на бок» [Чегодаев, 2001: 38].

В свою очередь, первобытный человек выразился бы еще оригинальней: «Человек, он, один, стоя, нарочно убил, пустив стрелу, кролика, его, живого, сидящего» [Леви-Брюль, 1994: 115]. Мышление первобытного человека отражало окружающую действительность в дейктической речи, позволявшей ему воспринимать мир в конкретной ситуации [Селицкая, 1998: 28]. Все дейктическое поле речи воспринималось как участки пространства, соотнесенные с местом, где располагался субъект речи. Дейктические слова были словами пространственной ориентации [там же: 214].

Как уже говорилось выше, в СРД не было понятия личности в понимании, близком к современному. Мышление древнего египтянина не было способно абстрагировать все возможные проявления и качества одного человека до понятия «личность». В речи того времени человек выступал не как обладатель предмета, его хозяин, а только как определение, некое уточнение к предметам и явлениям окружающего мира. Человек являлся только характеристикой предмета. Как только он передавал свою вещь другому, он переставал быть даже ее определением [Чегодаев, 2001: 40]. Здесь нужно иметь в виду, что в СРД человек слабо различал субъект и объект, слово и вещь.

В классический среднеегипетский период большинство египетских слов внешне не отличались от корней. Соответственно, части речи различались по лексическому, а не по грамматическому аспекту слов. Отсутствовало четкое различие между прилагательным и глаголом. У глагола отсутствовала категория времени. Все это говорит о достаточно примитивном состоянии языка [Коростовцев, 1963: 115, 120, 122].

При переходе от Среднего царства к Новому произошли качественные изменения в сознании египтян. Восприятие многих социальных категорий стало более близким к современному. Все это сказалось на характере языка. Если в среднеегипетском языке преобладали элементы синтеза, то в новоегипетском — анализа [там же: 223; Тураев, 2000: 25].

Для понимания структуры египетского мышления и построения его картины мира следует рассмотреть использование в египетском языке предлогов (до 400), которые играли исключительно важную роль в превращении набора слов в законченные синтагмы [Чегодаев, 2001: 41]. Все многочисленные египетские предлоги описывали пространственные отношения, даже когда речь шла об отношениях во времени [Петровский, 1970: 130].

«Быть в качестве» кого-то или чего-то воспринималось как пребывание в этом ком-то или чем-то. Как можно находиться внутри какого-то помещения, так можно пребывать внутри (функции) писца, номарха, отца, сына — даже «меня», «тебя» и т. д.? Человек, занимающий какую-то должность или выполнявший какую-то «функцию», пребывал в ней, словно в некоем помещении, заполняя ее, как жидкость заполняет сосуд [Чегодаев, 2001: 43].

В СПД революционные изменения в сознании, в первую очередь, были связаны с принципиальными изменениями отношений с богами. Если в СРД социальное объединение, находящееся под покровительством богов, получало от них управленческую Силу через своего правителя, то в СПД источником Силы является уже сам народ, заключающий договор с богами, на основании которого получает от них Силу в «постоянное пользование». В свою очередь, народ обязуется чтить богов, регулярно проводить в их честь жертвоприношения и использовать полученную Силу во благо народа [Кондорский, 2013: 20].

Во всех основных СПД формирование нового Мира было связано с приходом пастушеских племен в определенные регионы — дорических на Пелопоннес с севера Балкан, иранских племен в Переднюю Азию и арийских в Северную Индию с Причерноморья. Рим был основан пастухами. Чжоуские племена в Китае также вели аналогичный образ жизни.

На территории Греции сначала появились ахейские племена, которые создали микенскую цивилизацию, существовавшую с XVI по XI век до н. э. В основе управления государств здесь лежала организация хозяйственной деятельности. Появление письменности (линейное письмо Б) было связано, в первую очередь, с потребностями хозяйственного учета (так же, как и в Египте). Царь выступал в качестве верховного организатора производства [История Европы, 1988: 144], т. е. данную цивилизацию так же, как и другие государственные объединения бронзового века, следует отнести к СРД. Микенские государства погибли вследствие внутренних причин. Дорийские племена появились только через сто лет после этого [Андреев, 2004: 60]. Выражаясь биологическим языком, данные образования следует отнести к инадаптивным ветвям, которые не имели потенциала дальнейшего развития. Так же, как язык и письменность того времени.

Процессы социального развития, предшествующие появлению классической Греции, начинались как бы «с чистого листа». После так называемых «темных веков», в X—IX веках в различных районах греческого мира сложился некий общий стереотип художественного мышления, объединивший всех греков в рамках единой культурной общности и сформировавший единую греческую народность с единым психологическим складом [Андреев, 2003: 85]. Начинается строительство нового Мира, который принципиально отличается от микенского. Еще в XI веке происходит решительный разрыв с традициями микенской эпохи [Андреев, 2004: 69].

В VIII—VI веках до н. э. в процессе архаической революции происходит исторический переворот, который коснулся абсолютно всех сфер человеческой деятельности [Фролов, 1988: 92—100]. Это изменения в технологиях, связанные с принципиально новыми методами обработки железа, производства керамических изделий, строительства общественных зданий. Это развитие новых видов деятельности — торговли, мореплавания, судостроения, что практически полностью отсутствовало в доархаический (гомеровский) период.

Естественно, это коснулось и языка-речи. Произошли существенные изменения и в его мифологической составляющей. Если в СРД боги «жили» в храмах [Ермолин, 2002: 35], то здесь они «удаляются» на Олимп. В соответствии с новой структурой социальной деятельности происходят изменения в функциях богов. Если раньше, например, Посейдон был олицетворением плодородной земли, пропитанной влагой, то впоследствии он становится главным морским богом [Мифы народов мира, 1992: 23].

После архаической революции формируются социальные структуры полисного типа (мир-полис). Здесь полис выступает как форма социальной и политической организации античного общества. Для Аристотеля полис представлял собой наивысшую форму всех возможных типов человеческих сообществ, целью которого является благо, т. е. создание условий для нормального существования полита [Кошеленко, 1979: 6]. Именно относительно небольшие размеры полиса позволяли достаточно эффективно поддерживать его социальное пространство.

Появляется личность, соответствующая специфике данного этапа исторического развития. В предшествующий гомеровский период так же, как и в Египте и других цивилизациях ранней древности, источником воли были божества, которые во всем «вели» человека [Ярхо, 1963].

В СПД происходит отделение хозяйственной сферы, которая свертывается в Греции и Риме до уровня ойко́са и фами́лии. В античный период мы имеем, помимо хозяйственно-социальной сферы (в рамках семьи), социально-политический уровень гражданской деятельности. Соответственно, два уровня речевой деятельности, которые, в первую очередь, различались характером последствий этой деятельности. В Греции и Риме морально-этическая и политическая сферы находились еще в синкретическом единстве. Только в Новое время происходит их разделение, когда политик руководствуется в своей деятельности только законами политической системы. В Риме политика еще оценивали по его моральным качествам.

В Афинах политико-речевая (в широком смысле этого слова) деятельность элиты находилась под жестким контролем гражданской общины в рамках системы, похожей на тоталитарные режимы XX века. Достижения того или иного

должностного лица практически не принимались во внимание при наказании за допущенные ошибки. При остракизме человека обычно наказывали не за его преступления против государства, а за его положение, авторитет, влияние — опасное для народа (по его мнению) [Зберовский, 2008].

Суд по политическим делам велся не на основе законов, а по велению гражданской совести, «демократической» целесообразности. Общественный резонанс, который создавался при этом, был заведомо губителен для обвиняемого. Часто репрессиям подвергались друзья обвиняемого, родственники и даже дети [Суриков, 1999: 37]. Сюда следует добавить шпиономанию в форме лаконофильства и мидизма, а также гипертрофированное доносительство (сикофанство) [Кудрявцева, 2008]. Здесь нужно иметь в виду, что если в тоталитарных режимах единственным источником политической воли был вождь, то в Афинах (так же, как и других СПД) — народ (гражданская община). В XX веке вождь воспринимался как олицетворение народа (нации).

Социумы нового типа, появившиеся после революций в рамках определенного этапа исторического развития, проходили три основных периода развития — архаический, классический и инерционный. В неолитический период инерционной фазе соответствовал бронзовый век. Античные полисы в своем развитии также проходили вышеуказанные стадии. Это же касается и языка. То есть можно говорить о соответствующих стадиях развития как греческого, так и латинского языков.

Если в СРД источником языка были боги [Коростовцев, 1962: 18], то в СПД язык находился во владении народа, являлся его органической собственностью. В III—II веках до н. э. — периоде глубоких сдвигов в области хозяйства и социальных отношений, параллельно с переходом римского социума в классический период то же самое происходит и с латинским языком [Тронский, 1953: 181].

Формально каждый полисный народ имел свой язык. Наличие на относительно небольшой территории острова Крит более десяти полисов предопределило существенные расхождения в говорах различных местностей [Мейе, 2004: 45]. По мере усиления интеграционных процессов в классический период в культурной, торговой, политической сферах по всей Греции распространяется единый язык, в основе которого лежала речь Аттики [Тронский, 1973: 14].

Все объекты культуры, которые появляются в античных полисах в классический период: храмы, театры, агоры, гимнасии, даже общественные бани, являлись местом общения, служили средством поддержания социального пространства, его организации. В этот период полис можно рассматривать как целостный «живой организм», функционирующий на основе единого языка-речи, включающего сферы культуры, торговли, земледелия, политики и имеющего структуру естественного, органического «текста». В этом случае можно говорить о пространстве полиса как потенциальном тексте, его вместилище. Вместе с тем реализованное (актуализированное через вещи) пространство в этой концепции должно пониматься как сам текст [Топоров, 1983: 280].

Однако накапливающиеся противоречия, кризисные явления, процессы отчуждения в конце V начале IV веков в Греции приводят к тому, что от полиса остается одна лишь «оболочка». Именно в этот период вышеуказанные сферы превращаются во вторичные моделирующие системы по терминологии Ю. Лотмана [Лотман, 1970: 16]. Все уже носит не «живой», а модельный характер. По существу, модельный характер принимает и сама гражданская община.

Процессы отчуждения, характерные для всех компонентов социального пространства в инерционный период, коснулись и стандартизированного литературного языка. В Риме произошел его разрыв с разговорной речью империи, что привело к «омертвлению» латинского литературного языка и его непониманию народом [Шишмарев, 1972: 22].

Выше уже говорилось о миграциях дорических, иранских, арийских племен. При этом миграции носили характер «просачивания» и продолжались в течение длительного времени. В частности, до сих пор исследователи не могут найти внятных следов миграции дорических греков с Северных Балкан на Пелопоннес [Андреев, 2004: 76]. Если же взять такую языковую суперсемью, как сино-кавказская, то география миграций ее носителей простирается от Атлантического (баскские языки) до Тихого океана (сино-тибетские языки) и даже до Северной Америки (языки на-дене). Подобного рода миграции характерны и для ностратической суперсемьи.

Все это происходило на просторах Евразийской ойкумены, основу которой составляли потоки информации технологических новшеств, появившихся в ее центре (Передней Азии) [Кондорский, 2017: 22—23]. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что языковая эволюция (на уровне языка-системы) происходила в процессе миграций подобного рода. Любое стационарное существование человеческих сообществ консервировало этот процесс. Соответственно, географическая изоляция замедляла как социальное, так и языковое развитие. В качестве примера можно привести Австралию, Тропическую Африку, доколумбовую Америку.

После феодальных революций происходит очередное разделение социального пространства. В античный период в Греции и Риме политическое не было самостоятельной сферой. В это время государственные дела решались во многом на основе законов этики и морали посредством личных связей (дружеских, родственных). Если в Риме один и тот же человек как член фамилии был носителем хозяйственно-бытового языка, а как гражданин — субъектом публичного языка, то при феодализме происходит четкое разделение на простой народ и феодальную военно-политическую элиту.

Язык может развиваться только в рамках своего народа. Несмотря на то что на тюркский язык перешло много народов самого различного расового происхождения, тюркские наречия, известные с XII века, до сих пор сохраняют свои существенные черты и незначительно изменились [Мейе 2004: 36].

Формирование и развитие языков в Западной Европе в феодальный период происходило на варварской основе (базисе). «Сопоставление латинской социальной терминологии в источниках раннего средневековья с терминологией народных языков в англосаксонских и скандинавских памятниках той же эпохи обнаруживает бедность, неконкретность и застылость первой по сравнению с богатством, гибкостью и отзывчивостью к оттенкам второй» [Гуревич, 1973: 74].

На новом этапе исторического развития язык во многом был уже связан с политической сферой и определялся спецификой ее изменения. Характерной особенностью существования языков феодальной эпохи являлся тип поместно-территориальных говоров, замкнутых в границах средневекового поместья-государства. Французские, английские, итальянские литературные памятники XI—XIII веков носили в основном диалектологический характер. Отсутствовала тенденция к надтерриториальному объединению [Жирмунский, 1936: 32—33].

Тенденции формирования нации, национального государства, проявляющиеся в Новое время, затрагивают и характер развития языков. «Литературные» языки феодального периода принимают национальную окраску [Гухман, 1955: 10, 23]. Формирование единого литературного национального языка в этот период направлено на ликвидацию диалектной раздробленности, подчинение единым нормам. Литературный язык распространялся из господствующего слоя населения той территории, которая играла господствующую роль в политическом отношении (обычно столичных регионов) [Бах, 1956: 18].

Во Франции в 1635 году Ришелье была основана Французская академия, которая сыграла большую роль в формировании национального языка. Отбрасывались архаизмы, провинциализмы, вульгаризмы. С другой стороны, свое влияние оказывал классовый, дворянский фактор. Поэзия французского классицизма XVII века допускала только «высокий стиль». В области языка это означало отбор условно-поэтических слов и изгнание точных и прозаических обозначений предметов окружающей действительности [Жирмунский, 1936: 13—14].

В зависимости от характера политической судьбы формирующихся национальных государств в Западной Европе наблюдались два основных типа развития национального языка. С одной стороны, Англия и Франция, а с другой — Германия и Италия, где вследствие политической раздробленности имела место значительная раздробленность в разговорном языке, которая не исчезла даже после национального объединения [Жирмунский, 1936: 55].

Диалекты (в узком смысле этого слова) следует рассматривать на уровне языка-речи. Ни о каких процессах развития (именно развития, а не изменения) здесь не может быть и речи. В XIII веке в Германии в основных диалектах имели место самостоятельные фонетические процессы [Гухман, 1955: 158]. Все это говорит о том, что в данном случае мы имеем не диалекты, а отдельные языки, по крайней мере, для рассматриваемого периода.

Впоследствии современный немецкий язык формировался не на основе, а на отрицании этих языков. Процесс перехода от одного этапа развития к другому происходит на основе отрицания всего предыдущего. Чем глубже этот процесс, тем более высокий потенциал последующего развития мы имеем.

Доминирующая схема эволюции языков: язык — диалекты — язык — диалекты и т. д. носит примитивный характер и не отражает реалий. Автором была предпринята попытка на основе закономерностей биологической и социальной эволюций осмыслить этот многогранный процесс [Кондорский, 2021]. Здесь язык выступает в качестве архетипа, праформы и имеет только системную составляющую.

В наше время общество представляет собой совокупность автономных (в идеале) личностей. Каждый человек как личность имеет свой внутренний мир-сознание, свой язык как объект собственности, свое социальное пространство. Внешнюю речь следует рассматривать как проявление внутренней речи, связанной с процессами ориентации человека в своем внутреннем социальном пространстве.

Библиографический список / Reference

- Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. 448 с.
(Andreev Yu. V. *Early Greek polis (Homeric period)*, St. Petersburg, 2003, 448 p. — In Russ.)
- Андреев Ю. В. Гомеровское общество. СПб.: Нестор-История, 2004. 496 с.
(Andreev Yu. V. *Homeric society*, St. Petersburg, 2004, 496 p. — In Russ.)
- Бах А. История немецкого языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 343 с.
(Bach A. *History of the German language*, Moscow, 1956, 343 p. — In Russ.)
- Берлев О. Д. Общественные отношения Египта в эпоху Среднего царства. М.: Наука, 1978. 364 с.
(Berlev O. D. *Social relations of Egypt during the Middle Kingdom*, Moscow, 1978, 364 p. — In Russ.)
- Гуревич А. Я. Язык исторического источника и социальная действительность: билингвизм в средневековой Европе // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту: ТартГУ, 1973. С. 73—75.
(Gurevich A. Ya. Language of the historical source and social reality: bilingualism in medieval Europe, in *Collection of articles on secondary modeling systems*, Tartu, 1973, pp. 73—75. — In Russ.)
- Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 163 с.
(Gukhman M. M. *From the language of the German people to the German national language*, Moscow, 1955, 163 p. — In Russ.)
- Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990. 247 с.
(Dyakonov I. M. *Archaic myths of the East and West*, Moscow, 1990, 247 p. — In Russ.)
- Ермолин Е. А. Миф и культура. Ярославль: Александр Рутман, 2002. 122 с.
(Ermolin E. A. *Myth and culture*, Yaroslavl, 2002, 122 p. — In Russ.)
- Жирмунский В. Национальный язык и социальные диалекты. Л.: Художественная литература, 1936. 297 с.
(Zhirmunsky V. *National language and social dialects*, Leningrad, 1936, 297 p. — In Russ.)
- Зберовский А. В. Становление демократической политической культуры в Элладе VIII—V веков до н. э.: Политическая мысль и политический человек доплатоновского периода. Красноярск: Изд-во Красноярск. ГАУ, 2008. 310 с.
(Zberovsky A. V. *Formation of democratic political culture in Hellas in the 8th-5th centuries BC: Political thought and political man of the pre-Platonic period*, Krasnoyarsk, 2008, 310 p. — In Russ.)
- История Европы. Т. 1. М.: Наука, 1988. 704 с.
(History of Europe, vol. 1, Moscow, 1988, 704 p. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае. Т. XLIII, ч. 2. М.: ИВ РАН, 2013. С. 16—28.
(Kondorsky B. M. Archaic revolution in ancient China (an attempt at comparative historical analysis), in *Society and state in China*, vol. XLIII, part 2, Moscow, 2013, pp. 16—28. — In Russ.)

- Кондорский Б. М. Историческое развитие китайской ойкумены в древности // Общество и государство в Китае. Т. XLVII, ч. 1. М.: ИВ РАН, 2017. С. 20—35.
(Kondorsky B. M. Historical development of the Chinese oikumene in antiquity, in *Society and state in China*, vol. XLVII, part 1, Moscow, 2017, pp. 20—35. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Революционная концепция процесса исторического развития // Глобалистика 2020: Глобальные проблемы и будущее человечества: сборник материалов VI Международного научного конгресса. М.: МГУ ФГП, 2020. С. 566—571.
(Kondorsky B. M. Revolutionary concept of the process of historical development, in P'in I. V. (ed.) *Globalistics 2020: Global problems and the future of humanity*, Moscow, 2020, pp. 566—571. — In Russ.)
- Кондорский Б. М. Сравнительные основы биологической, социальной и языковой эволюции // Эволюция: О трендах универсальной эволюции. Волгоград: Учитель, 2021. С. 101—138.
(Kondorsky B. M. Comparative foundations of biological, social and linguistic evolution, in *Evolution: On the trends of universal evolution*, Volgograd, 2021, pp. 101—138. — In Russ.)
- Коростовцев М. А. Писцы древнего Египта. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 174 с.
(Korostovtsev M. A. Scribes of Ancient Egypt, Moscow, 1962, 174 p. — In Russ.)
- Коростовцев М. А. Введение в египетскую филологию. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 167 с.
(Korostovtsev M. A. *Introduction to Egyptian philology*, Moscow, 1963, 167 p. — In Russ.)
- Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979. 296 с.
(Koshelenko G. A. *Greek polis in the Hellenistic East*, Moscow, 1979, 296 p. — In Russ.)
- Кудрявцева Т. В. Народный суд в демократических Афинах. СПб.: Алетейя, 2008. 464 с.
(Kudryavtseva T. V. *People's court in democratic Athens*, St. Petersburg, 2008, 464 p. — In Russ.)
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
(Levy-Bruhl L. *The supernatural in primitive thinking*, Moscow, 1994, 608 p. — In Russ.)
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
(Lotman Yu. M. *The structure of the artistic text*, Moscow, 1970, 384 p. — In Russ.)
- Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: УРСС, 2004. 104 с.
(Meje A. *Comparative method in historical linguistics*, Moscow, 2004, 104 p. — In Russ.)
- Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2 / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская Энциклопедия, 1992. 720 с.
(Tokarev S. A. (ed.) *Myths of the peoples of the world*, Encyclopedia, vol. 2, Moscow, 1992, 720 p. — In Russ.)
- Перепелкин Ю. М. Хозяйство староегипетских вельмож. М.: Наука, 1988. 302 с.
(Perpelkin Yu. M. *Economy of the old-Egyptian nobles*, Moscow, 1988, 302 p. — In Russ.)
- Перепелкин Ю. М. История Древнего Египта. СПб.: Летний сад, 2000. 560 с.
(Perpelkin Yu. M. *History of Ancient Egypt*, St. Petersburg, 2000, 560 p. — In Russ.)
- Петровский Н. С. Сочетание слов в египетском языке. М.: Наука, 1970. 315 с.
(Petrovsky N. S. *Combination of words in the Egyptian language*, Moscow, 1970, 315 p. — In Russ.)

- Селицкая И. А. Теория познания: мышление и речь первобытного человека. СПб.: Ювента, 1998. 242 с.
(Selitskaya I. A. *Theory of knowledge: thinking and speech of primitive man*, St. Petersburg, 1998, 242 p. — In Russ.)
- Суриков И. Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. 1999. № 2. С. 34—42.
(Surikov I. E. On some features of the legal consciousness of the Athenians of the classical era, *Ancient Law*, 1999, no. 2, pp. 34—42. — In Russ.)
- Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227—284.
(Toporov V. N. Space and text, in *Text: semantics and structure*, Moscow, 1983, pp. 227—284. — In Russ.)
- Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 272 с.
(Tronsky I. M. *Essays on the history of the Latin language*, Moscow-Leningrad, 1953. 272 p. — In Russ.)
- Тронский И. М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л.: Наука, 1973. 207 с.
(Tronsky I. M. *Questions of language development in ancient society*, Leningrad, 1973, 207 p. — In Russ.)
- Тураев Б. А. Египетская литература. СПб.: Летний сад, 2000. 336 с.
(Turaev B. A. *Egyptian literature*, St. Petersburg, 2000, 336 p. — In Russ.)
- Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 232 с.
(Frolov E. D. *The birth of the Greek polis*, Leningrad, 1988, 232 p. — In Russ.)
- Хейзинга Й. *Homo Ludens*: статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
(Huizinga J. *Homo Ludens: articles on the history of culture*, Moscow, 1997, 416 p. — In Russ.)
- Чегодаев М. Древний Египет: язык и культура // Древний Восток: общность и своеобразие культурных традиций. М.: ИВ РАН, 2001. С. 33—51.
(Chegodaev M. Ancient Egypt: Language and Culture, in *Ancient East: commonality and uniqueness of cultural traditions*, Moscow, 2001, pp. 33—51. — In Russ.)
- Чернявская О. С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социология. Психология. Философия. 2008. № 5. С. 329—335.
(Chernyavskaya O. S. Social space: a review of theoretical interpretations, *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Series: Sociology. Psychology. Philosophy*, 2008, no. 5, pp. 329—335. — In Russ.)
- Шишмарев В. Ф. Избранные статьи: История итальянской литературы. Л.: Наука, 1972. 363 с.
(Shishmarev V. F. *Selected articles: History of Italian literature*, Leningrad, 1972, 363 p. — In Russ.)
- Элиаде М. Космос и история: Избранные работы. М.: Прогресс, 1987. 312 с.
(Eliade M. *Space and history: selected works*, Moscow, 1987, 312 p. — In Russ.)
- Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетейя, 1998. 258 с.

(Eliade M. *The myth of eternal return*, St. Petersburg, 1998, 258 p. — In Russ.)

Ярхо В. Н. Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека // Вестник древней истории. 1963. № 2. С. 46—64.

(Yarkho V. N. The problem of responsibility and the inner world of Homeric man, *Bulletin of Ancient History*, 1963, no. 2, pp. 46—64. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 02.09.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Кондорский Борис Михайлович — кандидат биологических наук, независимый исследователь, г. Донецк, Донецкая Народная Республика, bmkbbox@mail.ru

Kondorsky Boris Mikhailovich — Candidate of Sciences (Biology), independent researcher, Donetsk, Donetsk People's Republic, bmkbbox@mail.ru

НООСФЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46724/NOOS.2024.4.62-71

С. С. Мишук

ЭВОЛЮЦИЯ НООСФЕРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается учение В. И. Вернадского о ноосфере как методологическое основание анализа процессов развития информационного общества. Показано, что категория «ноосфера» имеет принципиальное значение для понимания современного этапа развития человеческой цивилизации. Формируется единая общецивилизационная система обмена информацией, вследствие чего возможности человека во взаимодействии с окружающей средой качественно возрастают. В определенном смысле планета Земля приобретает собственную «систему отражения», превращаясь посредством творческой активности человечества в субъект Вселенной.

Ключевые слова: ноосфера, биосфера, информационное общество, коэволюция, система, инфокоммуникационные технологии, социально-информационное пространство.

Ссылка для цитирования: Мишук С. С. Эволюция ноосферы во второй половине XX — начале XXI века // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 62—71.

Original article

S. S. Mishuk

EVOLUTION OF THE NOOSPHERE IN THE SECOND HALF OF THE XX — BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Abstract. The article deals with V. I. Vernadsky's doctrine of noosphere as a methodological basis for analyzing the processes of information society development. It is shown that the category "noosphere" is of fundamental importance for understanding the modern stage of human civilization development. A unified all-civilization system of information exchange is being formed, as a result of which human capabilities in interaction with the environment are qualitatively increasing. In a certain sense, the planet Earth acquires its own "reflection system", turning, through the creative activity of mankind, into a subject of the Universe.

Keywords: noosphere, biosphere, information society, coevolution system, information technologies, social and information space.

Citation Link: Mishuk S. S. (2024) Evolution of the noosphere in the second half of the XXth — early XXIst centuries, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 62—71.

Учение академика В. И. Вернадского о ноосфере как новой планетарной оболочке, результате планетарной эволюции, закономерно возникающей в результате сознательной (и в этом смысле разумной) деятельности человека является одной из тех научных теорий, значение которых не утрачивается и не уменьшается с течением времени. Более того, базовые принципы и методологические основания, на которых она построена, и фундаментальные идеи, заложенные в ней, раскрываются все более полно на каждом этапе эволюции человеческой цивилизации. Данная теория обладает также колоссальным эвристическим потенциалом для осмысления и прогнозирования процессов развития современного общества.

Хотя сам термин «ноосфера» ввели в научный оборот французские ученые Эдуард Леруа и Тейяр де Шарден, именно В. И. Вернадский создал последовательную и целостную научную теорию, раскрывающую условия и закономерности возникновения и развития этого особого этапа эволюции планеты Земля. Причем данная теория раскрыла качественную определенность не только тех процессов, которые наблюдались при жизни ее создателя. Напротив, с каждым новым десятилетием в развитии человечества в целом она демонстрирует ранее скрытые содержательные аспекты и новые эвристические возможности. С одной стороны, данная теория позволяет представить ряд своих положений в качестве методологической основы для построения макро- и мегамоделей планетарных процессов, оперируя с которыми можно выявить новые закономерности развития структурных элементов современной цивилизации. С другой стороны, данная теория даже в существующем виде создает огромные возможности для собственно рационального анализа. Она задает основные направления создания нового понятийно-категориального аппарата, необходимого для раскрытия существенных закономерностей функционирования и развития современного этапа человеческой цивилизации — информационного общества.

Различные аспекты функционирования информационного общества являются объектом постоянного изучения. Однако исследованию их в качестве необходимого и закономерного этапа эволюции, как человеческого общества, так и планеты Земля в целом уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания. Между тем использование имеющихся в науке подходов к изучению явлений подобного типа позволило бы глубже понять специфику этого периода общепланетарной эволюции. И значение теории ноосферы В. И. Вернадского как методологического основания подобного анализа имеет, очевидно, первостепенное значение.

«Ядром» информационного общества выступает система информационно-коммуникационных технологий, возникшая и сформировавшаяся во второй половине XX века и превратившаяся в настоящее время в один из важнейших компонентов ноосферы как планетарной оболочки. Для корректного анализа роли и значения этой системы именно в данном качестве необходимо, на наш взгляд, зафиксировать основные содержательные трактовки понятия «ноосфера» в работах В. И. Вернадского.

Прежде всего, ноосфера рассматривалась как определенный этап в планетарном развитии Земли. Ученый акцентировал внимание именно на *закономерном*, необходимом для дальнейшего существования Земли процессе появления ноосферы как общепланетной оболочки, исходя из выдвинутого им принципа «роста геохимической энергии». Он подчеркивал, что возникновение ноосферы

как части биосферы есть природное явление, гораздо более глубокое и мощное в своей основе, чем вся предшествующая человеческая история [Вернадский, 1991: 53]. Соответственно, ноосфера в данном отношении понимается В. И. Вернадским в качестве особого этапа эволюции Земли, возникающего в результате реализации сущностных законов развития планеты. Научная мысль человечества выступает основой данного процесса, силой «геологического характера», создающей ноосферу. И, охватывая всю биосферу, она приобретает форму вселенскости.

Ноосфера также понималась и как этап именно разумного преобразования той среды, в которой живет человек. В. И. Вернадский подчеркивал, что наличие сознания как необходимого компонента предметно-преобразовательной деятельности человека не означает автоматически, что данная деятельность осуществляется разумно в подлинном смысле слова. Активность человека может приводить и к нежелательным, даже опасным для него самого последствиям. Поэтому с появлением ноосферы, то есть когда его возможности оказываются сопоставимыми с действиями стихийных сил природы, совершенно необходимым оказывается и соответствующее развитие уровня познания человечеством законов окружающего мира, осознание целей собственной эволюции в единстве с эволюцией остальной планеты. Причем собственно достигнутый уровень научного познания достаточен, иначе деятельность человека не могла быть сопоставимой со стихийными силами природы, то есть не было бы оснований делать вывод о наличии ноосферы как новой планетарной оболочки. В данном контексте особое значение приобретает уровень осознания человеком собственных возможностей, способности человечества обеспечить коэволюцию с планетарными процессами [Моисеев, 1998: 52—53]¹.

И, наконец, факт возникновения ноосферы как принципиально новой планетной оболочки означает также известный отрыв человека от процессов собственно земной эволюции². Именно на данном этапе человечество оказывается в состоянии преодолеть земное притяжение и покинуть пределы среды своего возникновения. Иными словами, человеческая деятельность превращается в фактор не только земной, но и космической эволюции. В подобных условиях значение именно разумности человека в самом широком смысле слова возрастает многократно. И в этом смысле ноосфера — именно как сфера разума, как разумно устроенная сфера обитания человечества — должна пониматься не только как одна из планетарных оболочек и этап земной эволюции, но и как цель будущего развития человечества, его участия в эволюции Вселенной. И данная цель может быть достижима при условии понимания человека уже не как «чисто» планетарного, земного фактора, но и как силы, которая выходит за рамки отдельной планеты и в бесконечном времени становится значимой для всей Вселенной.

¹ Понимание значения роли «субъективного фактора» в переходе биосферы в ноосферу пришло еще в начале 1980-х годов. См., например [Антонов, 1984]. Этот материал был опубликован на страницах этого журнала ровно год назад [Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Ноосферные исследования. 2023. Вып. 4. С. 23—34].

² Здесь очевидна связь теории В. И. Вернадского с идеями русского космизма конца XIX — начала XX века.

Таким образом, во-первых, ноосфера представляет собою уже достигнутый результат эволюции биосферы, очевидно существующий компонент Земли, которая приобретает, вследствие этого, новое качество.

Во-вторых, развитие ноосферы не завершено. Она представляет собою планетарную оболочку, которую нужно и, главное, можно организовать разумно. Этот результат, по В. И. Вернадскому, очевидно достижим уже на современном этапе ее развития; уже имеются объективные предпосылки и условия для организации «разумной» сферы существования человека.

В-третьих, ноосфера в более широком смысле есть цель, которая будет достигнута в будущем, когда человечество окажется в состоянии выйти за пределы Земли, то есть усилить связи планеты — своей родины — с Вселенной, частью которой она является. Ноосфера в данном контексте превращается в фактор эволюции Вселенной. В. И. Вернадской не рассматривал Землю как нечто изолированное от Вселенной. Планета взаимодействует с Вселенной, и не только в общефилософском смысле, но непосредственно. Она испытывает постоянное воздействие извне. Причем это реализуется не только в виде энергетического воздействия, но имеет место постоянный приток вещества из космоса на планету: химические соединения из космоса попадают на Землю и включаются в геохимические процессы. До ноосферы Земля была объектом такого воздействия. С появлением ноосферы планета получает возможность постепенно превращаться в активный компонент, в субъект. Причем субъект, обладающий способностью познавать Вселенную.

Таким образом, ноосфера понималась В. И. Вернадским не только как этап развития Земли, как нечто завершенное. Она однозначно трактовалась как некий идеал, цель, идеальная модель, к которому человечество должно стремиться. Раз возникнув, ноосфера в этом плане превращается в самостоятельную специфическую систему планетарного масштаба, развивающуюся по своим внутренним законам при постоянном активном взаимодействии с окружающей действительностью. Она как некая особая система [Дмитревская, 1997] есть, с одной стороны, продолжение, выражение этих закономерностей, и, с другой стороны, она есть одновременно и активное их отражение. Данная система выстраивает свои отношения с окружающим миром не пассивно, а активно. И по мере своего развития настолько расширяет собственные границы, что выходит за пределы родной планеты, за пределы Солнечной системы и далее во Вселенную.

В своих трудах В. И. Вернадский достаточно полно систематизировал факторы, наличие которых требуется для формирования и успешного функционирования и развития ноосферы. Постараемся кратко проанализировать те из них, которые оказывают существенное влияние на функционирование информационного общества как определенного этапа развития ноосферы, непосредственно связаны с функционированием системы информационно-коммуникационных технологий — «резкое преобразование средств связи и обмена информацией» и «свобода научной мысли и научного поиска от давления религиозных, философских и политических построений» [Яншина, 1996: 81], то есть формирование технических и технологических возможностей и изменение мировоззренческих установок на научной основе.

Возникновение в конце XX века и функционирование в современных условиях информационного общества со всей очевидностью демонстрирует значение информационно-коммуникационных технологий как его системообразующего

элемента. Последние выступают одним из важнейших факторов устойчивого существования и дальнейшего развития человеческой цивилизации. В этом плане нельзя не подчеркнуть всю глубину научного предвидения В. И. Вернадского, который не просто поставил данный фактор на второе по значимости место, но и отметил невозможность реализации без него и первого важнейшего фактора — «заселение человеком всей планеты» [там же].

Для изучения действительной значимости данного фактора следует рассмотреть его функционирование в контексте ноосферы как уже достаточно сформированной планетарной оболочки. На этом этапе четко прослеживается действие ее внутренних закономерностей. Раз возникнув, ноосфера начинает эволюционировать как самостоятельная система. Присущие именно ей законы с необходимостью приводят к появлению и последующему отбору таких механизмов, потребность в которых возникает на определенном этапе развития. Причем наиболее значимые механизмы появляются чаще всего в тех структурных элементах ноосферы, которые являются сущностными для нее, то есть связанными, в первую очередь, с функционированием «разума и знания». Возникновение подобных инновационных по своей природе элементов стимулирует прогресс человеческого общества в масштабах планеты не только опосредовано. Они непосредственно включаются в эволюционное развитие всей Земли, превращаются в одни из важнейших внутренних компонентов этого процесса. В результате их воздействия изменяются и уже существующие структуры. Данные компоненты оказываются через некоторое время самостоятельными «ветвями» эволюции, развитие которых во многом аналогично размножению и эволюции живых организмов, когда возникновение некоторого нового фактора, кажущегося не слишком значительным первоначально, в дальнейшем может давать начало принципиально новым направлениям. На данную закономерность также обращал внимание Вернадский, отмечавший, что «...ход научной мысли, например, в создании машин... совершенно аналогичен ходу размножения организмов» [Вернадский, 1991: 134].

Эти новые элементы закономерно появляются тогда, когда в них возникает необходимость. Иными словами, само их зарождение в соответствующий исторический отрезок времени уже является объективной закономерностью. Эти «чисто разумные» инновации выполняют весьма значимую роль — они являются тем имманентным механизмом ноосферы, который обеспечивает ее «самосохранение» на конкретном этапе развития и возможность дальнейшего поступательного движения. Можно сделать вывод о том, что ноосфера для обеспечения постоянного устойчивого функционирования обладает соответствующими, именно ей присущими внутренними механизмами саморегулирования и самосохранения. При этом она одновременно обладает способностью формировать в соответствующий период времени в рамках собственной структуры принципиально новые элементы, позволяющие адекватно решать возникающие внутренние противоречия и обеспечивать дальнейшее прогрессивное развитие.

Данное общетеоретическое положение прекрасно иллюстрируется на примере возникновения и развития глобальной телекоммуникационной компьютерной сети Интернет, выступающей на современном этапе прогресса человеческой цивилизации ядром всей системы информационно-коммуникационных технологий [Смирнов, Никифоров, 2018].

Этот компонент ноосферы, ставший глобальным по масштабам и степени влияния на всю человеческую цивилизацию, возникает именно тогда, когда формируется потребность в нем. При этом практически мгновенно (в масштабе человеческой истории) информационно-коммуникационные технологии превращаются из некоего инновационного (не очень понятного за пределами узкого круга специалистов) фактора в достаточно обыденный по восприятию обществом компонент цивилизации. В результате можно сделать вывод о том, что в рамках ноосферы, как реализация ее внутренних закономерностей, возникает компонент, объективно создающий возможность для организации управления в планетарном масштабе, для регулирования процессов в пределах всей Земли. При этом сам этот элемент достаточно быстро показывает, что для его полноценного функционирования также требуются соответствующие по масштабам и полномочиям механизмы управления. Таким образом, постепенное вызревание в рамках ноосферы глобальных проблем достаточно быстро порождает (на основе реализации ее собственных, именно ей присущих внутренних законов) механизм, дающий возможность их разрешения. А сформировавшись, сам этот механизм, в свою очередь, требует соответствующих ему по масштабу и возможностям глобальных инструментов, четко демонстрирует их объективную необходимость [Моисеев, 1990: 102—105]. Все это опять-таки стимулирует дальнейшее развитие процессов общепланетарной эволюции. Можно сказать, что в настоящее время информационное общество как новый этап в развитии человечества (и ноосферы) вступило в очередную стадию — сформировалась система информационно-коммуникационных (или инфокоммуникационных) технологий как необходимый, «собственно познавательный и разумный» структурный компонент современной цивилизации. Они представляют собою глобальную по масштабам систему получения (производства), обработки, хранения, передачи, распределения, обмена и потребления (использования) информации. И в ней постепенно начинают проявляться качества, не наблюдавшиеся у ранее создаваемых человечеством искусственных систем.

Эти качественные особенности инфокоммуникационных технологий не могут быть подробно рассмотрены в рамках статьи. Поэтому постараемся кратко зафиксировать некоторые из них.

Во-первых, возникновение системы информационно-коммуникационных технологий является именно необходимым и закономерным этапом в развитии ноосферы. Новая «разумная» оболочка Земли объективно требовала наличия всеохватывающей системы, которая выполняла бы функцию носителя общечеловеческого знания.

Без сформировавшихся на современном этапе информационно-коммуникационных технологий ноосфера не может функционировать целостно. Как сама ноосфера генетически и логически завершает развитие биосферы, так и сфера инфокоммуникационных технологий есть результат действия внутренних законов ноосферы, закономерный этап ее эволюции, с одной стороны, и необходимая ступень ее дальнейшего функционирования и развития, с другой. Возникновение такого компонента ноосферы, как информационно-коммуникационные технологии, означает наступление нового этапа развития ноосферы. В результате уже сейчас можно зафиксировать наличие самостоятельного с точки зрения структуры и функций глобального механизма. Данный компонент логически завершает формирование ноосферы, делает ее достаточно

полной. С появлением сферы инфокоммуникационных технологий компонент «ноос (разум)» окончательно формируется как структурный элемент ноосферы, как некая «нервная система» действительно всей человеческой цивилизации. Он начинает реально функционировать не только как совокупность «персонифицированных разумов» [Castells, 2007: 25]. Инфокоммуникационные технологии позволяют каждому индивиду, независимо от места нахождения, времени, уровня образования и т. д. непосредственно, активно, в режиме реального времени включаться в общепланетарный мыслительный процесс не только потенциально, но реально³. Возникает подлинно обобществленный разум, одновременно охватывающий всю поверхность Земли, одновременно вовлекающий сотни миллионов и миллиарды людей в свое функционирование. Он превращается в действительно «планетарную сферу» по своим масштабам, по уровням присутствия (от литосферы до космоса), по глубине воздействия на процессы, происходящие на Земле, и по скорости передачи этих воздействий⁴.

Во-вторых, система инфокоммуникационных технологий по своей сущности и способу функционирования являются активным элементом ноосферы.

Человеческое общество принципиально отличается от остальных известных природных систем. Системы неживой и живой природы существуют до тех пор, пока совокупная энергия внешних воздействий меньше, чем внутренние связи самой системы; они функционируют в тех пределах, которые им предоставляет совокупность элементов внешней среды. Иными словами, их взаимодействие с внешней средой пассивно по своей сущности. Фактически они выступают еще одним фактором природы, аналогичным остальным.

Человек изначально активно воздействует на природу и изменяет ее в соответствии со своими потребностями в процессе трудовой деятельности. А последняя может быть успешной только при условии соответствия целей, средств, методов и программ деятельности законам самой природы. Поэтому познание окружающего мира выступает необходимым элементом человеческих преобразований, роль которого исторически постоянно возрастает. От глубины познания окружающей природы зависит успешность человеческой активности.

В сфере инфокоммуникационных технологий и происходят процессы получения и обмена знаниями, которыми человеческое общество обладает. Можно сказать, что именно в данном компоненте человеческой цивилизации протекают процессы, характерные для собственно человеческого отношения к миру в целом. В рамках данной системы происходит познание, ставятся цели, вырабатываются необходимые программы, проводится анализ достигнутых результатов на предмет их соответствия поставленным задачам и обеспечивается необходимая корректировка всех элементов человеческой активности.

В-третьих, информационно-коммуникационные технологии являются, на наш взгляд, самым динамичным по сравнению с остальными компонентом ноосферы. Процессы получения, обработки, хранения, передачи, распределения, обмена и использования информации и как обязательные элементы предметно-практической, преобразовательной деятельности человеческого общества,

³ Очевидно, что при осуществление данного процесса не все результаты являются бесспорно положительным. Здесь имеются и негативные стороны [Turkle, 2011: 77—78].

⁴ Интересно разворачивание этих мыслей в дискурсе «цефализации ноосферы» [Smirnov G., Smirnov D., 2019].

и взятые сами по себе, в сравнении с другими компонентами цивилизации — наиболее быстрые и подвижные. Как функционирование самого человеческого общества (по сравнению с остальными компонентами природы) наименее ограничено внешними факторами, так и человеческие разум, его функционирование — самое быстрое, наиболее динамичное, наименее ограниченное внешними факторами. Его могут сдерживать только находящиеся внутри же его самого «тормоза», то есть естественные пределы индивидуальной познавательной деятельности, конкретно-исторические границы определенного этапа человеческого познания, идеалы и нормы познания, сложившиеся в пределах той или иной эпохи. Но все эти природные и культурно-исторические рамки относятся фактически к самому разуму, понимаемому и как индивидуальный, и как общественный. Таким образом, сфера инфокоммуникационных технологий, имманентно способная самостоятельно регулировать, изменять, отодвигать сдерживающие ее технические и конкретно-исторические познавательные рамки, является принципиально более динамичной по своей сущности, чем те системы, которые зависят в первую очередь от внешних факторов.

В-четвертых, информационно-коммуникационные технологии по своей сущности являются также подлинно инновационным компонентом ноосферы. Разум человека наиболее полно реализуется именно при освоении нового, ранее неизвестного. В этом смысле познавательные способности человека наиболее ярко реализуются в научном познании. Наука как форма подлинно человеческой способности отражения окружающего мира — это направленность не на тиражирование уже существующего и освоенного, а на постоянное вовлечение в практику ранее неизвестных объектов. Такой принципиально новационный тип объекта определяет и остальные сущностные характеристики науки как определенной системы знания. И система инфокоммуникационных технологий также имеет в качестве ориентира своего развития постоянное освоение нового знания. При этом она создает ранее невиданные возможности и условия именно такой деятельности. Глобальное распространение информационно-коммуникационных технологий позволяет делать доступным вновь полученное знание, обеспечить его всесторонне обсуждение, анализ и последующее использование. В этом смысле резко упрощаются процессы тиражирования и практического освоения уже имеющегося знания, что позволяет освободить информационные ресурсы, ранее используемые для данных целей. В результате собственно познавательные возможности человечества поднимаются на качественно новый уровень, который, в свою очередь, делает ноосферу еще более «разумной».

В-пятых, система информационных технологий является эволюционирующим элементом ноосферы. Закономерности, которыми ноосфера обладает, приводят к появлению новых механизмов, необходимых для ее функционирования на определенном этапе. Наблюдаются процессы, во многом подобные эволюционному отбору в живой природе. В данной среде постоянно возникает множество различных средств и процедур, и в итоге как бы выбираются и получают развитие именно те, которые требуются. Упомянутая ранее история возникновения и развития Интернета, на наш взгляд, является достаточно наглядным примером процессов подобного типа. В этом смысле инфокоммуникационные технологии как «нервная система» ноосферы выступают, в первую очередь, активным регулятором протекающих трансформаций.

Помимо этого, они выполняют функцию инициации соответствующих преобразований. Возникающие в рамках информационно-коммуникационных технологий проблемы постоянно требуют решений, соответствующих им по степени сложности. Тем самым данные технологии внутри ноосферы с очевидностью приводят к зарождению новых элементов структуры и процедур ее функционирования. В результате ноосфера как бы создает некие «защитные механизмы», которые позволяют ей сохраняться и эволюционировать.

Таким образом, инфокоммуникационные технологии в современных условиях все более демонстрируют внутренне присущие им *системообразующие* свойства и активно распространяют их на остальные структурные компоненты жизни человеческого общества. На нынешнем этапе функционирования человеческой цивилизации система данных технологий уже перестает быть вспомогательной структурой (пусть и очень важной), обеспечивающей просто передачу информации внутри ноосферы. Информационно-коммуникационные технологии к началу XXI века достигли такого уровня развития, что сами начинают задавать новые параметры системной организации остальных структурных компонентов человеческой цивилизации (экономической, социальной, политической, духовной). В результате происходит трансформация данных элементов в соответствии с теми нормами, процедурами и правилами построения, которые определяются инфокоммуникационной сферой.

Библиографический список / References

- Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Человек. Эволюция. Космос. 1984. Кн. 4. Книжка 1. С. 93—104.
(Antonov N. P. The role of the subjective factor in the transition of biosphere into noosphere, *Man. Evolution. Space*, 1984, vol. 4, no. 1, pp. 93—104. — In Russ.)
- Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
(Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*, Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.)
- Дмитревская И. В. Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лицея к университету / отв. ред. Г. С. Смирнов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1997. С. 8—27.
(Dmitrevskaya I. V. Noosphere as a systemic organized generality, in Smirnov G. S. (ed.) *Noospheric paradigm of education: from lyceum to university*, Ivanovo, 1997, pp. 8—27. — In Russ.)
- Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
(Moiseev N. N. *Man and noosphere*, Moscow, 1990, 351 p. — In Russ.)
- Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Изд-во МНЭГУ, 1998. 205 с.
(Moiseev N. N. *The fate of civilization. The path of reason*, Moscow, 1998, 205 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С., Никифоров А. С. Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 84—92.
(Smirnov G. S., Nikiforov A. S. Planetary cephalization: organic and electronic global mind (paths of linguistic rapprochement), *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences*, 2018, no. 1, pp. 84—92. — In Russ.)

Яншина Ф. Т. Эволюция взглядов В. И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере. М.: Наука, 1996. 221 с.

(Yanshina F. T. *Evolution of V. I. Vernadsky's views on the biosphere and the development of the doctrine of the noosphere*, Moscow, 1996, 221 p. — In Russ.)

Castells M. Communication Power and Counterpower in the Network Society, *International Journal of Communication*, 2007, no. 1, pp. 238—266.

Turkle S. *Alone together: Why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books, 2011. 384 p.

Smirnov G., Smirnov D. Cephalization of the noosphere: socio-philosophical aspects, *Philosophy and Cosmology*, 2019, vol. 22, pp. 137—143.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Мишук Сергей Сергеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и устойчивого развития, Международный государственный экологический институт им. А. Д. Сахарова БГУ, г. Минск, Республика Беларусь. mishuk_siarhei@inbox.ru

Mishuk Sergey Sergeevich — D. in Philosophy, Associate Professor at the Department of Social and Human Sciences and Sustainable Development, Sakharov International State Ecological Institute of Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, mishuk_siarhei@inbox.ru

НООСФЕРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 130.3

DOI: 10.46724/NOOS.2024.4.72-78

А. И. Савинкина

Б. Н. ЧИЧЕРИН О ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЯХ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена историко-философскому анализу концепции Б. Н. Чичерина о ценностных основаниях личности. Рассматривается точка зрения мыслителя на место и роль личности в обществе. Раскрываются основные аксиологические аспекты сущности человека — разум, свобода, воля. Реконструируются воззрения русского философа на проблему свободы воли. Отмечается влияние философских идей Гегеля и Канта на антропологические установки Б. Н. Чичерина. Показана непосредственная связь внешних нравственно-правовых регуляторов жизни с внутренней естественной природой личности. Подчеркивается роль метафизических начал личности на пути к Абсолютному. В заключение делается вывод о том, что аксиологические основания личности, отражающие ее метафизическую природу, служат опорой для построения общественных механизмов-регуляторов — права и морали.

Ключевые слова: Б. Н. Чичерин, ценностные основания, достоинство личности, разум, свобода, воля, Абсолют.

Ссылка для цитирования: Савинкина А. И. Б. Н. Чичерин о ценностных основаниях личности // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 72—78.

Original article

A. I. Savinkina

B. N. CHICHERIN ON THE VALUE FOUNDATIONS OF PERSONALITY

Abstract. The article is devoted to the historical and philosophical analysis of B. N. Chicherin's concept of the value foundations of personality. The author considers the thinker's point of view on the place and role of personality in society. The main axiological aspects of the essence of man — reason, freedom, will — are revealed. The views of the Russian philosopher on the problem of free will are reconstructed. The influence of the philosophical ideas of Hegel and Kant on the anthropological attitudes of B. N. Chicherin is noted. The direct connection of the external moral and legal regulators of life with the internal natural nature of the personality is shown. The role of the metaphysical principles of personality on the path to the Absolute is emphasized. In conclusion, it is concluded that the axiological foundations of personality, reflecting its metaphysical nature, serve as a support for the construction of social mechanisms-regulators — law and morality.

Keywords: B. N. Chicherin, value foundations, personal dignity, reason, freedom, will, Absolute.

Citation Link: Savinkina A. I. (2024) B. N. Chicherin on the value foundations of personality, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 72—78.

© Савинкина А. И., 2024

• Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 72—78

Вопросы общественного развития, а также факторы, влияющие на преобразование жизни людей, вызывают устойчивый интерес у научного сообщества. Общество есть сложноорганизованная динамическая система, анализ которой осуществляется с различных сторон — исторической, политической, экономической, социологической или философской. Философия актуализирует аспекты социального бытия, рассматривает общественную жизнь как целое и его части, стремится охватить общественную реальность в ее «всеобъемлющей полноте и конкретности» [Франк, 1992: 18].

Если общество как целое подвергнуть условному разделению на составные его части, то процесс этот рано или поздно завершится на конкретной единице. И единицей этой будет являться человек. Любой социум начинается в первую очередь с человека, поскольку именно личность составляет ядро общественного бытия. Текущая обстановка социального устройства во многом зависит именно от качеств тех личностей, которые составляют общество. Поэтому при анализе и структурировании проблем современного состояния общественной жизни необходимо учитывать основания бытия человека, условия формирования его мировоззренческих установок.

Важнейшими условиями, определяющими внутренний моральный и внешний поведенческий облик человека, являются *ценностные основания*. Аксиологическая сторона жизни всегда играла одну из ведущих ролей в вопросах личности и общества. От ценностного уклада зависит и динамика развития социума, и характер принятия решения, а также действия конкретного индивида. Поэтому аспекты тех понятий и явлений, которые составляют ценностную основу личности, входят в круг вопросов предметной области философии.

Ценностные основания личности исследовал видный представитель русской философской мысли второй половины XIX века Б. Н. Чичерин. Его труды охватывают масштабные аспекты государственно-правовой, социально-политической, экономической и духовно-нравственной жизни людей. Мыслитель четко понимал, что раскрытие сути общественных явлений и союзов невозможно в отрыве от осмысления природы личности. Личность обладает неоспоримой ценностью и уникальностью. От нее зависят многие аспекты существующего в социуме уклада жизни. Поэтому именно личность является отправной точкой размышлений философа.

Цель исследования — осуществить историко-философский анализ концепции Б. Н. Чичерина о ценностных основаниях личности.

С точки зрения Б. Н. Чичерина *личность* — многогранный субъект. В том, что человек является именно субъектом, философ не имеет ни единого сомнения и даже критикует те философские воззрения, которые это отрицают: «сознание своего «я» есть мировой факт, которого не в состоянии устранить никакие софизмы; только этим фактом можно объяснить, что человек помнит себя в прошлом и предвидит себя в будущем» [Чичерин, 1900: 27]. При этом сущность человека заключается в том, что он обладает сознанием, мыслит и оказывает влияние как на свой внутренний, так и на внешний мир.

В основе этого влияния лежит понятие *свободы воли*. Личность совершает те или иные действия, потому что свободна. Не судьба определяет поступки человека, а только он сам. Независимо от какой-либо сложившейся внешней ситуации личность самостоятельно делает выбор. Вопрос детерминизма, то есть череды причин, определяющих выбор, философ оставляет внешним факторам,

тогда как опыт внутренний «дает нам только то, что мы сознаем» [там же: 32]. Так, детерминизм может быть отнесен к материальному миру и накопчиванию всемирного опыта, который неизменно идет друг за другом в ходе исторического процесса, но в вопросах внутренней свободы личности его применение не находит должной логики.

При этом философ подчеркивает, что свобода — это не только наличие мотива и действия, а именно «власть субъекта над своими мотивами и свободный между ними выбор» [там же: 37]. Мотив независимо от своего происхождения так или иначе восходит к мотивам внутренним, где уже человек решает, как поступить. Этот факт мыслитель подчеркивает в своих трудах — «субъект, который взвешивает мотивы, восходит в высшую область, где уже не они имеют над ним силу, а он над ними» [там же: 40]. Так Чичерин утверждает абсолютную природу человека свободно определять свои поступки и изъявлять волю.

В вопросе определения воли Чичерин, подчеркивая необходимость существования воли как естественного голоса разума, опирается на философскую систему Г. В. Ф. Гегеля. Русский мыслитель критически воспринимает расхожее представление о зависимости воли от характера, приходя к выводу о примате первого над вторым. Во власти воли человека подавлять как свои физические желания, так и черты характера. Этим подчеркивается различие животного и человека — «чем менее он к этому способен, тем более он остается на степени животного, и наоборот, чем более в нем проявляется эта сила, тем более он становится истинным человеком, то есть разумным существом» [там же: 44]. Таким образом, воля — это высшее проявление разума, первый акт свободы. Причем человеческая воля определяется не только окружающей средой, но и тем, что выходит за пределы материального мира [Кириякин, 2016: 45].

Разум играет определяющую роль в жизни любой личности. И связано это не только с ее внутренним самоопределением, но и с тем фактом, что человек неизбежно сталкивается с внешними препятствиями. В мире существуют законы, которым человек не в силах противиться, с которыми он должен так или иначе считаться. Как быть, если все равно человек оказывается в той или иной степени «несвободы»? Б. Н. Чичерин определяет неизбежность этой проблемы. Да, человек сталкивается с ограничивающими обстоятельствами постоянно. Но наличие ограничений не исключает у человека способности выбирать. «При таких условиях ему остается только выбор между различными, данными ему извне, определениями. От него зависит, которое из них он признает своим. Этот момент есть то, что называется *произволом*» [Чичерин, 1900: 46].

Со стороны кажется, что «произвол» — явление чисто негативное и деструктивное. Его никак нельзя помыслить ценностью. По большей части это так. Личность, руководимая только произволом, не подкрепляющая свои решения внутренним стержнем и опирающаяся в выборе только на внешние обстоятельства, может стать большой социальной проблемой. Б. Н. Чичерин подчеркивал, что даже большинство его современников находится в таком состоянии. В своих трудах философ определяет, что единственно верным выходом из ситуации произвола является разум. «Действуя во внешнем мире, воля должна оставаться свободной, то есть, с одной стороны, сохранять свою независимость от внешних определений, а с другой стороны, определяться по собственному внутреннему побуждению и на основании собственных, присущих ей *разумных* начал» [там же: 46—47]. В этом мыслитель видит высший идеал свободы.

Воля и свобода являются проявлением в человеке *Абсолютного*. В чисто материальном внешнем мире найти идеал этих понятий невозможно. Согласно философу, «идеал образует центр аксиологической системы индивида в виде стремления к Абсолюту» [Головач, Медведев, 2024: 14]. Окружающий мир может дать личности только «первоначальное содержание воли» [Чичерин, 1900: 47]. Но чтобы достичь идеала человеку необходимо оторваться от «частного и условного» к «безусловно общему и необходимому» [там же: 48]. Опыт не может дать разуму представлений об идее Абсолютного. Ход разума Б. Н. Чичерин поэтически сравнивает с «математическим шествием в бесконечность» и подчеркивает, что это заложено в природе человека.

Наличие разума и возможность личности оторваться от исключительно материального в сторону *метафизического* не является конечной точкой проявления свободы и воли. Мыслитель подчеркивает, что этого «недостаточно для деятельности» [там же: 48]. Необходимо от Абсолютного вновь вернуться к относительному. И здесь опять огромное значение приобретают свобода и воля человека, поскольку он может выбрать как голос разума, так и произвол. Из возможности свободного выбора человека рождается *ответственность*. Разумное осознание ответственности за совершенные поступки и оценивание последствий выбора рождает *вину*.

Ответственность и вина являются неотъемлемыми компонентами права. В философских трудах Б. Н. Чичерин отводит праву роль внешнего регулятора, который регламентирует жизнь свободных личностей в обществе. В этом состоит его ценность в роли существования социума. Корни права уходят в метафизическое, в определение человеческой воли и свободы. Этими качествами обладают все люди. Поэтому *закон*, руководствуясь разумом, должен одновременно сдерживать и охранять их от поступков произвола.

Из естественной природы личности произрастает не только право, но и *нравственность*. При этом она может быть поставлена по времени прежде права. Формированию законов государства и ценностных ориентиров личности должно предшествовать представление людей о добре и зле, а это уже вопрос именно нравственности. Б. Н. Чичерин описывает, что возникновение у человека разграничения добра и зла не могло появиться раньше разума. Животным движут инстинкты, и оно поступает так или иначе без должного осознания ситуаций. Здесь играет роль только естественное влечение.

Когда человек осознает себя свободным, начинается отход от инстинктов в сторону Абсолютного. Это возвышает его над инстинктивными поступками. При этом личность попадает в двойственную ситуацию: с одной стороны, нравственным злом ей представляется все, что мешает самоопределению и восхождению к Абсолюту, а с другой — отрешиться полностью от своей физической природы она не может. Отсюда, утверждает Чичерин, происходит понятие о первородном грехе в религии. Так получается, что «человек сознает то, что он считает добром и что указывается ему присущими ему высшими началами, но по ограниченности своей природы, подчиняющейся внешним влияниям, он делает противное» [там же: 50]. То есть человеку от природы свойственно естественное стремление ко злу.

Истинным актом проявления свободы здесь кажется только возможность человека делать выбор в пользу добра и подавлять в себе корень зла. Однако Б. Н. Чичерин такие воззрения определяет «внутренне противоречивыми».

Правильным путём, с точки зрения мыслителя, будет не тот, где отрицается зло, а тот, где добро и зло признаётся в равной степени важными. «Нравственная свобода перестает быть свободой как скоро у неё отнимается произвол, то есть возможность противоположного» [там же: 51]. Наличие только лишь добрых Абсолютных качеств и явлений исключило бы относительную природу человека, и как следствие, исчезли бы и свобода, и воля. Поэтому произвольный выбор и разум являются неотъемлемыми элементами человека, раскрывающие всю полноту сути личности.

В вопросах философии нравственных аспектов и ценностных оснований личности Б. Н. Чичерин обращается к этическому учению И. Канта. Вслед за немецким философом в размышлениях Чичерина вновь актуализируется вопрос значимости внутренней свободы, опирающейся на разум. Именно разум лежит в основе воли и оценки морали.

Следование разуму являет собой стремление личности к Абсолюту. Абсолют выступает источником *человеческого достоинства*. Поэтому с развитием обществ меняется и отношение как к целым, так и частным случаям достоинства личности. Так, Б. Н. Чичерин подчеркивает, что печальным примером унижения достоинства является рабство. Поэтому в вопросе человеческих отношений он опирается на этику долга и категорический императив И. Канта, утверждая, что человека необходимо воспринимать как цель и никогда как средство [Кант, 1994: 205]. Так, личность будет и впредь оставаться главной ценностью государства, обеспечивая тем самым его дальнейшее развитие.

Б. Н. Чичерин отмечал, что добро и зло, свобода и воля — понятия *метафизические*. По этой причине изучать личность в первую очередь также надо с метафизических аспектов. Так, согласно утверждению историка русской философии В. В. Зеньковского, «в этике Чичерин ... признает абсолютное значение личности и учит о «метафизической сущности» человека» [Зеньковский, 1991: 163]. Многие философские течения конца XIX — начала XX века исключали из себя этот важный аспект, опираясь на эмпиризм и материализм. Б. Н. Чичерин отмечал, что это привело «к бесперывным внутренним противоречиям, а потому к нескончаемой борьбе» [Чичерин, 1900: 52]. Философ умер в 1904 году, ещё до наступления всех трагических событий в России — революций и Первой мировой войны. Но уже накануне XX века мыслитель отчетливо понимал, что дальнейшее историческое время будет только явственнее обнажать и усугублять внутренние и внешние социальные противоречия и конфликты. Поэтому вопрос о метафизической природе личности не теряет актуальности.

Очевидно, что кризисные состояния метафизики XX столетия отражаются и в XXI веке. Значимость этого аспекта в вопросе ценности личностной свободы подчеркивают и современные исследователи. Например, Н. М. Аверин утверждает важную роль метафизики в глобальных процессах: «Признание метафизической сущности человека делает его не только органом всемирно-исторического процесса, но самостоятельной величиной мироздания» [Аверин, 2013: 17]. Казалось бы, роль одного человека кажется ничтожно малой, когда речь идет о явлениях мирового масштаба. Однако важно понимать, что единица в данном конкретном случае может обладать большим потенциалом. В развитии человечества и отдельно взятых государств находится немало примеров крупных правителей и реформаторов, которые проявлением достоинств своей личности влияли на ход истории.

Российский исследователь С. Л. Чижков раскрывает уникальность и ценность каждого отдельного человека с точки зрения концепции Б. Н. Чичерина: «категория абсолютного не только необходимо присутствует в мышлении, но и описывает сам способ бытия разумного существа. Человек не просто создает понятийную картину мира, но также является причиной самого себя как деятельного существа, которое сохраняет свою идентичность в процессе собственных же изменений» [Чижков, 2017: 16]. Свобода личности служит залогом самоопределения, реализации и дальнейшего развития талантов. Ценность свободы и воли нельзя преуменьшить, ведь за счет них люди обретают свое место в жизни, реализуют себя с личностной, семейной, профессиональной, творческой и других сторон жизни. Охрана государством и правом свободы личности служит залогом стабильного существования общества.

Таким образом, согласно философии Б. Н. Чичерина, личность определяется как «корень и начало всех общественных отношений» [Чичерин, 1900: 53]. Жизнедеятельность социума начинается с сотрудничества людей между собой. Без взаимодействия отдельных единиц общество как целое ничего из себя не представляет. Поэтому вопросы личности являются определяющими факторами жизни и развития социума.

Во многом ориентиры человека определяют именно ценности. Идеалом истоком аксиологических оснований личности Б. Н. Чичерин считал разум, свободу и волю. Именно на этих метафизических началах строятся общественные механизмы-регуляторы — право и мораль. Принимая то или иное решение, человек имеет выбор — анализировать ситуацию с позиций добра или зла, руководствоваться произволом или же голосом разума.

Природа личности и ее ценностных оснований уникальна. Несмотря на биологическую сторону сущности, главной в человеке является суть духовная. Именно она являет собой стремление личности к Абсолюту. Абсолют выступает источником человеческого достоинства. Так, через аксиологический идеал разумной и свободной личности Б. Н. Чичерин приходит не только к утверждению ее значимости, но и к выстраиванию целостной системы общечеловеческого мироустройства.

Библиографический список / References

- Аверин Н. М. Свидетель великих преобразований и поблекших надежд // *Философские традиции и современность*. 2013. № 2 (4). С. 8—21.
(Averin N. M. Witness of great transformations and faded hopes, *Philosophical Traditions and Modernity*, 2013, no. 2 (4), pp. 8—21. — In Russ.)
- Головач А. А., Медведев Н. В. Б. Н. Чичерин об общественном идеале // *Философия в современном мире: сборник статей IX научных чтений Тамбовского регионального отделения Российского философского общества*. 14 марта 2024 г. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2024. С. 13—20.
(Golovach A. A., Medvedev N. V. B. N. Chicherin on the social ideal, in *Philosophy in the modern world*, Tambov, 2024, pp. 13—20. — In Russ.)
- Зеньковский В. В. История русской философии. В двух томах. В четырех книгах. Л.: Эго, 1991. Т. 2: Ч. 1. 256 с.
(Zenkovsky V. V. *History of Russian philosophy*: in two volumes in four books. Leningrad, 1991, vol. 2, part 1, 256 p. — In Russ.)

Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. С. 153—246.

(Kant I. *Fundamentals of the metaphysics of morals*, in Kant I. *Works*: in 8 volumes. Moscow, 1994, vol. 4, pp. 153—246. — In Russ.)

Кирякин А. В. Метафизическая природа личности как основа ее достоинства в учении Б. Н. Чичерина // Этика и история философии: материалы Второй международной научно-практической конференции. 18 ноября 2016 года. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. С. 43—49.

(Kiryakín A. V. *Metaphysical nature of personality as the basis of its dignity in the teachings of B. N. Chicherin*, in *Ethics and history of philosophy*, Tambov, 2016, pp. 43—49. — In Russ.)

Франк С. Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.

(Frank S. L. *Spiritual foundations of society*, Moscow, 1992, 511 p. — In Russ.)

Чижков С. Л. Метафизика свободы и идея государства в философии Б. Н. Чичерина. М.: Институт философии Российской академии наук, 2017. 100 с.

(Chizhkov S. L. *Metaphysics of freedom and the idea of the state in the philosophy of B. N. Chicherin*, Moscow, 2017, 100 p. — In Russ.)

Чичерин Б. Н. Философия права / [соч.] М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1900. 336 с.

(Chicherin B. N. *Philosophy of law*, Moscow, 1900. 336 p. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 13.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Савинкина Алина Игоревна — аспирант кафедры истории и философии, Институт образования и общественных наук, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия, alya.savinkina@mail.ru

Savinkina Alina Igorevna — postgraduate student of the Department of History and Philosophy, Institute of Education and Social Sciences, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, alya.savinkina@mail.ru

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Научная статья
УДК 130.122
DOI: 10.46724/NOOS.2024.4.79-88

И. И. Булычёв

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ МАГИСТРАЛЬНОСТЬЮ И РЕГИОНАЛЬНОСТЬЮ

Аннотация. В статье предлагается гипотеза универсального логического алгоритма, которым можно описать важнейшие константы философии как теоретического мировоззрения. Алгоритм предполагает наличие трех обязательных составных: атрибутов, сторон центрального противоречия и структуры. К атрибутам философии отнесены соответствующие картина мира и учение. Картина мира является по своему характеру и стилю мышления парадигмальной. Сущность учения (второго атрибута философии) — служить наставлением тому, кто в этом нуждается. В качестве центрального противоречия философии рассматриваются магистральная и региональная противоположности, которые находятся в состоянии единства и борьбы. В разные исторические эпохи магистральные и региональные учения менялись местами. Прежде всего, сказанное касается направлений рационализма и иррационализма. Помимо центрального, в философии существуют и другие противоречия, в частности, между универсализмом и локальностью, пропагандистской и демонстрационной составными философских учений. Структура философии реализуется тремя ее основными функциями: сциентистской, утешительной и деонтологической.

Ключевые слова: универсальный философский алгоритм; атрибуты, противоречия и структура философии; рационализм/иррационализм; универсалистская/локальная и пропагандистская/демонстрационная противоположности картин мира и философских учений.

Ссылка для цитирования: Булычёв И. И. Философия как противоречие между магистральностью и региональностью // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 79—88.

Original article

I. I. Bulychev

PHILOSOPHY AS A CONTRADICTION BETWEEN THE MAINLINE AND REGIONALITY

Abstract. The article proposes a hypothesis of a universal logical algorithm which can be described the most important constants of philosophy as a theoretical worldview. The algorithm assumes the presence of three compulsory components: attributes, sides of the key contradiction, and structure. The attributes of philosophy include the corresponding worldview and teaching. The worldview is paradigmatic in its nature and style of thinking. The essence of teaching (the second attribute of philosophy) is to serve as an instruction to those who need it.

© Булычев И. И., 2024

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 79—88 •

The main and regional opposites, which are in a state of unity and struggle, are considered as the key contradiction of philosophy. In different historical epochs, the main and regional teaching have changed places. First of all, what has been said concerns the directions of rationalism and irrationalism. In addition to the key one, there are other contradictions in philosophy, in particular, between universalism and locality, propaganda and demonstration components of philosophical teachings. The structure of philosophy is realized by its three main functions: scientific, consolatory and deontological.

Keywords: universal philosophical algorithm; attributes, contradictions and structure of philosophy; rationalism/irrationalism; universalist/local and propagandistic/demonstrative opposites of worldviews and philosophical teachings.

Citation Link: Bulychev I. I. (2024) Philosophy as a contradiction between the mainline and regionality, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 79—88.

Введение. Философия, будучи теоретическим мировоззрением, призвана осуществлять духовное объединение социума. Это возможно лишь на пути выработки системы ценностей, что придает философии характер не только гносеологической, но и аксиологической деятельности. Мировоззрение выполняет в обществе ряд чрезвычайно важных задач и, в частности, формирующую, футурологическую и методологическую.

Формирующая задача мировоззрения по своей социальной сущности призвана устанавливать статус и социальную значимость сложившихся ценностей, знаний и образов, а также внесения в их систему необходимых изменений в связи с появлением новых вызовов.

Футурологическая задача мировоззрения означает его способность прогнозировать деятельность различных субъектов, в чем и заключается сущность данной функции. Прогнозирование — это опережающее отражение будущего, динамичная форма интеллектуально-теоретической деятельности. Она направлена на определение тенденций развития конкретного объекта или процесса, вероятности превращения возможностей как потенциально осуществимых (допустимых) в новую действительность, которую отличают свойства неинвазивности (нерушимости) и безальтернативности.

Методологическая задача означает способность мировоззрения соответствующим образом ориентировать деятельность различных субъектов. Сущность данной задачи заключается в возможности направлять (организовывать) человеческую деятельность. Направлять — означает адресовать субъекты к лучшим (гуманистическим) ценностям и гносеологическим образам действительности.

Все указанные задачи специфическим образом преломляются в философском мировоззрении, которое отличается холистическим характером. К преимуществам холистического миропонимания относят способность к комплексному осмыслению бытия, которое позволяет людям видеть общую картину реальности и понимать отношения между различными ее элементами. Этот унифицированный взгляд помогает принимать обоснованные решения и делать эффективные шаги.

Логическая матрица категории «философия» приведена ниже.

Философия		
1	2	3
Атрибуты	Стороны центрального противоречия	Структура и функции
Картина мира	Магистральная	Сциентистская
Учение	Региональная	Утешительная Деонтологическая

Атрибуты философии. К атрибутам (основным свойствам, способам существования) философии, на мой взгляд, следует отнести картину мира и соответствующее учение (доктрину). Будучи противоположностями дополнительного типа, они не меняются местами и не переходят друг в друга. Эта ситуация абсолютна, хотя, разумеется, не исключает некоторых факторов относительности. Между атрибутами философии отсутствуют какие-либо непроходимые границы, но вместе с тем они не тождественны. Картина мира (КМ) и учение тесно переплетаются, границы между ними, с одной стороны, достаточно определены, а с другой — относительны. В картине мира в большей мере, чем в учении, представлены гносеологические интенции. Напротив, в учении преобладают аксиологические компоненты. Чем больше то или иное миропонимание опирается на науку, тем в большей мере оно является гносеологическим, т. е. картиной мира. И, напротив, чем дальше миропонимание от науки (например, мифология), тем ближе оно к аксиологии, т. е. учению (вероучению, доктрине). Эти особенности философского учения наглядно видны на примере сотрудничества и борьбы двух, по своей сущности гносеологических, учений — материализма и идеализма. Однако на уровне явления эти направления обладают также аксиологическими коннотациями. Неслучайно классики марксизма говорили о них как о двух борющихся партиях в сфере теоретического мировоззрения.

Картина мира в качестве важного понятия специфична именно для философии. Все остальные КМ (научная, техническая, художественная, мифологическая, религиозная и др.) являются по отношению к философской частичными (неполными). Именно философская КМ призвана интегрировать разнообразные образы, знания и оценки на основе фундаментальных (системообразующих) принципов. Можно ли получить целостное представление о реальности путем фотографии, кино съемки, фиксации множества эмпирических фактов социальной действительности? Очевидно, что в таком случае имелось бы пестрое и мозаичное полотно, где было бы невозможно нормальным образом ориентироваться, понимать тенденции и закономерности искомой области научного и теоретического исследования. Отсюда потребность в единой картине мира.

Универсальным признаком философской картины мира выступает ее парадигмальность (парадигма — греч. пример, модель, образец). Именно в парадигмальности следует усматривать сущность философской КМ. В формате атрибутивного подхода парадигмальность означает наличие определенного стиля мышления (методологии исследования), присущего философской КМ.

Философский стиль мышления отличает критический взгляд на сложившиеся мировоззренческие идеи и концепции.

Любая картина мира, с одной стороны, представляет собой репрезентант некоторого фрагмента совокупной природной и общественной реальности, а с другой — механизм, который мотивирует социальное поведение людей. Понятие репрезентации в самом общем плане означает представление одного в другом и посредством другого. КМ в процессе духовной (теоретической) деятельности замещает тот или иной срез бытия и тем самым превращает его в предмет исследовательской мысли. Иными словами, духовная интеллектуально-теоретическая деятельность формирует целостный (холистический) образ, призванный идеальным образом заместить ту реальность, в которой живет человек. Подобное замещение позволяет субъекту производить с этой вторичной реальностью такие операции, которые невозможны с реальностью первичной, т. е. реальностью самой по себе.

Философская КМ не может быть каким-то отдельно и произвольно взятым фрагментом бытия. КМ есть холистический образ (некоторая совокупность представлений) окружающей человека реальности. КМ поддается выделению, описанию или реконструкции в процессе духовной деятельности субъекта. Каждый из субъектов (индивид, социальная группа, общество) обладает некоторым более или менее упорядоченным набором представлений, позволяющих ему познавать и оценивать окружающую действительность. Наличие КМ свидетельствует о том, что у субъекта формируется идеальный образ (в широком смысле слова) внешнего мира, который имеет личностный и общественный смысл и в котором фиксируется отношение субъекта к действительности. Идеальное, структурированное в КМ, не только отражает действительность, но и выступает средством ее преобразования.

Философская КМ не является простой мозаикой повседневных представлений. Повседневность здесь находит свое отражение сквозь призму теоретической и критической интерпретации. Повседневное и обыденное сознание и познание являются мозаичными и в значительной мере хаотичными. Обыденное познание создает конгломерат образов, знаний и оценок, предписаний и верований, где лишь отдельные фрагменты органически связаны между собой. В философской и других КМ образы реальности носят логически организованный характер.

Философская КМ находит свою концептуализацию в учебных курсах и программах. В каждом учебном пособии более или менее адекватным образом репрезентируется существующая картина реальности. Однако сама целостная КМ несводима к отдельным учебным пособиям, включая всю их совокупность. Эта КМ находится в умах всего человеческого сообщества, она динамична и постоянно обновляется. Поэтому никакие издания курсов философии не в состоянии отобразить всю картину бытия во всей ее полноте. Философская КМ — это один из способов интеллектуально-теоретического освоения человеком действительности.

Философия как учение. Термин «учение» предполагает наличие некоторой совокупности рефлексий о какой-либо области явлений действительности [Ожегов, Шведова, 2004: 845]. Сущность учения — служить наставлением, которое в философии имеет теоретическое (системное, логическое) основание. Наставление (советы, рекомендации) близко к назиданию, наказу, напутствию

тому, кто в этом нуждается. Оно используется с целью исправления или корректировки поведения человека, придания его образу мыслей определенного направления. Наставление в рассматриваемом здесь плане может быть репрезентативно представлено в форме трактата. В трактатах нередко предлагаются более или менее полные и последовательные взгляды на определенную область знания. Трактаты играют значительную роль в развитии мировоззрения, представляют собой важный инструмент для формирования философских учений и предлагают новые пути исследования и понимания мира. Примеры трактатов как формы философских учений: «Трактат о поэтике» Аристотеля (в нем анализируется природа и основные принципы поэзии и трагедии); «О природе богов», «О судьбе» Цицерона; «О блаженной жизни», «О скоротечности жизни», «О стойкости мудреца», «О провидении», «О гневе», «О природе» Луция Сенеки; «Трактат о социальном договоре» Ж. Ж. Руссо (в нем анализируются происхождение и сущность общественного договора и его роль в формировании государства).

Центральное противоречие философии базируется на двух противоположностях — магистральной и региональной. В разные исторические эпохи магистральные и региональные учения порой менялись местами в плане их детерминационной значимости. Прежде всего, сказанное касается направлений рационализма и иррационализма. Помимо них в истории философии происходило чередование магистральности и региональности между направлениями материализма и идеализма, диалектики и метафизики.

Магистральность в данном смысловом контексте означает ведущий (главный) характер какого-либо философского направления в определенный промежуток времени. Термин «ведущий» маркирует сущность магистральности и является ключевым (стержневым, краеугольным) ее фактором.

Региональность означает ограниченный (не универсальный) характер какого-либо философского направления в определенный промежуток времени. Распространение и влияние региональных направлений, по сравнению с магистральными, является более ограниченным по своему детерминационному весу и влиянию. В этом заключается сущность региональности. Ситуация ограниченности означает определенную узость (предельность) поля философской региональности.

Следует заметить, что нередко из региональной школы с небольшим числом представителей выростали магистральные философские течения европейского и мирового уровня. Таковы исторические судьбы милетской и пифагорейской школ, конфуцианства и эпикуреизма, русского космизма и др.

В древнем и средневековом обществе в качестве магистрального (ведущего) направления выступал иррационализм, тогда как рационалистические учения несли на себе печать региональности (локальности). К иррационализму, в отличие и в противовес рационализму, относят течения, провозглашающие примат неразумного начала и делающие его основной характеристикой как самой реальности, так и соответствующей КМ. При этом следует иметь в виду наличие момента относительности (порой весьма существенного) такого противопоставления как в отношении двух выделяемых направлений, так и в отношении конкретных мыслителей, их представляющих.

С учетом сказанного к философам по преимуществу *магистрального* иррационализма данного исторического периода можно отнести следующих

известных мыслителей (в алфавитном порядке): Августина Блаженного, Ф. Аквинского, Антисфена, Бернара Клервосского, Диогена Синопского, Зенона Элейского, Парменида, Пифагора, Плотина, Секста Эмпирика, Тертуллиана, Филона Александрийского и др. К представителям *регионального* — рационалистического — плана отнесу следующих философов: Анаксагора, Анаксимандра, Анаксимена, Аристотеля, Гераклита, Демокрита, Зенона из Китиона, Лукреция, Платона, Сократа, Фалеса, Филолая, Эмпедокла и др.

В эпоху Возрождения и Нового времени, в отличие от предшествующего исторического периода, *магистральными* становятся рационалистические учения. К его представителям можно отнести следующих мыслителей: М. Бакунина, Д. Бруно, Ф. Бэкона, И. Бентама, Л. Бюхнера, Д. Вико, Ф. Вольтера, П. Гассенди, Г. Гегеля, К. Гельвеция, А. Герцена, Т. Гоббса, П. Гольбаха, Р. Декарта, Д. Дидро, И. Канта, М. Кондорсе, Э. Кондильяка, П. Кропоткина, Ж. Ламетри, Г. Лейбница, В. Ленина, Д. Локка, М. Лютера, К. Маркса, Т. Мора, Ш. Монтескьё, Г. Плеханова, Ж. Руссо, Б. Спинозу, Д. Толанда, А. Тюрго, Л. Фейербаха, К. Фогта, Н. Чернышевского, Ф. Энгельса и др. К представителям *регионального* иррационализма данного исторического периода можно причислить следующих известных мыслителей: Р. Авенариуса, Д. Беркли, Я. Бёме, Е. Блаватскую, У. Джеймса, О. Конта, Н. Кузанского, С. Кьеркегора, Э. Маха, Д. Милля, Ф. Ницше, Ч. Пирса, Э. Сведенборга, Вл. Соловьёва, Г. Спенсера, Н. Фёдорова, И. Фихте, П. Чаадаева, Ф. Шеллинга, А. Шопенгауэра и др.

В Новейшее время усиливалась мощь рационалистического направления как *магистрального*. К его представителям отнесу следующих мыслителей: А. Айера, Р. Арона, Д. Белла, М. Бунге, Н. Бухарина, Л. Витгенштейна, Х. Гадамера, Р. Карнапа, Б. М. Кедрова, Г. Маркузе, С. Победоносцева, У. Росту, П. В. Симонова, И. В. Сталина, А. Тоффлера, Л. Троицкого, Э. Фромма, М. Шлика и мн. др. *Региональный* иррационализм новейшей эпохи представлен следующими известными мыслителями: Д. Андреевым, К. Бартом, А. Бергсоном, Н. Бердяевым, С. Булгаковым, Р. Бультманом, Э. Гуссерлем, Э. Жильсоном, А. И. Клизовским, Ж. Лаканом, К. Леви-Строссом, Н. О. Лосским, Ж. Маритеном, Г. Марселем, Н.К. Рерихом, П. Тиллихом, А. Тойнби, П. Флоренским, М. Фуко, М. Хайдеггером, П. Тейяром де Шарденом, О. Шпенглером, Л. Шестовым, Г. Шпетом, К. Юнгом и др.

Помимо центрального, в философии существуют и другие весьма важные противоречия. Прежде всего, они связаны со спецификой движущих противоречий в сфере картин мира и философских учений.

Движущим противоречием картины мира, по-видимому, выступают противоположности универсализма и локальности, которые находятся в постоянной борьбе и взаимопроникновении. Универсальная сторона противоречия по своей сущности является всеобъемлющим (глобальным, широкомасштабным) свойством КМ. В свою очередь, ее всеобъемлющий характер полноценно передает понятие обширности (многогранности). Локальная сторона предполагает наличие определенных рамок, установленных внешних условий и распространяется на сравнительно узкую область рассматриваемых процессов. Сущность данной стороны КМ адекватно выражается в понятии ограниченности, которая во многом детерминирует понимание человека о себе и мире. Философская КМ призвана исследовать природу универсализма и ограниченности (локальности), уяснить, какие ограничения нас окружают и как мы можем взаимодействовать

с ними для достижения универсализма и совершенства. Ограниченность КМ, в свою очередь, предполагает ее неповторимость, в которой находит свое выражение оригинальность, самобытность философских образов природы, общества и человеческого мышления.

Что касается учения, его движущим противоречием выступают пропагандистская и демонстрационная составные, которые взаимопроникают и переходят друг в друга.

Пропагандистская сторона призвана распространять и углубленно разъяснять идеи философского учения (среди широких масс населения или круга специалистов), а также оказывать на социальные субъекты политическое или идеологическое воздействие. Сущность данной функции заключается в ее агитационной направленности, что позволяет влиять на общественное мнение, целенаправленно воздействовать на настроения и сознание людей с целью их побуждения к политическим и иным действиям. В то же время агитационная практика предполагает разъяснительную работу, представляющую собой форму деятельности государственных органов с населением, целью которой является опровержение слухов и дезинформации, что особенно актуально в наше время. Разъяснительная работа направлена также на предупреждение циркулярной реакции, когда происходит эмоциональное заражение людей в неорганизованных общностях и экстремальных ситуациях.

Демонстрационная сторона предполагает не только агитационно-разъяснительную работу, но и акцентирование внимания субъектов на присутствии в учении соответствующих навыков (логических, методических, педагогических и др.) для его реализации, воплощения в жизнь. Именно акцентуация такого рода является сущностью демонстрационной функции. Акценты нередко расставлялись в плане выработки логически состоятельных определений философских понятий и категорий, их ранжирования и приведения в определенную систему. В свое время особенно прославился в этом плане Аристотель, сочинения которого были во многом «кульминацией логики» того времени. Позднее больших успехов в этом направлении достиг Гегель.

Демонстрационная акцентуация призвана сделать особо заметными (выразительными, подчеркнутыми) наиболее значимые аспекты исторических и современных философских учений (например, диалектического метода). Сегодня в связи с взрывным ростом интереса и значения цифровой технологии особенно важно формировать философские учения (доктрины и школы) с учетом требований формализованных и алгоритмических методов и методологии.

Структура философии. Структура философии определяется особенностями взаимосвязи философских атрибутов и предполагает наличие трех основных функций: сциентистской, утешительной и деонтологической [Булычёв, Кирюшин, 2023]. Превалирование картины мира лежит в основе сциентистской функции. Напротив, перевес учения характерен для утешительной функции. Примерное равенство веса атрибутов — основа деонтологической функции.

Сциентистская функция означает, что современная (не деформированная) философия ориентируется на науку, а не на мифологические или повседневные образы. Сциентизм представляет собой мировоззренческую установку на признание научного знания одной из высших культурных ценностей. Сциентизм в качестве функции философии носит интегральный (комплексный) характер, и его образ отнюдь не сводится к естественнонаучным эквивалентам,

а имеет своей опорой все научное знание в целом. При этом интегральный сциентизм в качестве научно-философского образа непременно ориентирован на рациональность, под которой понимаются постоянная ее обращенность к доводам рассудка (разума) и стремление максимально исключить эмоции и субъективные мнения при формировании картины мира и принятии решений, имеющих практическое значение. Подобный образ суть холистический императив, детерминирующий соответствующий стиль мышления и поведения людей.

Сущность сциентистской функции наиболее точно выражает термин «достоверность». Достоверность — это твердо обоснованное, доказательное, бесспорное знание (например, суждение «Луна — спутник Земли»). Достоверные суждения разделяются на два вида: 1. Ассерторические, констатирующие реальное положение дел. 2. Аподиктические, утверждающие необходимую связь явлений. Достоверность суждений обеспечивается эмпирическим подтверждением, экспериментальными данными, общественной практикой. В свою очередь, достоверность свидетельствует о весомости (солидности) используемых теоретических и методологических оснований. Последние характеризуются также как авторитетные и значительные, престижные и убедительные.

Утешительная функция призвана примирить человека с внешним миром (природным и общественным), сложностями его бытия в этом мире, временной ограниченностью существования отдельного индивидуума. Примирение выражает сущность утешительной функции. Примирение, в свою очередь, учит терпимо относиться к неизбежным трудностям существования человека в нашем мире. Утешение позволяет избавиться человека от печали или беспокойства. Оно делает упор на положительные перемены в будущем. Философия, так или иначе, всегда играла роль психотерапии. Между тем задачу утешения нередко относили и продолжают относить по ведомству искусства, психологии, религии и т. д.

Искусство, безусловно, обладает утешительным потенциалом, будучи способным восстанавливать в сфере духа гармонию, утраченную в реальности. Воспринимая художественное произведение, люди разряжают внутреннее напряжение, порожденное реальной жизнью, и компенсируют монотонность повседневности. Жизнь современного человека полна конфликтных ситуаций, перегрузок, неосуществившихся надежд и огорчений. Искусство утешает, уводит в мир грез и влияет на внутреннюю гармонию личности, способствуя сохранению и восстановлению психического равновесия. Создавая в нашем дисгармоничном мире внутреннюю гармонию, искусство помогает человеку удержаться на краю жизненной пропасти и дает возможность жить дальше. Своей красотой оно компенсирует жизненные потери людей, скрашивает серые будни или несчастливое бытие. Утешение искусством наиболее эмоционально, но оно также во многом субъективно, индивидуально. Важно также, что оно может носить социально негативный характер (дезориентировать, растлевать людей и т. п.).

Утешение наукой (или знанием), предлагающей (предлагающим) модели постоянного улучшения земного человеческого бытия во многих его измерениях, казалось бы, наиболее эффективно, поскольку привязано к конкретной действительности. Однако и здесь все обстоит совсем не просто. Научная картина мира последнего столетия по сути крайне пессимистична. Фактически эта КМ постулирует неизбежную гибель нашей Вселенной вместе со всеми ее разумными обитателями в результате ее, якобы, все ускоряющегося расширения. От этой

«нестационарной» КМ веет могильным холодом вселенской безнадежности. Ученые и преподаватели как отечественные, так и зарубежные приводят свидетельства того, что итоговые выводы космической эсхатологии, изложенные перед слушателями в аудитории, нередко действуют на них удручающе («люди начинают плакать») [Мак, 2021: 285]. Эта ситуация вполне предсказуемо заставляет обращаться к разного рода эрзац-учениям и доктринам.

Нельзя не заметить, что научная КМ, лейтмотивом которой является Большой взрыв с последующим ускоренным или неускоренным расширением Вселенной, с самого начала ее появления имеет не только множество сторонников, но и серьезных критиков. В качестве примера можно привести гипотезу «старения света», которая впервые была предложена Фрицем Цвикки в 1929 году. Основная концептуальная мысль в ней такова: свет от более удаленных галактик выглядит более красным, чем свет от тех, которые ближе к Земле. Возникновение данного эффекта обусловлено тем, что при удалении объектов Вселенной друг от друга длина волны света увеличивается. Это сдвигает ее в красную область спектра. Таким образом, красное смещение вызвано не движением галактик и расширением Вселенной, а потерей светом своей интенсивности во времени. В результате удаленные галактики выглядят (кажутся) более красными не потому, что они удаляются от нас с большей скоростью, а потому, что свет от них проходит более длительный путь и «стареет». Данная гипотеза предполагает идею статичной Вселенной. Нарративы же ее расширения являются иллюзией. Эту гипотезу поддерживала целая группа видных ученых, среди них Эрвин Финлей-Фройндлих, Макс Борн, пулковский астрофизик Аристарх Белопольский и одно время сам Эдвин Хаббл. Сегодня в связи с новыми открытиями космического телескопа «Джеймс Уэбб» (JWST), которые не укладываются в сложившиеся космологические модели, ученые вновь обратились к гипотезе старения света с целью объяснения космологического красного смещения и возраста нашей Вселенной, который, согласно новым данным, не вмещается в привычные рамки 13—14 миллиардов лет. Следует также упомянуть любопытные сведения об отсутствии феномена расширения Вселенной, которые приводит в своих публикациях С. Н. Победоносцев [Победоносцев, 2014—2016].

Предполагаемая судьба нашей Вселенной не может не влиять на представления о будущем человечества и смысле его жизни. По большому счету, именно в теоретическом мировоззрении общество и отдельные люди находят ответ на основополагающий вопрос о смысле бытия. Эта проблема важна не только теоретически, но и практически. Ученые по итогам целого ряда опросов обнаружили корреляцию между наличием смысла жизни и здоровьем людей. Осмысленность существования — серьезный медицинский показатель, который необходимо учитывать в клинической практике. Дело в том, что человеку совсем не просто примириться с неминуемостью своей смерти, а также с трудностями обыденной жизни. В данной связи потеря высших холистических императивов чревата тягой к суициду, наркомании и алкоголизму, не говоря уже об опасностях криминального антисоциального поведения. Именно философия призвана укрепить человеческий дух в его позитивных устремлениях и обретении надежды на счастье и благополучие. Философия может и должна (аргументированно и доказательно) показать, что существующая эсхатологическая и, якобы, «научная» картина мира ошибочна не только с логической, гуманистической, но и фактической точек зрения.

Деонтологическая функция наиболее весома и подразумевает наличие предписывающего (долженствовательного) характера философии в целом, а также ее принципов, законов и категорий. Термин деонтология (греч. — должное и учение; наука о должном) широкое распространение получил в философско-этических доктринах, основное содержание которых во многом составляют принципы регулирования и управления различными общественными структурами. В предписывающем локусе раскрывается сущность деонтологической функции, которая означает долженствование, т. е. необходимость социальным группам и отдельным людям следовать философским принципам (социально-политическим, нравственным, эстетическим и др.) данного сообщества как в теории, так и в своей практической профессиональной и повседневной жизни. Чем авторитетнее данная философская картина мира или учение, тем больше тех, кто должен (обязан) следовать их принципам. Показательна ситуация в рассматриваемом плане в современном Китае, где философия марксизма является доминирующим императивом для более чем миллиарда людей.

Библиографический список / References

- Булычёв И. И., Кирюшин А. Н. Предназначение и функции философии в мире нестабильности // Военный академический журнал. 2023. № 4 (40). С. 11—16.
(Bulychev I. I., Kiryushin A. N. The purpose and functions of philosophy in an unstable world, *Military Academic Journal*, 2023, no. 4 (40), pp. 11—16. — In Russ.)
- Мак Кэти. Конец всего: 5 сценариев гибели Вселенной с точки зрения астрофизики. М.: Эксмо, 2021. 304 с.
(Mac Cathy. *The end of everything: 5 scenarios of the death of the Universe from the point of view of astrophysics*, Moscow, 2021, 304 p. — In Russ.)
- Ожегов С. Н., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.
(Ozhegov S. N., Shvedova N. Y. *Explanatory dictionary of the Russian language*, Moscow, 2004. 944 p. — In Russ.)
- Победоносцев С. Н. Информационное поле Вселенной раскрывает свои удивительные секреты. Кн. 1—5. Тамбов: Центр-пресс, 2014—2016.
(Pobedonostsev S. N. *The information field of the Universe reveals its amazing secrets: Books 1—5*, Tambov, 2014—2016. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 27.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Булычёв Игорь Ильич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Мичуринский государственный аграрный университет, г. Тамбов, Россия, igor-algorithm@mail.ru

Bulychev Igor Ilyich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Michurinsk State Agrarian University, Tambov, Russian Federation, igor-algorithm@mail.ru

ПРИКЛАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА

Научная статья
УДК 811.9:81'322.4
DOI: 10.46724/NOOS.2024.4.89-98

М. В. Сидоров

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ИСКУССТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Аннотация. Статья посвящена проблемам, с которыми можно столкнуться при переводе между естественными и искусственными языками. Автор рассказывает об общих трудностях, которые могут встретиться при рассмотрении естественных языков. Кроме того, рассматриваются особенности машинного перевода с помощью нейронных сетей и иных программных средств. Приводятся примеры подобных переводов, а также выделяются ключевые особенности подобного подхода. При рассмотрении искусственных языков дается их общая классификация, а также рассматриваются особенности перевода при использовании языков программирования. В заключение делается общий вывод о проблемах перевода и возможные пути решения.

Ключевые слова: естественные языки, искусственные языки, проблемы перевода, нейронные сети, искусственный интеллект.

Ссылка для цитирования: Сидоров М. В. Естественные и искусственные языки: проблема перевода // Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 89—98.

Original article

M. V. Sidorov

NATURAL AND ARTIFICIAL LANGUAGES: TRANSLATION PROBLEM

Abstract. The article is devoted to the problems that can be encountered when translating between natural and artificial languages. The author talks about common difficulties that can be encountered when considering natural languages. In addition, the features of machine translation using neural networks and other software are considered. Examples of such translations are given, and the key features of this approach are highlighted. When considering artificial languages, their general classification is given, and the features of translation when using programming languages are also considered. In conclusion, a general conclusion is made about translation problems and possible solutions.

Keywords: natural languages, artificial languages, translation problems, neural networks, artificial intelligence.

Citation Link: Sidorov M. V. (2024) Natural and artificial languages: translation problem, *Noospheric Studies*, no. 4, pp. 89—98.

© Сидоров М. В., 2024

Ноосферные исследования. 2024. Вып. 4. С. 89—98 •

Введение. С проблемой перевода между естественными и искусственными языками часто сталкиваются исследователи в области лингвистики и компьютерных наук. Естественные языки, такие как английский, немецкий, русский, испанский или китайский, развивались в течение многих веков. По этой причине они обладают богатым семантическим содержанием со своими нюансами, а также огромным множеством грамматических правил и идиом. Искусственные языки, такие как языки программирования или формальные логические языки, достаточно строги и точны в своей структуре. Их основные принципы могут значительно отличаться от естественных языков [Мартынец, 2011]. При переводе текста с одного языка на другой возникают сложности, связанные с различиями в синтаксисе, семантике и культурных особенностях. Мартин Хайдеггер утверждал, что национальные языки «не просто различны, но исходят в корне из разного существа» [Хайдеггер, 1993: 225]. По этой причине представителям разных культур очень сложно взаимодействовать друг с другом и сохранять смысл текстов при переводе. Семантические трудности лишь усугубляют ситуацию и увеличивают пропасть между народами. Тезаурус настоящей статьи лежит в плоскости прикладной философии языка и задается разработками ивановской научной школы философии сознания и ноосферы [Смирнов Г., Смирнов Д., 2017; Смирнов, Никифоров, 2018].

В настоящее время широкое распространение получили компьютерные программы и алгоритмы, способные автоматически переводить тексты с одного языка на другой с высокой точностью. Но даже самые современные системы машинного перевода испытывают трудности в понимании контекста, игры слов, идиом и культурных оттенков. Данная особенность часто приводит к недосказанности или неправильному переводу. Исследователи в области машинного перевода продолжают работать над улучшением алгоритмов и методов, чтобы создать более точные и надежные системы перевода. При этом существуют определенные трудности при оценке качества машинного перевода.

Одной из главных задач любого перевода является необходимость «представить смыслы и культурный контент оригинального текста в смысловом измерении другого языка» [Ласица, Соколова, 2017: 25]. Применительно к образовательно-университетской сфере может возникнуть необходимость перевода учебной литературы, технической документации, а также художественных текстов на соответствующих дисциплинах. Кроме того, в образовательной сфере часто требуется перевод интернет-ресурсов, обучающих видеороликов и аудиоматериалов, а также иных форм цифрового контента. В данном случае необходимо решить ряд задач.

Во-первых, очень важной задачей является выбор подхода к переводу. В сложившейся языковедческой традиции базовой переводческой универсалией стала оппозиция принципов «буквализма» и «вольности» [Агафонов, 2020: 3—8]. С одной стороны, буквальный перевод может быть полезен для точной передачи сути исходного текста. Это жизненно необходимо при переводе технических текстов и иной документации. С другой стороны, при переводе художественных текстов может быть полезен вольный перевод. В этом случае фразеологизмы, которые теряют смысл при буквальном переводе, могут быть по-своему интерпретированы, и смысл текста сохранится. Но нужно понимать, что каждый случай перевода уникален и требует индивидуального подхода.

Вторая задача тесно связана с машинным переводом. В этом случае критически важным является выбор контекстуально-необходимого варианта перевода [Гирфанов, 2021: 1221—1224]. Очень часто конечный результат переводимого текста напрямую зависит от стиля и тематики исходного текста. При этом одним из ключевых факторов является синтаксическое, грамматическое и лексическое родство языков, между которыми осуществляется перевод. Отсюда вытекает третья задача, которая связана с оценкой качества перевода.

Очень важно определить, насколько смысл перевода соответствует исходному тексту. Для решения этой задачи необходимо выработать методику оценки качества перевода и выявить критерии качества хорошего перевода.

Естественные языки: особенности перевода. Перевод естественных языков представляет собой сложный процесс, который может столкнуться с различными трудностями. Одной из проблем, с которыми может столкнуться переводчик, является перевод идиом, фразовых глаголов, а также культурно-специфичных выражений, которые могут быть трудными для понимания и передачи в другом языке. Некоторые концепции и понятия могут быть уникальными для определенного языка и не иметь прямого эквивалента в другом языке, что делает их перевод крайне затруднительным.

К примеру, английское выражение «It's raining cats and dogs» не имеет буквального значения и переводится на русский следующим образом: «Льет как из ведра». В данном случае переводчику нельзя переводить фразу дословно, а нужно найти аналогичное выражение в целевом языке. Но это не всегда представляется возможным. К примеру, японская фраза «猫の手も借りたい» не имеет эквивалента в русском языке, а ее дословный перевод выглядит следующим образом: «хотел бы даже арендовать лапу кошки». Она означает крайнюю занятость или нехватку ресурсов. В данном случае можно попытаться объяснить смысл выражения, но нахождение эквивалента в других языках не всегда возможно.

Кроме того, существуют технические трудности, связанные с использованием компьютерных программ для машинного перевода, которые очень часто искажают смысл и контекст исходного текста. К примеру, японская фраза из предыдущего абзаца переводится программой-переводчиком от компании Google как «Я тоже хочу одолжить кошачью руку»¹. Данный перевод полностью некорректен. В свою очередь, благодаря компании Google появился английский глагол «to Google», который буквально означает «Осуществлять поиск в сети Интернет с использованием поисковой системы от компании Google». Компьютерные программы часто переводят данное слово как «гуглить», что является англицизмом. Его пришлось ввести в русский язык из-за того, что аналогов глагола «to Google» не существует, а его замена длинной фразой нежелательна.

Филипп Коэн на своих лекциях в 2013 году выделил следующие семантические проблемы при использовании машинного перевода: полисемия (наличие у одного слова нескольких значений), перевод местоимений, кореферентность (наличие слов, социальные статусы, которые применимы к референтам как мужского, так и женского рода) [Коврижкин, 2022: 295—302]. Очень часто компьютерные алгоритмы не способны выбрать нужное значение слова или корректно

¹ Программа-переводчик от компании Google. URL: <https://translate.google.com/> (дата обращения: 17.05.2024).

определить род. В последние годы для решения этих проблем широко применяются нейронные сети. Их механизм самообучения привел к значительному улучшению качества автоматического перевода текстов между различными языками.

Одним из ключевых достижений в этой области стало появление модели «Attention is all you need», которая была обозначена в статье Ашиша Васвани и соавторов [Vaswani, 2017] и представляет собой революционный подход к машинному переводу с использованием нейронных сетей. Эта модель полностью отказывается от использования рекуррентных нейронных сетей² и сводит задачу перевода к механизму внимания.

Основная идея модели заключается в том, что вместо последовательной обработки входных и выходных последовательностей слов модель сразу же рассматривает все слова входной последовательности при генерации каждого слова выходной последовательности. Это достигается за счет механизма внимания, который позволяет модели фокусироваться на различных частях входной последовательности в разные моменты времени.

Основные компоненты модели «Attention is all you need» включают в себя:

- энкодер, который преобразует входную последовательность слов в последовательность векторов состояний;
- декодер, который генерирует выходную последовательность слов на основе векторов состояний и контекста, полученного с помощью механизма внимания;
- механизм внимания, который определяет, на какие части входной последовательности нужно сосредоточиться для генерации каждого слова выходной последовательности.

Эта модель показала отличные результаты в задачах машинного перевода, превзойдя более традиционные методы на многих языковых парах. Благодаря своей эффективности и возможности параллельной обработки модель «Attention is all you need» стала одним из важных прорывов в области нейронного машинного перевода.

Нейронные сети активно применяются ведущими ИТ компаниями, такими как Google, для улучшения качества своих цифровых сервисов для машинного перевода. К примеру, автором статьи был проведен эксперимент по переводу фразы «Я очень люблю философию, и я рад принять участие в симпозиуме в Ивановском государственном университете» на английский язык. Затем результат был переведен на арабский язык и, в конечном итоге, обратно переведен на русский. Общая последовательность переводов приведена ниже:

1. Я очень люблю философию, и я рад принять участие в симпозиуме в Ивановском государственном университете (рус.).
2. I really love philosophy and I am glad to take part in the symposium at Ivanovo State University (англ.).
3. إيفانوفو ولاية جامعة في الندوة في أشارك أن ويسعدني الفلسفة أحب حقاً أنا (араб.).

² Рекуррентные нейронные сети — вид нейронных сетей, где связи между элементами образуют направленную последовательность. Благодаря этому появляется возможность обрабатывать серии событий во времени или последовательные пространственные цепочки.

4. Мне очень нравится философия, и я рад принять участие в семинаре в Ивановском государственном университете (рус.).

Как можно заметить, конечный результат достаточно близок к исходным данным. Ключевое различие состоит в том, что слово «симпозиум» было заменено на «семинар». Скорее всего, это связано с тем, что в арабском языке данные слова являются синонимами.

При этом добавление во фразу фразеологизмов значительно затрудняет перевод. К примеру, фраза «Студент понял, что не стоит вешать нос, а лучше взять быка за рога, перестать витать в облаках и, обретя второе дыхание, начать учиться во всю прыть» при машинном переводе на немецкий, китайский и русский теряет изначальный смысл:

1. Студент понял, что не стоит вешать нос, а лучше взять быка за рога, перестать витать в облаках и, обретя второе дыхание, начать учиться во всю прыть (рус.).
2. Der Student erkannte, dass er nicht die Nase hängen lassen, sondern den Stier bei den Hörnern packen, aufhören sollte, in den Wolken zu hängen und, nachdem er einen zweiten Wind gefunden hatte, mit Vollgas mit dem Lernen beginnen sollte (нем.).
3. 學生們，在這之後，就開始學習了，然後，在工作中，在風中學習，從學習開始。(кит.).
4. Студенты после этого начали учиться, а потом, работая, учась на ветру, начали учиться.

Как можно заметить, фраза полностью потеряла изначальный смысл и является набором бессвязных словосочетаний. Однако положительные сдвиги в данном направлении присутствуют. В 2023 году вышла новость о том, что нейронные сети с высокой долей вероятности научились распознавать сарказм и иронию³. В дальнейшем данные наработки можно будет использовать для перевода фразеологизмов и иных устойчивых выражений. Но на текущий момент проблемы перевода местоимений и кореферентности все еще не удалось решить полностью. Результат очень сильно зависит от входных данных для программы-переводчика и от разбивки исходного текста на предложения [Коврижкин, 2022: 295—302].

Искусственные языки: ключевые различия. При переводе искусственных языков переводчик также может столкнуться с рядом трудностей. При этом искусственные языки, созданные для литературных или коммуникативных целей, чаще всего имеют более стройную структуру и меньшую многозначность, чем естественные языки⁴.

Одной из основных проблем при переводе искусственных языков является точность передачи лексики и грамматики. Некоторые искусственные языки могут содержать уникальные концепции и особенности, которые могут быть трудными для адекватного перевода на другой язык. Кроме того, существуют различия в фонетике и орфографии, которые также могут создавать сложности при

³ Более подробно об этом см.: Нейросети научились распознавать сарказм и иронию. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2023/12/28/22029613.shtml> (дата обращения: 20.05.2024).

⁴ Обзорную информацию по искусственным языкам можно найти здесь: URL: <https://conlang.org/> (дата обращения: 20.05.2024).

переводе искусственных языков. Значительных успехов в данной области достиг Дэвид Петерсон, который работал над созданием искусственных языков для фильмов и сериалов, таких как «Игра престолов» [Peterson, 2015].

Также важным аспектом при переводе искусственных языков является сохранение стиля и тональности оригинала, что может быть вызывающей задачей, особенно при переводе художественной литературы.

Помимо искусственных языков, созданных для книг, фильмов и игр, существуют и другие виды искусственных языков:

- языки международного общения (эсперанто, интерлингва и др.);
- языки программирования, созданные для написания компьютерных программ (C++, Python, JavaScript, 1С и др.);
- музыкальные языки, созданные композиторами для своих музыкальных произведений, чтобы передать определенные эмоции или атмосферу;
- жестовые языки, созданные для общения через жесты и мимику.

В качестве примера автор данной статьи рассмотрит особенности перевода языков программирования, которые имеют свои собственные правила синтаксиса и грамматики, сильно отличающиеся от естественных языков. Переводчику нужно учитывать эти особенности при переводе кода.

Перевод языков программирования может быть сложным по нескольким причинам:

1. Терминология: языки программирования содержат специфическую терминологию, которая может иметь разные значения в различных контекстах. Переводчику нужно точно передать значения ключевых терминов, чтобы избежать недопонимания.
2. Синтаксис и грамматика: языки программирования имеют свои собственные правила синтаксиса и грамматики, которые могут сильно отличаться от естественных языков. Переводчику нужно учитывать эти особенности при переводе кода.
3. Контекст: при переводе языков программирования важно учитывать контекст использования. Некоторые конструкции или функции могут иметь специфический смысл в определенной области программирования или фреймворке⁵.
4. Алгоритмы и структуры данных: перевод алгоритмов и структур данных с одного языка программирования на другой может быть сложным из-за различий в способах реализации и оптимизации.
5. Идиомы и стандарты: каждый язык программирования имеет свои уникальные идиомы, стандарты кодирования и практики разработки, которые могут быть трудно передать при переводе.
6. Документация и комментарии: при переводе документации или комментариев к коду важно сохранить понятность и точность информации, чтобы разработчики могли легко понимать код и его функциональность.

⁵ Фреймворк — программная платформа, определяющая структуру программной системы; программное обеспечение, облегчающее разработку и объединение разных компонентов большого программного проекта.

Ниже приведен пример программы, написанной на языке «C++», которая определяет четность числа⁶:

```
if (a % 2 == 0)
    cout << "четное" << endl;
else
    cout << "нечетное" << endl;
```

Можно увидеть, что программа состоит из ключевых слов («if» и «else», которые переводятся как «если» и «иначе» соответственно). Помимо этого, программа включает в себя математические операции, аналогичные русскому языку, а также специфические операторы («cout» и «endl»), которые не имеют аналогов при переводе. Дословный перевод подобной программы достаточно затруднителен, поскольку для этого придется переводить специальные операторы или искать им замену.

В настоящее время российская компания «1С» разработала собственный язык, который по своему принципу и структуре напоминает алгоритмические языки высокого уровня (C++, Python и др.). Ключевой особенностью языка «1С» является то, что он полностью основан на русском языке. Ниже приведен пример программы, написанной на языке «1С»⁷:

```
Если 1 < 0 Тогда // Ложь
    Сообщить("Один меньше нуля.");
Иначе
    Сообщить("Сработает именно эта ветка условного оператора (#А).");
    Сообщить("Один больше нуля.");
КонецЕсли;
```

Как можно заметить, данная программа достаточно проста для понимания. Схожесть алгоритмических языков высокого уровня с естественными языками позволяет легко интерпретировать компьютерную программу.

Другим примером является язык «SQL». Он расшифровывается как «Structured Query Language», что переводится как «Язык структурированных запросов»⁸. Пример запроса приведен ниже:

```
SELECT employees.name, departments.department_name
FROM employees INNER JOIN departments ON employees.department_id =
departments.department_id;
```

Данный запрос можно попытаться перевести на русский язык. Результат будет следующим:

```
ВЫБЕРИТЕ сотрудники.имя, отделы.название_отдела
ИЗ сотрудники ВНУТРЕННЕ ПРИСОЕДИНЕНИЕ отделы ПО сотрудни-
ки.ид_отдела = отделы.ид_отдела
```

Как можно убедиться, данный язык достаточно близок к естественному языку и при его переводе исходный смысл сохраняется. Компания «1С»

⁶ Документация по C++. URL: <https://learn.microsoft.com/ru-ru/cpp/cpp/?view=msvc-170> (дата обращения: 18.05.2024).

⁷ Руководство разработчика 1С. URL: <https://its.1c.ru/db/v838doc/browse/13/-1/5> (дата обращения: 18.05.2024).

⁸ Руководство по SQL: URL: <https://postgrespro.ru/docs/postgresql/12/sql-commands> (дата обращения: 18.05.2024).

разработала свой собственный язык запросов, который очень похож на язык «SQL». Пример на языке «1С» приведен ниже:

ВЫБРАТЬ

ФизЛица.Код КАК Код,
ФизЛица.Наименование КАК Имя,
Должности.Отдел КАК Отдел

ИЗ

Справочник.ФизЛица КАК ФизЛица
ЛЕВОЕ СОЕДИНЕНИЕ Справочник.Должности КАК Должности
ПО Должности.ФизЛицо = ФизЛица.Ссылка

УПОРЯДОЧИТЬ ПО Код

Как можно заметить, перевод алгоритмических языков высокого уровня не является слишком сложной задачей. Благодаря простому синтаксису и большому количеству аналогов ключевых слов в других языках, данная задача вполне реализуема на практике. Исключением могут являться специфические операторы (например, оператор «cout» в языке C++ и ключевое слово «def» в языке Python). Для решения подобных ситуаций придется придумывать аналогичные операторы в русском языке или заменять их чем-то другим. По этой причине перевод языков программирования требует не только хорошего знания самих языков программирования, но и понимания их особенностей, контекста использования и целей разработки.

Заключение. Проблема перевода между естественными и искусственными языками остается актуальной и требует дальнейших исследований. При проведении анализа особенностей перевода естественных языков было выявлено, что машинный перевод и нейронные сети имеют свои преимущества и недостатки, которые необходимо учитывать при использовании этих методов. Современные алгоритмы достигли значительных успехов при переводе общих фраз, однако при частом использовании фразеологизмов в исходном тексте наблюдаются трудности, которые могут привести к полной потере смысла.

Исследование искусственных языков, таких как C++ и 1С, позволило выявить различия между ними и провести сравнение их особенностей. Важно отметить, что выбор конкретного языка программирования зависит от поставленных задач и требований проекта.

Для решения задачи выбора подхода к переводу стоит учитывать тематику и назначение исходного текста. При переводе технических текстов, пользовательской документации, а также программного кода целесообразно использовать буквальный перевод. При этом перевод художественных текстов допускает определенную вольность. В данном случае главное — не потерять исходный смысл.

Задача выбора контекстуально-необходимого варианта при использовании машинного перевода является одной из самых сложных. В данном случае может помочь совершенствование алгоритмов машинного перевода, а также обучение нейронных сетей на большом объеме исходных данных. К сожалению, обучение нейронных сетей — достаточно трудоемкий и длительный процесс, поэтому данный способ не всегда эффективен. Кроме того, важным фактором при переводе с помощью нейронных сетей является наличие корректных исходных данных. Пользователю нужно сформировать корректный запрос и при необходимости разбить исходный текст на несколько предложений. При этом нужно

учитывать, что каждый случай уникален и единого универсального способа не существует.

Для решения задачи оценки эффективности машинного перевода существует несколько способов. Активно применяются статистический подход, который оценивает качество перевода по определенным критериям. Другим способом оценки качества перевода является мнение конечного пользователя. Кроме того, для оценки качества перевода можно использовать нейронные сети. Профессор МГУ Ю. Н. Марчук отмечает, что нет единого критерия оценки эффективности систем машинного перевода, и предлагает учитывать стоимость систем и оценивать их работу за некоторый промежуток времени [Марчук, 2007].

Таким образом, изучение и сравнение естественных и искусственных языков, а также проблемы перевода между ними представляют собой важное направление исследований в современной лингвистике, информационных технологиях и программировании. Понимание особенностей и сложностей перевода позволяет разрабатывать более точные и эффективные методы машинного перевода, улучшая коммуникацию между различными языками и способствуя развитию межкультурного обмена и сотрудничества. Исследования в области искусственных языков также играют важную роль в развитии программирования и создании новых технологий.

Библиографический список / References

- Агафонов Е. А. Современная теория перевода и актуальные проблемы философии языка // Актуальные вопросы психологии, педагогики и экономики: сборник научных трудов / под общей ред. В. Н. Некрасова. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2020. С. 3—8.
- (Agafonov E. A. Modern translation theory and current problems of the philosophy of language, in Nekrasov V. N. (ed.) *Current issues in psychology, pedagogy and economics*, Vologda, 2020, pp. 3—8. — In Russ.)
- Гирфанов Р. Р. Преимущества, недостатки и проблемы современных систем машинного перевода // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 37. С. 1221—1224.
- (Girfanov R. R. Advantages, disadvantages and problems of modern machine translation systems, *Innovations. Science. Education*, 2021, no. 37, pp. 1221—1224. — In Russ.)
- Ковришкин А. А. Семантические проблемы машинного перевода // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода, переводческие стратегии и тактики: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 295—302.
- (Kovrizhkin A. A. Semantic problems of machine translation, in *The role and place of linguocultural adaptation of a literary text in the theory and practice of translation, translation strategies and tactics*, Moscow, 2022, pp. 295—302. — In Russ.)
- Ласица М. В., Соколова Т. В. Переводческие трансформации текста в поиске смыслов // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (17). С. 25—27.
- (Lasitsa M. V., Sokolova T. V. Translation transformations of the text in the search for meanings, *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, 2017, no. 4 (17), pp. 25—27. — In Russ.)

- Мартынец М. С. Естественные и искусственные языки: общее, особенное и единичное // Профессиональное образование в современном мире. 2011. № 2. С. 69—73.
(Martynets M. S. Natural and artificial languages: general, special and individual, *Professional education in the modern world*, 2011, no. 2, pp. 69—73. — In Russ.)
- Марчук Ю. Н. Компьютерная лингвистика. М.: АСТ; Восток – Запад, 2007. 317 с.
(Marchuk Yu. N. *Computer linguistics*, Moscow, 2007, 317 p. — In Russ.)
- Смирнов Г. С., Никифоров А. С. Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 84—92.
(Smirnov G. S., Nikiforov A. S. Planetary cephalization: organic and electronic global mind (paths of linguistic rapprochement), *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences*, 2018, no. 1, pp. 84—92. — In Russ.)
- Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г. В поисках ноосферного языка: актуализация и проблематизация глобального сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 2 (17). С. 5—14.
(Smirnov G. S., Smirnov D. G. In Search of the Noospheric Language: Actualization and Problematization of Global Consciousness, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2017, no. 2 (17), pp. 5—14. — In Russ.)
- Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 273—302.
(Heidegger M. From the dialogue about language. Between the Japanese and the Questioner, in Heidegger M. *Time and being: articles and speeches*, Moscow, 1993, pp. 273—302. — In Russ.)
- Peterson David J. *Art of language invention: From horse-lords to dark elves, the words behind the world-building*, New York: Penguin, 2015, 226 p.
- Vaswani A., et al. «Attention is all you need», *Advances in neural information processing systems*, 2017, no. 30, pp. 5998—6008.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 02.12.2024.

The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 02.12.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Сидоров Михаил Владимирович — аспирант кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, politemiha@gmail.com

Sidorov Mikhail Vladimirovich — postgraduate student of the Philosophy Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, politemiha@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ноосферные исследования», выходящий четыре раза в год, публикует оригинальные статьи в области гуманитаристики, а также материалы, посвященные актуальным проблемам философии, истории, социологии, психологии, образования (обзоры, хронику научной жизни, рецензии). Рекомендуемый объем научной статьи 20—40 тыс. знаков с пробелами; объем обзора, хроники, рецензии 10—20 тыс. знаков). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Редакция принимает к рассмотрению ранее не публиковавшиеся материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимостью. Все присланные материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат». К публикации принимаются статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Материалы принимаются **только в электронном виде** по адресу posnoos@ivanovo.ac.ru или smirnovdg@ivanovo.ac.ru главному редактору журнала Смирнову Дмитрию Григорьевичу в формате RTF. Для аспирантов и соискателей необходим отзыв научного руководителя / консультанта (отсканированный вариант с подписью и с печатью). Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат — А4; поля: верхнее — 2,7 см, левое и правое — 4 см, нижнее — 4,6 см; гарнитура (шрифт) — Times New Roman; кегль — 11; межстрочный интервал — одинарный; абзацный отступ — 1 см.

Присылаемый материал должен содержать следующий контент:

текст статьи, где приводятся фамилия, инициалы автора, название (на русском и английском языках); аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк) и ключевые слова (не более 10) последовательно на русском и английском языках (английская аннотация должна быть содержательнее и объемнее русскоязычного аналога); текст материала и библиографический список (в выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения)¹;

приложение, которое содержит сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта); фамилию, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя), ученую степень и ученое звание, место работы и должность в транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США.

Библиографический список / References формируется по алфавитному принципу, без нумерации. Шрифт Times New Roman 10. Библиографическое описание источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества

¹ Дополнительные рекомендации: для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание (разбивка не допускается); переносы только автоматические; сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически; между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел); при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”; необходимо соблюдать пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса); для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире); все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения². В References *включаются*: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; *не включаются*: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы. Основные правила таковы:

— ФИО автора транслитерируются. Для выполнения транслитерации рекомендуем использовать сайт Транслит.ру: <https://translit.ru>. Во вкладке «основной» выбрать позицию LC;

— название статьи/книги/сборника переводится на английский язык;

— название журнала приводится на английском (если у журнала нет англоязычного варианта названия, то на латинице);

— город переводится на английский язык;

— издательство не указывается;

— после описания русскоязычного источника в конце ссылки ставится указание на язык работы: — In Russ. (Источники, написанные на латинице, остаются в оригинальном написании.)

Ссылки на библиографический список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора (или авторов через запятую), далее (если у автора более, чем одна работа) год издания работы и, после двоеточия, страница. Например, [Вернадский] или [Смирнов 2003] или [Флоренский: 205].

Все рукописи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование. Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя / консультанта. О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте³. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору. Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций. Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну

² Примеры оформления: **монография**: Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с. (Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*. Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.); **статья в журнале**: Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. Т. 3, № 1. С. 57—64. (Smirnov G. S. *Noospheric picture of the world and modern education*, *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 2003, vol. 3, no. 1, pp. 57—64); **статья в сборнике**: Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 199—215. (Florensky P. A. *Temple action as a synthesis of arts*, in Florensky P. A. *Selected Works on Art*, Moscow, 1996, pp. 199—215. — In Russ.)

³ При наличии отрицательной рецензии рукопись отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Не допускаются к публикации в научном журнале статьи: содержащие ранее опубликованный материал; содержащие недобросовестные заимствования; представленные без соблюдения правил оформления; авторы которых отказываются от технической доработки публикации; авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их; представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования, оригинальность постановки и решения проблемы, значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, целесообразность публикации статьи⁴. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются размером портфеля журнала, с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев. Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля. Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие этические правила сотрудничества редколлегии и авторов.

Для авторов: авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе; подтверждают, что материалы публикуются впервые, не представлены в другие журналы, не содержат плагиат; все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, указаны как соавторы. Авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана соответствующая ссылка.

Для редколлегии: журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики; редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов; неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов); если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Для рецензента: рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументировано выражать свое мнение; рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента; рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

⁴ Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

На обложке:

репродукция работы Марии Бокаревой «Рассвет»
(Палех, 2015, личная коллекция)

Сетевое издание

НООСФЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский научный журнал

2024. Вып. 4

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Корректор *В. А. Киселева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Дата размещения на сайте 28.12.2024.
Уч.-изд. л. 7,5. Объем 6,6 МБ

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ISSN 2307-1966

NOOSPHERIC STUDIES

ONLINE EDITION

2024

4

TOPIC OF THE ISSUE

UNIVERSUMS OF THE REGIONAL PHILOSOPHY IN RUSSIA